

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический
журнал № 3 (78)
март, 2023

Содержание журнала для лиц
12+
старше
12 лет
Содержание журнала для лиц

S. NIKAS

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! А В ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАСНЫЕ ЖЕНЩИНЫ!

Вы открываете мартовский номер литературно-исторического журнала «Александръ». По сложившейся доброй традиции этот номер посвящён нашим прекрасным дамам. Замечательно, что один из первых весенних дней стал вашим праздником, наши любимые женщины. Ваша мудрость охраняет домашний очаг и учит руководить трудовыми коллективами. Ваше терпение помогает переносить тяготы повседневной жизни, доброта – воспитывать детей и внуков. Спасибо вам за всё. За доброту и сердечность, любовь и нежность, труд и терпение. Мы любим вас в печали и радости, вы – наша надежда и опора. Этот светлый и радостный день наполнен особой атмосферой душевного тепла, красоты, вдохновения и гармонии. А в результате сотрудничества с «Александром» эта атмосфера проявляется в прекрасных произведениях, захватывающих в плен мужские сердца.

В этом номере особые слова хочется сказать неповторимой и очаровательной Ларисе Лужиной, отмечающей свой день рождения 4 марта. И это не простое совпадение, так как в этой прекрасной женщине идеально сочетаются красота и талант, а в мартовском «Александр» представлена Лариса-поэт.

От всего сердца желаю вам, Лариса, и всем милым дамам всегда быть столь же обаятельными и добросердечными, всегда хранить те замечательные качества, благодаря которым наша жизнь становится светлее и радостнее. Примите нашу искреннюю благодарность за всё, что делается вашими заботливыми женскими руками. Вашим родным и близким – крепкого здоровья, большого счастья, благополучия, радости и любви!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ»!

Примите самые искренние, самые нежные поздравления с прекрасным весенним праздником – Международным женским днём 8 Марта!

8 Марта не просто праздник прекрасной половины человечества, это символ наступающей весны, наполненный солнечным светом и цветами. Этот светлый день самой природой предназначен для выражения искреннего восхищения вашей красотой и добротой, трудолюбием и терпением, оптимизмом, энергией, умением сочетать работу и профессиональные достижения с удивительной женственностью и обаянием. Этот светлый и радостный день наполнен особой атмосферой душевного тепла, красоты, вдохновения и гармонии. С вами неразрывно связаны вечные человеческие ценности: любовь, семья, дети, родной дом – словом, всё, что незыблемо и дорого нам на этом свете.

Разрешите от всего сердца пожелать вам, милые дамы, солнечного, праздничного настроения, крепкого здоровья, созидательной энергии, тепла и радости, настоящего женского счастья, неувядающей красоты и волшебных мгновений любви, искренних и надёжных друзей рядом, внимания родных и близких, всех благ и благополучия!

Пусть каждый день будет наполнен приятными событиями! Пусть в ваших семьях всегда царят мир и согласие, не покидает уверенность в завтрашнем дне, осуществляются самые светлые надежды и ожидания!

Любви, добра, море цветов и позитива!

**Народная артистка РСФСР
Лариса ЛУЖИНА**

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3 (78), март 2023 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.03.2023 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6** Лариса Лужина.
Всё плохое забудется...

ЛИРИКА

- 9** Александр Балтин.
Женская муза XIX века
- 17** Виктор Елисеев.
Лирик из Усмани

СОБЫТИЕ

- 19** Валерий Аршанский.
Цель творчества – самоотдача

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 24** Тамара Ковальчук
- 28** Наталья Меркушова
- 31** Татьяна Солодова.
Отклики

КЛАССИКИ

- 35** Алла Новикова-Строганова.
Жажда правды и права

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 42** Николь Воскресная
С одним крылом...
- 45** Лариса Ратич

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 47** Инна Дёмина.
Знание прошлого
как ориентир в настоящем

КРИТИКА

- 53** Олег Роменко.
Сказки спасают нас
- 57** Нина Ищенко.
Победа и разрушенный храм:
прорыв из ада в романе
Александра Пелевина «Покров-17»

- 62** Евгений Голоднов.
Нина Стручкова: «Живи, люби,
молись, трудись!»

РОДНОЕ

- 66** Николай Чербаев.
Половичок

ДЕБЮТ

- 68** Дарья Светличная
- 69** Анфиса Третьякова

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

- 72** Ирина Обухова.
Визит делегации

КОРНИ

- 76** Людмила Шишло.
Женская линия семейных историй

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

- 81** Нина Махнева.
Бажовскими тропами

ФАНТАСТИКА

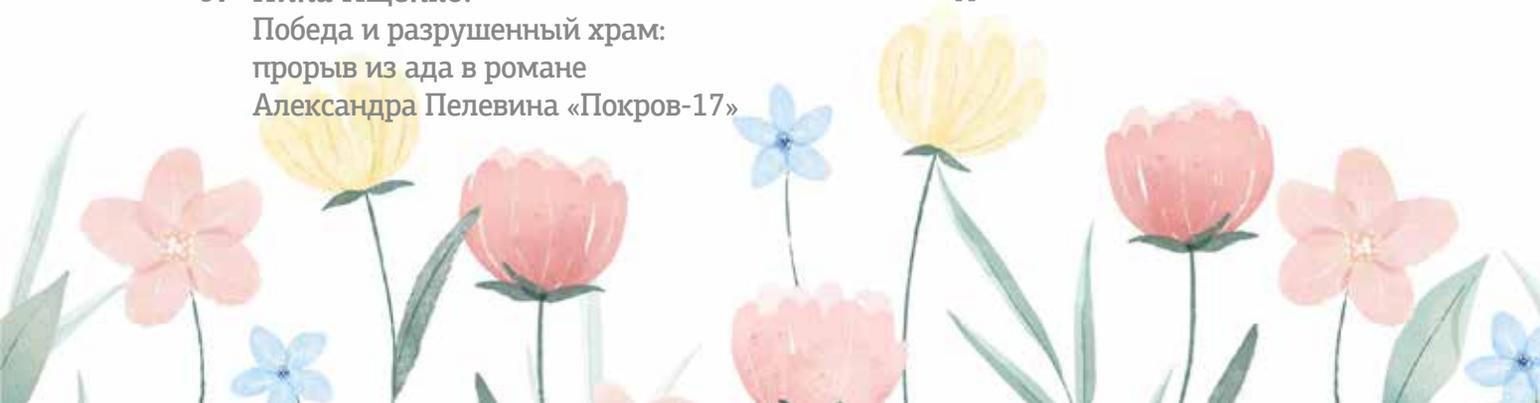
- 85** Наталия Ярославцева,
Галина Захватова.
Отражение Сириуса

ДЕТЯМ

- 91** Александра Михайлова.
Топотушки-хлопотушки

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Игорь Безрук.
«Александръ» в городе невест
На вклейке: работы художника
Никаса Сафронова

Всё плохое забудется...

Лариса ЛУЖИНА

* * *

* * *

Все плохое забудется,
Чайкой стану опять.
И хорошее сбудется,
Снова буду летать!
Чайка – птица свободная –
Ты мой символ судьбы.
Подарила мне Родина
Видеть мир с высоты!
Кто я в этой истории –
Свет погасшей звезды?
А быть может, я море и
Рыба в толще воды?
Как хотелось познать бы мне
Этот свет бытия.
Чайка плачет и... занавес.
Глубина – рыба – тьма...

* * *

Я пью, как Анна, за разорённый дом.
За всё, что было дорого мне в нём.
За то, что не смогла я сохранить его,
За то, что жить одной теперь мне суждено.

Всё в жизни так просто!
Пришёл и ушёл.
А что между этим?
Ведь кто-то не что-то нашёл?
Нашёл и оставил свой след на века,
И будут потомки о нём вспоминать иногда!

Какой-то там Пушкин,
Какой-то там Фет,
А, впрочем, какое нам дело
До того, чего нет...

Ну был там какой-то чудака, написал.
Потом лицедей всё это сыграл
И мучился долго: «Быть или нет?»
А нам что за дело? Мы будем и есть.

Да, вы есть в те, другие века!
Но Бог и для вас ограничил года,
Вы так же уйдёте, как мы, в никуда.

* * *

Татьяна, милая краса,
Печальна мне твоя умершая весна,
Но ты сегодня, в осени своей,
Полна любви, добра!..
И в этом ты милей и для меня,
И для твоих друзей!
И красота твоя останется всегда
Для тех, кто жил тобой,
Любил, боготворил тебя.
И будут люди помнить то добро,
Что ты дарила им и в жизни, и в кино.

О МОСКВЕ

Москва моя златоглавая!
Ты растёшь не по дням, а по часам,
Но старина твоя седоглавая
Мне дороже всех ярких реклам!

«Я по свету немало хаживал...» –
Эти строки забыть нам нельзя,
Всё, что было, с тобою связывал,
Золотая (дорогая) моя Москва.

Мы с тобой замерзали в землянке,
Мы с тобою любили в тоске,
Возродилась ты в храме Спасителя,
Сохранив свою честь в чистоте.

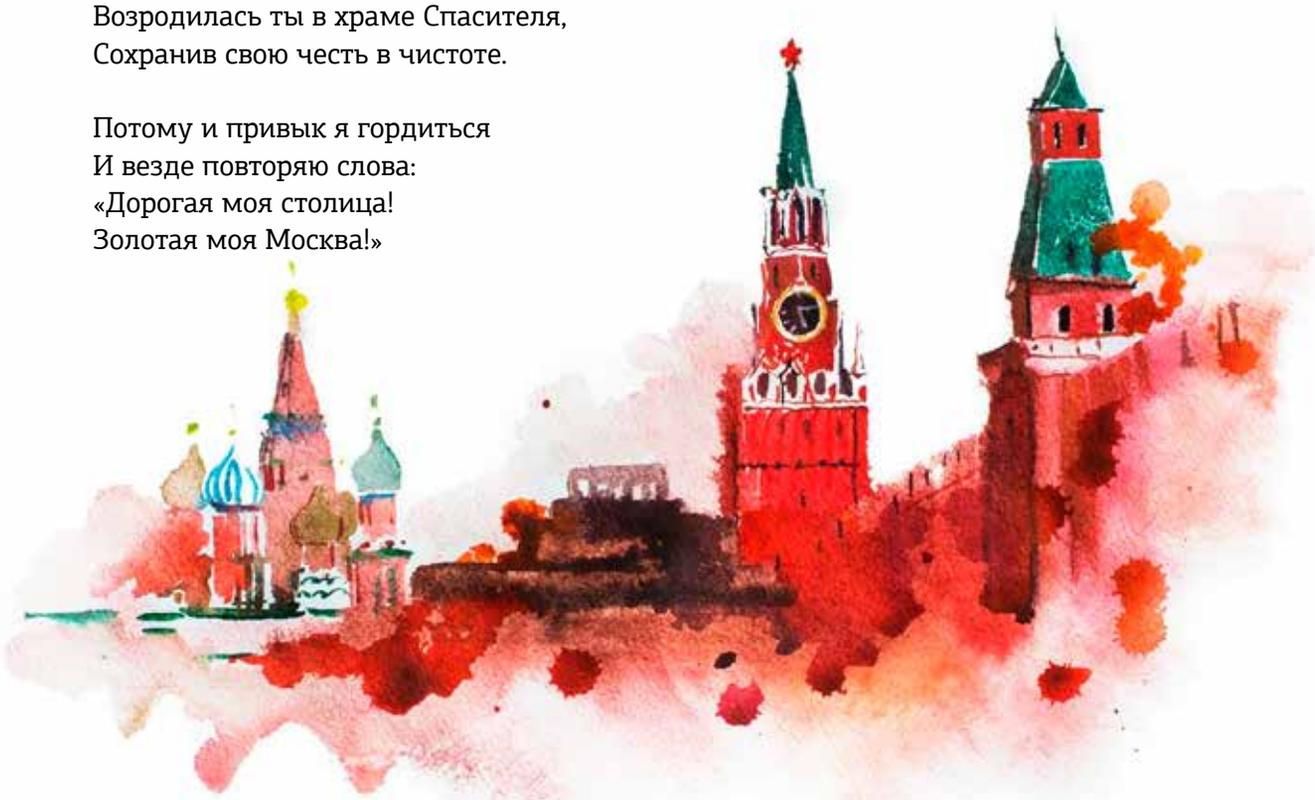
Потому и привык я гордиться
И везде повторяю слова:
«Дорогая моя столица!
Золотая моя Москва!»

* * *

Мне сегодня так грустно, первый день сентября.
Это осень вернулась, сединою грозя.
Седина на ресницах, седина на висках.
Где ж поймать ту синицу – белой чайкой в руках.
Чайка – «птица порыва» – это имя моё.
Но сложила я крылья, и взлететь не дано.
Я б взлетела, но крылья притянула земля,
Боже, как оторваться мне от пут бытия?..

* * *

Синева бесконечная в лёгкой дымке мечты,
Где ж ты, молодость вечная,
Золотые деньки?!
Всё, что было задумано,
Всё прошло стороной.
Ты, душа моя грешная,
Обретёшь ли покой?..

Александр БАЛТИН

ЖЕНСКАЯ МУЗА XIX ВЕКА

1

Какова была известность в начале девятнадцатого века?

Литературная известность...

В свете имя Анны Буниной становится достаточно известным: настолько, что, когда она заболела, её лечили лучшие медики и сам император следил за состоянием её здоровья; после выпуска первого собрания её стихов ей была пожалована пожизненная пенсия...

*Любить меня и нет, жалеть и не жалеть
Теперь, о ближние! вы можете по воле.
Едва из тела дух успеет излететь,
Нам жалость и любовь не нужны боле.*

Боль изводила; усердное чтение Библии едва ли способствовало улучшению состояния; смерть оказалась достаточно ранней...

В её стихах блистала мощь XVIII века – в лучших её проявлениях; обращение к мифологическим сюжетам тоже было вполне логичным:

*Бегущи звезды в понт
Гоня от солнечного взора,
Уже дочь Солнцева, румяная Аврора,
Устлала розами восточный горизонт;
Уже явилась стояща пред вратами,
Уже их алыми коснулась перстами
И, убелив серебро отливом багреца,
Отверзла к шествию отца.*

Так начинается поэтическая повесть о Фаэтоне, что развернётся многими архаичными образами и закипит речью более мужской, нежели женской...

Женщина, пишущая стихи, – невидаль...

Тем не менее жизнь Анны Буниной была реальностью, которую не оспорить, не опровергнуть.

*И нависли тяжко, серо
Тучи над землёй.*

И бывает – луч зажигается от стихов, про-
резая пространство...

По-разному бывает; и коли уж стихи по-
этессы одолели значительное пространство
времени, так будут жить и в дальнейшем.

3

Первые поэтические опыты как следствие
тоски, одиночества и провинциальной скуки;
Некрасов оценил их как движение по ложной
тропе и посоветовал молодой Хвоцинской об-
ратиться к прозе...

Помнит ли кто ныне имя Надежды Хво-
цинской?

Вот «Пансионерка»: провинциальный го-
родок времён Николая Первого, не терпев-
шего свободомыслия; под надзором полиции
живущий сосланный на семь лет за «стишки»
Веретицын; Лёленька, учащаяся в пансионе,
живущая дома; и каждый день её прост и про-
зрачен; встреча их у плетня, переворачивающая
жизнь девушки...

Она и не подозревала, сколько существует
вещей, о которых стоит задуматься.

Но это не роман о любви – роман о жен-
ском движении к свободе и равноправию; и
то, как он написан, как скомпонован матери-

ал и представлены персонажи, даёт вполне
колоритный срез тогдашнего российского
социума.

Критики по-разному оценивали произве-
дения Хвоцинской, а писала она немало, со-
трудничая в основном с некрасовскими жур-
налами; она – под псевдонимами – занималась
литературно-критической деятельностью, и её
рецензии и размышления об Иване Гончарове,
Алексее Константиновиче Толстом, Михаиле
Салтыкове-Щедрине, Семёне Надсоне были бы
интересны и сейчас: как живые свидетельства
тогдашнего отношения к будущим классикам...

У Надежды Хвоцинской был очевидный
литературный дар и была истовая вера в то,
что писательство не просто род человеческой
деятельности, но служение...

Одного этого достаточно, чтобы перечитать
лучшее из написанного Хвоцинской.

4

Простенькие песенки Юлии Жадовской,
кристальные, ясные, задушевные:

*Ах, бабушкин сад!
Как счастлив, как рад
Тогда я бывал,
Как в нём я гулял,
Срывая цветы
В высокой траве,
Лелея мечты
В моей голове...*

В ней, в её душе было нечто наивно-дет-
ское, по-хорошему сохранённое на всю жизнь:
искренность, вера – то, чего не оценил Белин-
ский, но похвалил Добролюбов.

*Повсюду тишина: природа засыпает
И звёзды в высоте так сладостно горят!
Заря на западе далёком потухает,
По небу облачка едва-едва скользят.*

Ах, раствориться бы в этих недрах – без
остатка: только стихи пусть дальше живут, за
пределами жизни писавшей.

Жадовская красиво и точно строила пейзаж, используя богатую палитру; но главное – пела бесконечные изменения, происходящие в душе, словно внутреннее око важнее земных очей, словно тайны, хранящиеся в лабиринтах сердца, должны быть расшифрованы как наиболее важные.

К этому стремилась.

Этого искала.

Стихи её остались – едва ли их можно отнести к высотам, но и сбрасывать со счетов не следует: как свидетельства очевидно чистого сердца и вечно работающей души.

5

...И вот Елизавета Сухово-Кобылина, уже будучи хозяйкой блестящего литературного салона, выпускает первую повесть: она напечатана в «Современнике» и подписана «Елизавета Тур».

Повесть имела успех: о ней благосклонно отзывался Островский; язык был чистым и светлым, а персонажи прописаны чётко, красиво...

...От чтения «Княжны Дубровиной» – романа Елизаветы Тур – остаётся ощущение всепобеждающей любви.

Причём речь отнюдь не только о чувстве мужчины и женщины – нет! – шире: тут имеется в виду любовь родителей к детям, любовь каждого к каждому...

Но в романе дан конфликт хорошего с лучшим, хотя изначально всё кажется чёрным. Девочка Аня теряет родителей, её удочеряет брат матери, вдовец с четырьмя детьми: мол, и для пятого ребёнка найдётся место.

И обретает Аня идеальную семью, и дальнейшие события будут только хорошими; это сентиментальный роман – с соблюдением всех правил жанра, о христианских ценностях повествуется тоже под соответствующим углом...

Е. Тур имела успех; Тургенев писал о ней: «...дарование госпожи Тур... может выдержать самую строгую оценку».

Повести, романы, дневники, переживания женщин, христианские идеалы, льющийся язык...

Собственный, недолго просуществовавший журнал «Русский язык», где публиковались критические статьи писательницы; она, в частности, дала высочайшую оценку Достоевскому, исходя только из первых им опубликованных вещей.

В последний период жизни писательница создавала повести для юношества.

Сложно сейчас, подойдя с предельной строгостью к книгам Елизаветы Тур, зная

*Твой дух, твои струны
Поют хор мученья.
Напев их: аминь!*

*Терпи, моя арфа!
Звучишь ты надеждой,
Пророчишь ты рай!*

*И Ангел скорбящих
Твой голос узнает
И встретит тебя...*

Арфа жизни часто издаёт звуки, мучающие даже живущих в избытке; страдания кажутся бахромой угольных крыльев каждого, но искры созвучий призваны освещать тьму...

Игры Аполлона (как писал Пушкин в стихотворении, посвящённом Волконской) всегда достаточно чреватые: расплатой за них может стать собственная жизнь... Да, но – игры ли?

Если бы так, то зачем потомкам интересоваться развлечениями предков?

Нет, стихи всегда сгустки лучшего, живущего в человеке, они – следствие его индивидуальности, его неповторимого взгляда на мир; и стихи Волконской, порою овеванные скорбью, порою лучащиеся радостью, живут особой жизнью своей, соперничающей с течением времени:

*Уж как пал снежок со тёмных небес,
А с густых ресниц слеза канула:
Не взойти снежку опять на небо,
Не взойти слезе на ресницу ту.*

Она была многообразно талантлива, хотя, думается, главной ролью её жизни была именно звёздная роль хозяйки великолепного салона, собравшего столько блестящих имён...

Г. Г. Мясоедов «Мицкевич в салоне княгини Зинаиды Волконской»

На фоне летнего сада или Лето в в Перedelкино х,м, 77x77, 2016 (Лилия Савенкова)

Музыка в стиле импрессионистов.90x60.2004

S.NIKAS

ЛИРИК ИЗ УСМАНИ

В нынешней Липецкой области на небольшой полноводной одноимённой речушке раскинулся городок Усмани. Возник ещё в 1645 году как крепость на Белгородской засечной черте. Верой и правдой служилые люди охраняли здесь южные рубежи Российской державы от набегов крымских татар и ногайцев. Многие повидал этот небольшой городок. Отсюда родом лауреат Нобелевской премии, создатель лазерной установки Н. Г. Басов. Список знаменитостей, родившихся в Усмани, можно продолжать бесконечно. Десятка три-четыре наберётся. Но вот каким-то образом «выпала» из этого списка поэтесса О. И. Яхонтова. Родилась Ольга Иосифовна в 1883 году в семье городского нотариуса Иосифа Адамовича Шепта. Девочка получила хорошее домашнее образование. В Усмани не было в это время гимназии. Она находилась за сотни вёрст, в губернском Воронеже. Здесь и решено было продолжить обучение Ольги. Училась она в Мариинской женской гимназии, которую окончила в 1900 году. Она сразу обратила на себя внимание не только отличной учёбой, но и активным участием в разных вечерах, проводимых в стенах гимназии. Девушка на них читала свои стихи. По окончании Мариинки она вернулась в родительский дом. И надо же так случиться, что именно в Усмани она встретила своего единственного дорогого человека. Им оказался И. Ф. Яхонтов. Иван Фёдорович, педагог по образованию, стал вскоре инспектором земских училищ Усманского уезда Тамбовской губернии. Яхонтов не слыл ни революционером, ни либералом. Просто был честным, добродетельным человеком. Но всеми силами старался поддерживать талантливых учеников. Благодаря ему немало выходцев из крестьянских семей, народных самородков учились в высших учебных заведениях. Принял активное участие Иван Фёдорович вместе со своей супругой и в устройстве в одном из училищ Усмани крестьянского паренька из захолустного села Березнеговатка (ныне Добринский район Липецкой области. – Авт.)

Н. И. Пчельникова. Позднее Никита Игнатьевич внёс огромный вклад в становление советской артиллерии, стоял у истоков создания радиолокационного оружия. Позже он академик-секретарь Артиллерийской академии имени Дзержинского. По воспоминаниям родственников и сына Юрия, Никита Игнатьевич всегда с теплотой вспоминал супругов Яхонтовых.

Живя в Усмани, Ольга Иосифовна писала стихи. Большинство из них говорят о любви. Они очень лиричны. Она их нигде не публиковала. Читала только супругу и в близком кругу.

*Розы расцветишие, небо лазурное,
Песнь соловьиная страстная,
Грёзы волшебные, счастье безумное,
Жажда любви необъятная!
Листья завядшие, краски потухшие,
Жалоба ветра тоскливая,
Сумерки хмурые, сны обманувшие,
Грёза о счастье разбитая!..*

Свои стихи Ольга Иосифовна посвящала любимому мужу:

*Я вся ещё полна недавней нашей встречи,
Ещё в душе моей трепещет счастья луч,
И слышатся мне всё чарующие речи,
И поцелуев след томителен и жгуч...
Я вся полна тобой и радости безумной
Не в силах скрыть: ликую и пою,
Я грёзою живу несбыточной, чудной,
И всё поёт во мне: «Люблю тебя, люблю!»...*

А вот эти поэтические строки, думаю, не оставят в покое даже самого равнодушного и чёрствого:

*Зачаруй меня нежной лаской,
Ты зажги меня страстью своей
И волшебной, несбыточной сказкой
Убаюкай меня поскорей!*

О. И. Яхонтова, И. Ф. Яхонтов

*Возврати мои светлые грёзы,
Моё сердце от сна пробуди,
Дай забытые, сладкие слёзы,
Дай восторг мне и радость любви!
Дай упиться мне счастьем свидания,
Зачаруй меня лаской своей!..*

Первая русская революция оказала влияние и на двадцатидвухлетнюю поэтессу. И хотя в Усмани было спокойно, не считая аграрных погромов в уезде, отголоски грозных событий докатились и до уездного захолустного городка. И конечно, она не могла не замечать изменений в стране. В это время она пишет:

*Тучи чёрные сгустились,
Весь покрыли небосклон,
Поскорее бы разразились
Благотворною грозой!
Поскорее бы гром грянул,
Бурный ливень бы пролил,
Чтобы край родной воспрянул,
Полный новых мощных сил.
За грозою – дни погоды,
Воздух чище, даль светлей,
Друг, не бойся непогоды,
Если хочешь лучших дней!*

Иван Фёдорович постоянно говорил жене о публикации её стихов. И в конце концов он уговорил Ольгу Иосифовну. В 1908 году в Воронеже в товариществе «Печатня С. П. Яковлева» вышла

её единственная прижизненная книга «Песни о любви. Стихотворения». Большинство стихов она посвятила Ивану Фёдоровичу, и в этом сборнике отразилась вся теплота и глубина чувств двух любящих сердец:

*Для тебя одного только, милый,
Моё сердце сильнее забилось,
Для тебя лишь неведомой силой
Чувство спавшее вдруг пробудилось;
И душа встрепенулась, ликуя,
Как природа под вешнею лаской,
И тебе одному лишь пою я,
Очарована дивною сказкой.
Моей песне ты взнемешь так чутко,
Ты охвачен ответною страстью;
А в душе моей сладко и жутко:
Как дитя, я поверила счастью!*

После её смерти, уже в 1925 году, в столице вышел новый сборник стихов под названием «Снегири». Она прекрасно разбиралась в поэзии, старалась быть подальше от политики. Юность, прошедшая в Воронеже, конечно, оставила в её жизни и творчестве определённый след. Она была прекрасно знакома с творчеством самобытных воронежских поэтов А. В. Кольцова и И. С. Никитина. В 1909 году Ольга Иосифовна написала стихотворение «Гимн И. С. Никитину». Она часто бывала в Воронеже. Ей довелось пережить и Октябрьский переворот. Она всегда была в гуще городской жизни. Принимала участие в создании Союза женщин в городе, преподавала в одной из воскресных школ для женщин. Умерла Ольга Иосифовна 8 марта 1923 года. И похоронили её, как она и просила, в родной Усмани.

Но не могла она жить по-другому, поэтому и родились такие лирические, проникновенные, выстраданные строки:

*О, если бы забыть, о, если бы забыться,
Чтобы вернуть душе утраченный покой,
И не любить бы так, к тебе так не стремиться,
Не быть твоей безвольною рабой!..*

Виктор ЕЛИСЕЕВ

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА – САМООТДАЧА

*Ночью было за двадцать,
А к полудню сугробы осели.
Я люблю этот месяц –
Полузимний и полувесенний...*

Так признавалась в своих чувствах к февралю прекрасный поэт, фронтовичка Юлия Друнина. Вот в такой «полузимний» день 10 февраля, отмеченный в календаре как день памяти Александра Сергеевича Пушкина, в Москве, на Большой Никитской, 53, широко распахнулись двери Центрального дома литераторов, радушно принимая делегатов и гостей (которых, к слову, оказалось в два раза больше, чем посланцев с мандатами) XVI съезда Союза писателей России.

Какие великие люди входили в эти массивные двери! Шолохов, Леонов, Фадеев, Платонов, Федин, Эренбург, Михалков... Дрожь по телу. И думалось: неужели это я, мальчишка с пролетарской окраины провинциального городка, хорошо познавший, что такое послевоенный голод и холод, бедность и нищета, вырос, выучился, преодолел, сумел и стою теперь здесь... Наверное!

183 делегата из 80 регионов страны были избраны на форум, который проходит один раз в пять лет. Прибыло 155 человек, скажем сразу, на финальной стадии съезда единодушно проголосовавших за избрание на повторный срок председателя правления СП Николая Фёдоровича Иванова и принятие обновлённого в особо значимых пунктах, тщательно выверенного юристами-профессионалами и опытными экспертами Устава Союза писателей. Коль уж речь зашла об аналитике, позвольте ещё несколько цифр, с которых, собственно, Николай Иванов и начал отчётный доклад.

По отношению к предыдущему пятилетию в писательской армии страны, насчитывающей около восьми тысяч «штыков», заметно прибавилось число женщин: 38 процентов против прежних 32. Увеличилось количество писателей, живущих в центре (68 процентов против 61 в 2018 г.), и снизилось их региональное представительство: соответственно 32 и 39 процентов. Меньше стало прозаиков (в процентах было 42, осталось 37), зато возрос «удельный вес» поэтов и публицистов. Возрастной состав практически не изменился: в основном это люди,

которым далеко «за», но... пощадим статистику. В то же время отрадное явление: существенно возрос приток свежих, молодых сил. Цифры не сенсационные, но обнадеживающие.

* * *

С добрыми словами приветствия к участникам съезда обратились президент Российского книжного союза Сергей Степашин, начальник Департамента Управления Президента РФ по общественным проектам Николай Синцов, тёплые поздравления прислали первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Сергей Кириенко и министр иностранных дел Сергей Лавров. В каждом адресе с удовлетворением подчёркивалось, что писатели России никогда не были оторваны от жизни страны, её радостей и болей. Лишним подтверждением тому стало вручение медалей Министерства обороны известным прозаикам Сергею Котьяло и Сергею Бережному за их участие в рискованных событиях на Донбассе, «на передке». А писатели Захар Прилепин и Алексей Шорохов вызвались идти добровольцами на фронт, участвуя в специальной военной операции на Украине, в ДНР и ЛНР.

Издательство «Вече» выпустило несколько «горячих» поэтических сборников (об этом рассказал главный редактор Сергей Дмитриев), названия которых говорят сами за себя: «Порохом пропахшие слова», «Стихи из огня», «Честь имею, Россия!», «ПоЗЫВнОй – Победа!», и даже антологию современной патриотической поэзии. Свою лепту в общее дело вносят практически все литературно-художественные и исторические журналы, в числе наиболее активных Н. Ф. Иванов отметил и наш журнал «Александръ». В помощь братьям по литературному цеху выезжали многие члены правления вместе с председателем. В города и районы Донбасской, Луганской народных республик, Запорожскую и Херсонскую области переданы тысячи книг российских авторов для библиотек, тысячи учебников для школ, и такие контакты в дальнейшем будут только продолжаться и крепнуть. А о том, как нашим донецким то-

варищам нелегко, поведал руководитель Донецкой региональной организации писатель Фёдор Березин: 15 человек входят в её состав, а собраться вместе, обсудить насущные дела не представляется возможным: тут же может угодить снаряд с вражеской стороны. Тем не менее шахтёрский литературный «забой» служит Слову, борется, выступает перед бойцами и населением, сплачивается, издаётся с помощью России, живёт!

* * *

За отчётный период, как сообщил докладчик, было рассмотрено 527 дел по приёму в члены Союза писателей. 425 соискателей получили положительные отзывы приёмной комиссии и приняты в Союз, 102 заявления отклонено. Пожелание на будущее – подходить в регионах к творческому активу доброжелательно, но без снисхождения, требовательно, руководствуясь критериями даровитости кандидата и характеристикой его личностных качеств. Ещё из области предстоящих задач – расширение выхода в свет произведений представителей малых народностей, подготовка и привлечение к работе профессиональных литературных критиков и мастеров художественного перевода. Хороший пример в работе для всех региональных писательских организаций – опыт Ярославской, признанной лучшей по итогам обширной деятельности.

18 делегатов выступили на съезде. Призыв председательствующего: поменьше общих, всем известных суждений, рассуждений и самоотчётов – был услышан, только, к сожалению, не всеми принят к действию. По-человечески понятно: кто откажет себе в удовольствии похвалиться успехами, пусть и на территориальном уровне? Но трибуна федерального масштаба, наверное, требовала чего-то посущественнее. Чего именно? Оценок текущего литературного процесса, пристального анализа писательского жития-бытия, внимательного отношения государственных структур к профессиональным писателям, их нуждам и заботам, опыта работы с одарённой молодёжью. Литература вечна, как

сама жизнь, она не знает финишной ленточки, и потому всё, что происходит в стране и в мире, должно становиться предметом зоркого писательского взгляда. Весьма симптоматичными в этом отношении были выступления широко известных прозаиков и публицистов: Александра Андреевича Проханова – главного редактора газеты «Завтра» – и председателя Национальной ассоциации драматургов, многолетнего главного редактора «Литературной газеты» Юрия Михайловича Полякова. На них остановимся подробнее.

Поддерживая и продолжая мысль о том, что Россия – страна слова и со «Слова о полку Игореве» во многом зачиналась отечественная «словолитня», Александр Проханов предложил задуматься над образом будущего любимой нашей России. Литература периода СССР знала два течения: городскую прозу, представленную замечательным правофланговым Юрием Трифоновым, и прозу деревенскую, осиянную именами Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Фёдора Абрамова, Василия Белова. С распадом Союза исчезли и оба этих течения. А каковы теперь модели и направления литературной реки от истоков до устья? Ведь между прежними братскими странами идёт ожесточённая война, появилась новая неожиданная проблематика, и появились новые герои современности. Следовательно, образовался необозримый простор для творчества молодых художников, способных быстрее других улавливать сейсмичность проблем, острее воспринимающих действительность. Только не надо без надобности засорять великий и могучий русский язык жаргонными словечками, сленгом, англицизмами, склоняться к гуттаперчевой, целлулоидной журналистике с её поверхностным взглядом на реалии, а глубоко думать, осмысливать события, без страха и упрёка обнажать изъяны в государственной машине, не лакировать и не приукрашивать действительность. Нам пример и наука – героизм и отвага великих русских писателей – офицеров, участников прямых боевых действий Михаила Юрьевича Лермонтова и Льва Николаевича Толстого, не понаслышке знавших, что такое

война. Отечественная словесность подарила нам образы Рахметова, Печорина, Базарова. А сколько замечательных имён открыли нам в годы Великой Отечественной войны писатели-фронтовики! Яркое одушевление современников XXI века – непреходящая задача для всего писательского сообщества.

* * *

Позволю себе вслед за Александром Прохановым продолжить славный ряд представителей городской прозы, добавив имена Даниила Гранина, Владимира Маканина, Андрея Битова, Юрия Нагибина, Юрия Казакова, Виктории Токаревой, Ильи Штемлера, а к «деревенщикам» – Владимира Солоухина, Василия Шукшина, Бориса Екимова, Владимира Крупина (к счастью, делегата съезда, жаль, выступившего лишь с краткой репликой). А насчёт молодых художников – вот уж действительно проблема проблем.

Председатель Союза молодых литераторов Андрей Тимофеев не скрывал: несмотря на то, что его ровесниками за последнее время издано 12 книг, обративших на себя внимание, молодым людям постоянно нужны мудрые редакторы-наставники, опытные учителя, готовые служить не за страх, а за совесть своим ученикам, радуясь их успехам и огорчаясь их неудачам... Где они, такие дядьки Черноморы? Отзовитесь! Нельзя допустить, чтобы племя молодое с пылающими в азарте глазами оказалось не востребуемым, никому не нужным, от которого все отмахиваются, как от добуки. Хотелось бы заметить, что положение отнюдь не безвыходное и тем паче не катастрофическое: в целом ряде географически близких мне журналов, в коллективных сборниках молодёжь представлена довольно широко и интересно. Только чтобы процесс не прерывался, напротив, развивался и ширился, больше полномочий нужно дать секции, совету, комиссии (дело не в названии), действующим при правлении Союза писателей, для привлечения новых творческих сил, проведения с ними обучающих семинаров и, наконец, изыскания возможностей для вы-

хода в свет произведений талантливого «подраста». Да будет благоуханно и благословенно слово молодых!

И – о выступлении Юрия Полякова. Сказать о том, что драматургия есть авангард любовью литературы, равносильно повтору известных аксиом: Волга впадает в Каспийское море, а лошади едят овёс. Говорить о том, что у нас на отечественной сцене в ходу пьесы давно почивших в бозе классиков со всеми атрибутами далёкой эпохи, а из современных – разве что пьесы Александра Вампилова, которым тоже добрых полвека, – значит вызвать опять же сетование по очевидному. Вопрос в ином: что делать?

Юрий Михайлович сообщил: добротные, острые, интересные пьесы различными драматургами России созданы, выбрано из них беспристрастным жюри 10 наилучших, авторы получили не только почётные дипломы, а и по одному миллиону рублей на постановку своих творений. Но. Театры эти пьесы не берут. По мнению Юрия Полякова, виной тому разлад в обществе, продолжающийся последние 30 лет, когда происходило не сплочение, а разъедине-

ние сил. И чутко реагирующие на всё происходящее театры предпочитают беспроектный вариант: ставить проверенную временем классику, русскую и зарубежную, за которую никто ругать и укорять не будет.

«Напишите нам в Ассоциацию, – обратился к делегатам Юрий Михайлович, – какие пьесы идут у вас в городских и областных театрах, мы всё обобщим, подготовим аналитическую записку и отправим на имя президента. Театры страны получают солидную финансовую поддержку из государственного бюджета, и властным структурам не должно быть всё равно, на что тратятся эти деньги, помогают ли зрелищные учреждения воспитанию патриотизма, высокого общественного сознания, гражданского долга».

Корпоративная писательская этика, да и аргументация такого мастера своего дела, как уважаемый Юрий Поляков, требуют признать безоговорочной его правоту. Но, простите меня тысячу раз, в данном случае я – на стороне театров. Поверить не могу, чтобы именитые столичные режиссёры отвергли по-настоящему талантливую пьесу, не ухватились бы за её постановку, хотя бы из конкурентных побуждений («...И чтоб, между прочим, был фитиль всем прочим...»), не говоря уже о ярком содержании, когда есть что играть. Неужели я окажусь не прав?

* * *

Конечно, писательский съезд сумел добиться главного – подзарядить творческие батарейки и аккумуляторы каждому присутствующему. Все поняли, что предосудительно замыкаться в собственном мирке, не вслушиваясь в гулкий пульс Отечества. Как это у Евтушенко, в его поэме «Зима» (цитирую по памяти): «Наш долг – не прятаться во фразы, как будто в иглы дикобразы, и что-то там кропать в тиши, а в ночь лететь, как эти "МАЗы", на социальные заказы – приказы собственной души...»

Все участники съезда согласились, что проблем на интеллектуальном фронте много: мы давно уже не самая читающая страна в мире, у нас непомерное бремя – НДС на продаваемые

книги, и съезд принял решение обратиться в правительство с просьбой положительно решить этот вопрос, что позволит сделать книгу более доступной массам. Нет ещё желаемой смычки между писателями, библиотеками, книжными магазинами в деле пропаганды и распространения качественной литературы. Жизненно необходимы государственные дотации писательским организациям, потому что мастера слова – ТАКИЕ ЖЕ державники, государственники, отстаивающие интересы Родины, а значит, нуждающиеся в поддержке, дружеском расположении, внимательном участии ВЛАСТИ в решении проблем.

За пять «ивановских» лет Николаю Фёдоровичу Иванову, его команде удалось стереть пыль с полированных столов, в смысле очиститься от людей случайных, тем более – вносящих смуту, раздрай, разлад в деятельность региональных писательских организаций. Но почему же тогда такие деятели культуры, как писатели, в «Табели о рангах» проходят не по ведомству родного им Министерства культуры, а у «отчима» – Министерства цифрового развития? Мы что, айтишники, связисты, специалисты по коммуникациям? Нет, нет и нет. Соединяя воедино идеалы нравственности и эстетики, идентифицируя себя со своим народом, литература, писатели служат делу гуманитарного просвещения, одухотворённому искусству, но не механике, не цифре, как бы впечатляюще они ни выглядели.

* * *

Мы начали разговор о писательском съезде с дня памяти Александра Сергеевича Пушкина. По звёздному совпадению этот же день – 10 февраля – был днём рождения замечательного русского, советского поэта, лауреата Нобелевской премии с очень трудной, можно сказать, трагической судьбой – Бориса Леонидовича Пастернака. И это его вещие слова, его выстраданный наказ потомкам:

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА – САМООТДАЧА,
А НЕ ШУМИХА, НЕ УСПЕХ.
ПОЗОРНО, НИЧЕГО НЕ ЗНАЧА,
БЫТЬ ПРИТЧЕЙ НА УСТАХ У ВСЕХ...

* * *

Мои заметки о писательском съезде не стенографический отчёт с дотошным упоминанием всех действующих лиц и дословным цитированием слов каждого. Задача поставлена куда как скромнее: по горячим следам поделиться с аудиторией своими наблюдениями, своими мыслями на основе всего увиденного, услышанного, наболевшего. Буду рад, если мои оценки хотя бы в основном совпадут с мнением других участников писательского форума, хотя не зря же сказано: сколько голов, столько умов. А мне нравится одна мудрая цыганская присказка, которой и хотел бы закончить свой «обзорный ряд»: «Як рэйдела, то рэйдела, абы добре мэйнела!» Перевести? «Как сказал, так сказал, лишь бы правильно поняли!»

Валерий АРШАНСКИЙ,
член Союза писателей России

Тамара КОВАЛЬЧУК,
Минск, Беларусь

Член Союза писателей Беларуси. Автор 18 сборников стихов и рассказов на русском и белорусском языках. Автор-составитель коллективных сборников «Память храним», «Пока звонят колокола», «Чарнабыльніку вечная горыч», «Жаночыя мары», «Голоса осиповичской земли», «Памяти слово живое», составитель коллективного сборника «Две сестры: Россия – Беларусь». Литературный редактор Международного литературно-художественного альманаха «Созвездие».

ПРИНЯЛ ОН СМЕРТЬ ИИСУСА

Как допустить мать-землица могла
Извергов в век искушённый?
Как эта раса подонков пришла
В мир сей большой, просветлённый?

Нет ничего в душах страшных убийц –
Матери их так взрастили.
Жуткое племя верзил-кровопийц
В жизнь человечью впустили.

Пусть будут прокляты небом они,
Прокляты за все деянья.
Пусть не наступят для них больше дни
В радости и в покаянье!

Дети Донбасса в могилах лежат,
Там же их матери, деды.
Судеб людских круг огнём адским сжат,
Ходят меж сёлами беды.

Мальчик, юнец, сирота и солдат,
Принял Иисуса мученья.
Он ему нынче – по мукам тем брат!
Просит за тварей прощенья...

Как допустила нацистов Земля
До управления веком?
Кровью невинных залиты поля
И сожжены человеком.

Господи Боже, спаси, сохрани
От истязаний планету!
Сына, распятого в ночь, помяни.
Мразей склони тех к ответу.

ОДНА ДОРОГА

Пусть не воют в поле ветры,
Не бушует сила злая
И не точат зубы вепри,
Одр для смертных устилая.

Не найдётся в русском поле
Ни одной пустой травинки –
Всё растёт по Божьей воле,
Спину выгнув для пылинки.

Не бегут ручьи святые
Просто так по белу свету –
Пьют водицу молодые
Парни, радуясь вновь лету.

Не шумит-поёт дубрава
От безделья в час заката –
С песней той взлетает слава
Патриотам чисто, свято.

Пусть живёт мир, войн не зная,
Станет пусть одной дорога
От безумств до света, рая,
От убийств до веры в Бога.

ПОКЛОНИТЕСЬ, ЛЮДИ, МАТЕРЯМ

Поклонитесь, люди, матерям,
Сыновей родившим в мире этом.
Поклонитесь перед Высшим светом
За весну, за осень, зиму, лето,
За восходы солнца по утрам.

Вырастить детей непросто так,
И отправить в жизнь – почин великий.
Так зачем планете эти крики,
Лязг металла, вой и скрежет дикий,
Кровью сыновей облитый мак?

Каждым сыном матери горды,
Как Отчизной, полем, домом, садом.
Может, землю-мать совсем не надо
Поливать осколков страшным градом,
Чтоб не знали женщины беды?

В гимнастёрках, с дырами от пуль,
К матерям везут солдат в молчанье.
Небеса льют слёзы в состраданье
За немые с вечностью свиданья,
За на очи брошенную тюль.

Поклонитесь, люди, в сотый раз
Матерям, отдавшим жизнь мальчишек
Войнам. Материнский долг их выше
Самой наисвятейшей в мире крыши.
Нет добрее материнских глаз!

Встаньте перед ними в этот миг
И в молчанье головы склоните.
Души мам – священная обитель
Для детей. В них ангел сам хранитель
Высшей точки благодати достиг.

ПРЕДАВШИЙ ЕДИНОЖДЫ

Предавший единожды Родину-мать
Всегда будет подло её предавать.
Поджав хвост шакалий под толстый живот,
С единою мыслью «Предать!» проживёт.

Родительский дом, где был счастлив с семьёй,
Берлогой представит и выпустит рой
Слов скверных о старой и тёплой печи,
Что так согревала в объятьях свечи.

Предавший единожды трижды предаст
И мать, и отца, и земли каждый пласт,
Раскроет объятья над бездной врагу
И пятки оближет ему на бегу.

Да только в удобный и нужный момент
Предаст и его за гроши иль патент.
Предаст свой народ и планету свою,
Желая вкусить плод запретный в раю.

Предавший единожды рай Божий, ад
Предаст за ничто. Будет только лишь рад
Паденью Вселенной – душа ведь гниёт,
Пока в нём безумство фальцетом поёт.

СЛАВЯНСКИЙ ДУХ СВОБОДЫ

Под ноги бросил флаг упырь проклятый,
Отняв его у женщины с насмешкой,
И стал топтать кумач, теплом богатый,
Чтоб уничтожить веру в жизнь поспешно.

Хотел унижить русский дух словами,
Убить в душе славянской честь навеки.
Подняв ружьё своё над головами,
Забыл, что в мир пришёл он человеком.

Ему, безумцу, стал фашизм дороже,
И он, забыв о том, что гордо деда
Легли в бою неравном, подлость множит,
Не чтит их память, светлый День Победы.

И патриотка молвила без страха,
Не думая в час горестный о смерти:
– Ждёт вас, фашисты, меч стальной и плаха.
Иуды дети, ждут в аду вас черти.

Как можно так, безумствуя, играя,
Предать народ и матушку-землицу?!
Предатель не достигнет сада рая,
Не сможет он пред Господом явиться.

Пусть я умру за Родину святую,
Пусть не дано мне будет жить под солнцем,
Но я плюю вам в лица и ликую,
Свободы мёд вобрав в себя до донца.

Однажды все поймут, кто правил балом,
Кто разум отравлял людской все годы.
Хочу, чтоб вас, поганьшей, не стало,
Чтоб в мире, дружбе жили вновь народы.

САНЬКА

Стреляют с утра, луг и поле в огне,
Колонны машин вереницей.
Забыли леса о небес тишине,
Умолкли весёлые птицы.
Весь в чёрном дыму голубой небосвод,
Луч солнца пробиться не в силах.
С победным «Ура!» в бой врывается взвод...
И Саньку война захватила.

Вновь скрежет металла, и свист пуль вдали,
И клочья трав зрелых от взрывов...
Неужто же боги убрать не смогли
Земли горемычной нарывы?!
Спасая род древний, спасая род свой,
В сраженья вступают ребята.
И каждый из них – настоящий герой!
А Санька пал смертью солдата.

Стреляют с утра, небосвод весь в огне...
Война продолжается снова...
А где-то боец пишет письма родне,
Полив кровью каждое слово,
Чтоб знали друзья и чтоб знал шар земной,
Что нет ничего выше чести
За Родину пасть, как пал Санька весной
С сынами Отечества вместе.

Они не придут... Да! Они не придут!
Они не вернутся обратно!..
Живой у Отчизны всегда есть редут,
И будет вставать он stokратно!

Я ЧИТАЮ ПИСЬМО

Я читаю письмо с той войны,
Что пришло в сорок пятом от деда...
В нём немало терзаний, вины
За того, кто не встретит победу.

В каждой строчке прописана боль
За деревни сожжённые, сёла,
За детишек невинных юдоль,
За последний их день невесёлый!..

В каждом слове – сирены Москвы
И блокадные дни Ленинграда,
Дым пожарищ, окопы, и рвы,
И пронзённая пулей награда.

Точка каждая – выстрел в упор,
И Озаричей ночь ледяная,
И придуманный нечистью мор,
Да бесстрашие батьки Миняя.

В запятых вижу виселиц ряд,
Что фашисты, смеясь, воздвигали.
Партизанский казнён там отряд
И семья вся разведчицы Гали.

Между строчек вместились душа
Мальчугана и сына, солдата,
За которого пули решат,
Где лежать: с фрицем рядом иль с братом.

Я читаю письмо... Только мне
Ветер шепчет: «Победа! Победа!»
И так хочется крикнуть весне:
«Пусть с тобою стучит сердце деда».

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ

Ничто на земле этой грешной не вечно...
Ничто, кроме памяти чистой людской.
Роятся вновь мысли, плывут бесконечно,
И слышен протяжный, безудержный вой.

То воют орудия в старом Смоленске,
То стонет, кряхтит пулемёт под Москвой,

То пули со свистом врезаются в Энске
В солдат, не поняв, где чужой, а где свой.

Ничто на земле этой грешной не вечно...
Ничто! Лишь любви эта участь дана.
Не важно, что время бежит быстротечно,
Живёт после жизни священной она.

Так было и есть. И так будет вовеки,
Пока шар земной свой проходит маршрут,
Пока два влюблённых земных человека
Друг друга в супруги пред Богом берут.

Война или мир – это вовсе не важно,
Когда взгляд направлен в души закрома
Того, кто предстал пред очами однажды
И свёл без единого слова с ума...

Хочу рассказать я сегодня об этом,
О том, как на фронте Алёшка-солдат
Влюбился в радисточку Лидочку летом
И был за неё умереть даже рад.

В её волосах задышался от счастья,
Копну шелковистую глядя рукой.
А пряди волнами стекали по платью,
Казались волшебною тёплой рекой.

Красавица Лида любила Алёшу
Любовью невинной и чистой своей
И знала всегда, что он самый хороший...
Но мало для счастья им выпало дней.

В деревню Октябрь их лежала дорога,
Чтоб немцев гнать дальше с землицы родной.
Приказ дан был Лиде отчётливо, строго:
Наладить связь с центром любую ценой.

Забросив антенну на старую крышу,
Стучала по клавише долго она,
Но только молчал аппарат её. Тише
Самой тишины там была тишина.

А немцы всё ближе шли к дому и ближе,
Сжималось кольцо их плотней и плотней.
Казалось, весь мир был в тот миг неподвижен,
И небо упало в безмолвье теней.

Но что это? Радость какая! О Боже!
Алёшка вбежал с криком «Лидочка!» в дверь.
И не было этих мгновений дороже,
И не был так страшен тот вражеский зверь.

Она целовала глаза его, губы,
Шептала от радости: «Миленький мой».
А немец с неистовством мямлил лишь грубо
И бряцал железной патронной сумой.

Стреляли по окнам проклятые фрицы,
Кричали: «Сдавайся! Капут, рус Иван!»
Кривились от злобы их подлые лица,
И каждый из них был от зверств страшных пьян.

Строчил Алексей и просил только Лиду:
– Нам надо с тобой продержаться чуть-чуть.
Взорви, дорогая, на немцев обиду,
Да так, чтоб смогли они вечно уснуть.

Стреляла и Лидочка в подлого зверя,
Стреляла за правду страны, за любовь.
В спасенье из пекла, из ада не веря,
Вставала радистка к окну вновь и вновь.

Вдруг гарью запахло. Они догадались,
Что дом подожгли твари чёрной чумы.
И рацию бросил Алёша. Остались
Осколки. А дым стал завесой тьмы.

Искали спасенья ребята за печкой,
Их мысли и руки навеки сплелись.
Но вспыхнули стены, как в трауре свечка,
Огня языки к потолку поднялись.

Две искры упали на русые косы...
Остался от них только пепел седой.
Горела радистка!.. И парень курносый
Горел рядом с нею. Горел молодой...

Ничто не сравнимо с такою бедою!
Ничто не сравнимо со смертью такой!
Их души уже не разлить и водою...
Им вечная память! Им вечный покой!

Давно позади то ужасное время,
И там, где бои проклятушие шли,
Шагает в мир знаний свободное племя,
Собрав без остатка кострищ тех угли.

Наталья МЕРКУШОВА,
Тамбов

ГОРОД, ОМЫТЫЙ ДОЖДЁМ

Театр, вокзал, библиотека...
Доступность этих величин
Ценна от века и до века,
И не любить их нет причин.

Театр. Построенный навеки,
Столичным не уступит он.
Хрустальный куб библиотеки
Как будто солнцем освещён.

И площадь Ленина – начало
Просторных жизненных путей.
И начинаются с вокзала
Дороги родины моей.

СИРЕНЬ

Сирень Рахманинов любил.
И вот в Тамбове, в самом центре,
Вдали от уличной пыли –
Как штрих рахманиновский ценный –

Цветёт роскошная сирень
И Мост влюблённых украшает,
Бродить тут можно целый день,
И целый день она пылает

Огнём цветущим и прекрасным,
И он – сиреневая сказка.

СИЛУЭТЫ В НОЧИ

Таинственные своды храма
Ещё таинственней в ночи.
А ночь как для картины рама,
И свет – горение свечи.

И тенью – дерево. И сказка
Как будто оживает тут.
И ночи бархатная ласка,
И снов пленительных приют.

Старинный храм, ты много видел,
Виденья и сейчас живут.
И кто тебя тогда обидел,
Они сюда уж не придут.

РАХМАНИНОВ. ИВАНОВКА

Уваровский район

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

По красной дорожке – стремительным шагом,
Где звуки мелодий – живая вода.
Писал здесь Рахманинов вольно, с размахом,
Почти тридцать лет устремлялся сюда.

Ах, кисти сирени, душистые кисти,
Зовущая тропка к далёким краям...
И мысли неслись, безграничные мысли,
К тамбовским просторам, к тамбовским полям.

...С великим терпеньем музей создавали,
И он появился в положенный срок.
И центр притяжения – тамбовские дали,
Ведь здесь был бесценных творений исток.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ТАМБОВ!

Добрый вечер, Тамбов, добрый вечер!
Ты назначь мне свиданье у Цны.
Положи мне тихонько на плечи
Осторожные руки весны.
Скоро листьев вернётся громада,
А пока ты, конечно, грустишь.
Я прошу тебя, милый, не надо!
Но опять ты ночами не спишь...

ПОЛЫНЬ

Не встречалось мне такой полыни,
Кроме милой родины моей.
В этой серебристо-лунной стыни
Солнышко купалось целый день.

А полынь-трава благоухала
Лучше всех «диоровских» духов.
Я её в метёлки собирала,
Но не для кормления коров.

Знают все, полынь бывает горькой,
Вот и станет горьким молоко.
А полынный запах очень стойкий,
И его не вывести легко.

...Венички полынные вязали,
Ими весь сарай увешан был.
И когда метели заметали,
Валенки от снега обметали,
Этим усмиряя снежный пыл.

И полы полынью подметали,
С нею приходило лето в дом.
Звонко угольки в печи стреляли,
И синицы пели за окном.

...Наша не была полынью злою,
Как другие виды, не была.
Ласковое мягкое раздолье
На лугах у нашего села.

...Не встречалось мне такой полыни.
Может, где ещё на свете есть...
Помню эту мягкость и доньине,
Для неё пропела эту песнь.

ПЕРВЫЙ УРОК

Земля для зарожденья создана.
Упругое и жаждущее тело
Ждёт трепетно и чуточку несмело
Поток благословенного зерна.
Окутан дымкой каждый уголок,
Свободно и рассветно задышала,
Тепло и просветлённо в мире стало.
Так первый завершается урок.
Второй придёт, когда зерно созреет
В усатой золотистой колыбели.

СПАСИБО!

*Всем замечательным людям,
которые присутствовали в жизни
Геннадия Шеховцова, поддерживали его.*

Так в нашем двадцать первом веке
Неравнодушие людей
Явило весть о человеке,
Чья жизнь как подвиг. Без затей

Творил он, словно оживляя,
Что видел раньше на земле:
Как по весне река – без края,
Как в небе пламя полыхает –
Заря вечерняя играет,
Потом скрывается во мгле...

Всё видел раньше... на земле.

Неравнодушие людское
Вселяло мысль: «Мои друзья
Разделят боль и плен покоя. –
И дальше думал: – Так нельзя...»

Но оказалось, можно! Можно!
И люди, светом озарясь,
Своим вниманьем осторожно
Поддерживали с миром связь.

Я всех имён не перечислю,
Их много – целая страна,
Что стала новой формой жизни
Певца природы и Отчизны,
Поэта высшего звена.

НЕ КАЖДЫЙ...

Отмытый до блеска дождями асфальт
Сверкает вкрапленьями гладкой щебёнки.
Декабрьский бесснежный пейзаж. И опять
Согнулись понуро дома и избёнки.

Дома у хорошей дороги стоят
Не так и понуро, как в дальней деревне,
Где пласт чернозёмный дождями примят,
Но цепко впивается в обувь, наверно.

Стучат каблучки по асфальту легко,
Не как сапоги по дымящейся пашне,
Где тянет корнями земля глубоко.
Не каждый осилит такое, не каждый...

КРЕПОСТЬ ТАМБОВ

Сто лет под стенами Тамбова
Велось отражение атак,
А орды татарские снова
Ломились в тамбовский очаг.

Но сила, могучая сила
И тихая власть Покрова
Тамбов и селян защитили.
Там Бог, говорила молва.

Осады, осады, осады..
Шёл Разин, и шёл Пугачёв.
И вновь оказалась преградой
Не павшая крепость Тамбов.

Тамбов не сломали набеги,
И клич из победных времён
Остался в потомках навеки
И шелест победных знамён.

БЕЗДУШНЫЙ КУСТ. БЕЗДУШНАЯ РЕКА

Рассказовский район

То ли вправду так было, не знаю,
Но легенда гласит: в нашем крае
Был разгромлен отряд Пугачёва,
И об этом поведаю снова.

...Бездушный куст, так это называют –
Урочище – скопление дубов,
И многие легенды прославляют,
Дошедшие из сонмища веков.

Одна гласит, что Кудеяр-разбойник
Свершал набеги и скрывался там,
И этот Робин Гуд с большой дороги
Награбленное людям раздавал.

Но есть и исторические факты,
В них говорится вот что: Пугачёв
Послал отряд свой, и они по тракту
Пошли тогда на город наш Тамбов.

В урочище они остановились,
Крестьяне поначалу ждали их,
Но пугачёвцы на разбой явились –
Усадьбы и дома попутно жгли.

Помещики крестьян объединили,
И стали ополчением одним,
И шайку пугачёвцев разгромили.
Бездушный куст и стал могилой им.

И говорят, что клады Кудеяра
И клады Пугачёва не нашли.
Стоят дубы-хранители у яра –
Надёжные хозяева земли.

А были клады? Вряд ли кто узнает..
Прошли неумолимые века.
Бездушный куст все тайны сохраняет
И времени бездушная река.

КАРТА

Когда я смотрю
 из окна,
то мне видна карта,
начерченная Семёном
 Ремезовым, –
светлая, с тёмными линиями
 на ней,
причудливо изображёнными.
Такую я видела в его книгах.
– Иди, посмотри, – позвала я мужа.
– Какая же это карта?
Просто голые ветки
 деревьев
на фоне асфальта дороги –
ведь весна ещё не проснулась.

В ЛЕСУ

Уже середина апреля –
Пяткой в снегу деревья,
Стоят холодны и спокойны,
Свой час ожидая достойно
Весеннего пробужденья
От долгого сновиденья.
Сквозь голого леса улицы
Какие-то тайны чудятся,
И хочется глянуть туда,
Куда не доходит тропа.
Быть может, там сказка
 живёт
И тоже лучей солнца ждёт.
Когда же растают снега
И юная зелень-трава
Подножья деревьев начнёт
 обнимать,
А ветер в ладони им что-то
 шептать,
Волшебную тросточку сказка
 возьмёт,
То там, а то здесь по траве
 проведёт,
И вырастут-встанут большие
 цветы
Чудесной мечты-красоты.

Обнимет лишь сказка берёзу рукой –
Весёлые птицы слетятся гурьбой.
И строят там гнёзда, выводят птенчат –
Певучие трели повсюду звучат.
Сказка полюбит в дождик гулять
И тростью волшебной места отмечать,
В которых появится крепкий грибок:
И белый, и груздь – ты готовь кузовок.
А если в глубь леса зайдёт человек,
Не даст заблудиться ему
 никогда.
Ведь сказка всегда –
 хоть какой возьми век –
На страже стоит и любви,
 и добра.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Уже середина апреля –
Снежинками ветер играет.
Их танец, полный веселья,
Как будто зиму возвращает.
Но нет, этой силы хватило,
Чтоб только минуто кружило
Их в вихре белого вальса –
Потуги зимы напрасны.
Снежинки уже не танцуют –
Падая вяло, тоскуют,
Предвидя, что их судьба –
Зимы и весны беда.
Не станут круглым снежком,
На мячик упругий похожи,
Не отзовутся скрипком
Под обувью прохожего.
Им до земли не добраться,
Они в туман превратятся
Иль каплей дождя заплачут –
И это ещё удача,
Поскольку, скорее всего,
Им лужей быть суждено
И грязью усилить мрачность.
Увы! Такова реальность!

* * *

Веер кустов,
 опахала деревьев
 К жаркой погоде готовы.
 Ветер им в помощь спешит,
 Чтобы воздух прохладнее
 сделать.
 Лето, ты где задержалось?

* * *

Маргаритка одинокая
 желтоокая
 У порога нашей дачи выросла –
 Одарила нас природа милостью.
 Не стоптать бы чудо это:
 Будет радовать всё лето!

* * *

Бутоны нашей яблони-ранетки
 Как будто маленькие детки,
 Когда их матери несут из ванны.
 Их кожа нежно розовеет,
 Атласа тонкого нежнее,
 А щёчки, щёчки-то – румяны!

БЕРЁЗЫ ВЕТВЬ

Берёзы ветвь,
 засохшая случайно:
 Оборванная ветра ль
 содроганьем
 Иль при участие человека
 со ствола родного,
 Прощаясь с жизнью,
 Заявляет о себе,
 Светя на солнце
 золотом последним
 своих сухих листов.
 С достоинством в небытие
 уходит,
 Даря живущим эту красоту
 прощальную свою.

* * *

Излучина реки
 чуть северней Тобольска.
 Там речки малые
 в Иртыш впадают.
 А он, коварный,
 подмывая берег,
 так раздаётся вширь,
 что морем кажется –
 огромным, беспредельным.
 Как зачарованный,
 ты смотришь вдаль,
 и сердце замирает
 пред необъятностью...
 Да, манят нас
 и пропасти в горах,
 и неба бесконечность,
 и воды стихия.
 Но почему они зовут к себе?
 Ведь эта бездна –
 гибель для людей!
 Быть может,
 притягательны они
 тем, что бескрайны?
 Отпугивая этим человека,
 они, с тем вместе, будто говорят
 о беспредельности существованья
 и обещают вечность жизни –
 пусть не такой,
 к какой привыкли мы.

ЛУНОЛИКАЯ КРАСАВИЦА СУЗГЕ

(П. П. Ершов «Сузге»)

Счастливая красавица Сузге!
 Муж исполняет все её желанья.
 Сибири царь, он для неё построил
 прекрасный терем на холме высоком.
 Там ели, пихты, как шатёр, стоят,
 Иртыш течёт невдалеке,
 и лунолика красавица Сузге
 здесь беззаботно дни свои
 проводит.
 Ничто её не беспокоит.
 Купается в ручье, смеётся звонко

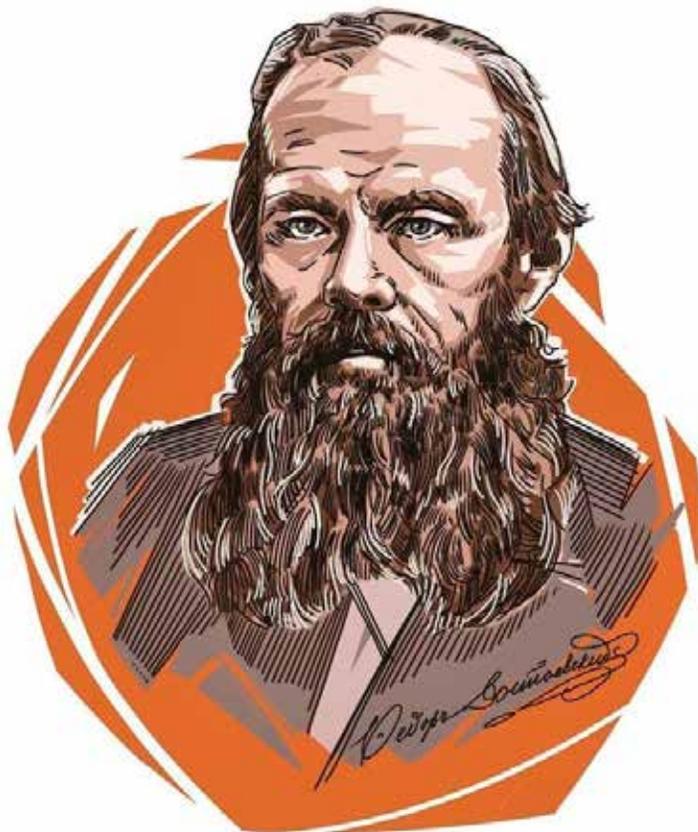
и ждёт Кучума в терем свой.
Но тут ударило войной:
Ермак в Сибирь пришёл
с отрядом грозным.
Стал терем крепостью
острожной.
Царица так распорядилась,
что очень вскоре оказалось:
за беззаботной лёгкостью скрывалась
душа большая у неё,
способная к раздумиям глубоким,
любви к народу своему, к поступкам
благородным и высоким.
Она, оставшись одинокой,
когда Кучум бежал от русских
в степь,

а брат её Махмет-Кула,
как до неё дошла молва,
попал к ним в плен –
не растерялась,
а внутренне собралась.
Ценою собственной неволи
спасла татар, что жили
вместе с ней, –
их службы не было верней –
от этой тяжкой доли.
Но гордая красавица Сузге
рабыней не хотела стать,
Тем более что, будущая мать,
она неволи не желала

для будущего сына своего
иль дочери – не всё ль равно.
И вот финал:
в груди кинжал,
вонзённый ею
в своё тело,
где в унисон два сердца бились.
Нет, не сдалась на милость
Сузге врагам.
Об этом нам
так рассказал Ершов
в своей поэме,
что хочется не раз её читать,
дух благородства воспринять,
которым автор наделил
своих героев.

Не важно, кто кем был:
с отрядом Ермаковым,
Сибири ль землю защищал
как свой родимый край.
И это очень впечатляет,
поскольку время обгоняет:
его поэма предвещает
то, что сегодня
толерантностью зовётся.
Такое свойство
во времена Ершова
не то что было ново –
о нём не помышляли даже.
Ему же очень важно.
Пусть современники
не поняли его...

Да, казаки с почётом
татарки тело предали земле.
Пред ним склонились оне –
не спорю,
но всё же что-то
мне не даёт покоя.
Ведь атаман Гроза,
что Ермаком к Сузге отправлен,
предупреждён не зря:
как в плен возьмут Махмет-Кула,
Сузгун чтоб был оставлен
царице на управу.
Ну а Гроза схитрил
и ультиматум предъявил,
который к гибели её привёл.
А если б выполнил он Ермака
приказ,
что б было в такой раз?
Смирилась гордая Сузге
и стала родов ждать,
живя спокойно в своём царстве,
иль начала бы войско собирать,
чтоб отстоять родное ханство?

ЖАЖДА ПРАВДЫ И ПРАВА

Творчество Ф. М. Достоевского (1821–1881) – одно из вершинных достижений русской классической литературы – справедливо уподобляют космосу. Созданный писателем художественный мир столь грандиозен по масштабам мысли и чувства, глубине духовных проникновений, что представляет собой своего рода необъятную вселенную.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,

*доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России (Москва),
историк литературы*

Феномен Достоевского заключается в том, что интерес к нему во всём мире не только не ослабевает, но со временем всё более возрастает. Ведущие университеты Западной Европы, США, Японии и других стран уже давно и достаточно глубоко изучают творчество великого русского классика не только на факультетах филологии, но и философии, психологии, юриспруденции, социологии, смежных дисциплин.

Но в своём отечестве Достоевского-пророка вспоминают по преимуществу в годы «круглых» дат. С сожалением приходится констатировать, что Россия в этом отношении выступает в парадоксальной трагикомической ситуации «сапожника без сапог», оставляя труды своего выдающегося соотечественника, равно как и многие другие духовные ценности, на периферии общественного сознания. В то же время освоение открытий Достоевского может принести не умозрительные, а практически насущные результаты для создания прочного духовно-нравственного фундамента современного общества.

«...ЧИТАЙТЕ ДОСТОЕВСКОГО, И ВЫ МНОГОЕ ПОЙМЁТЕ...»

В своих трудах писатель остро поставил ряд кардинальных для человечества тем и проблем: какова природа добра и зла; как уживаются в душе человека стремление к саморазрушению и самовосстановлению – «идеал содомский» с «идеалом Мадонны»; в чём сущность и назначение жизни; как преобразовать мир на основах духовности, нравственности, уважения достоинства личности; как соединить в нераздельное целое справедливость, законность, правосудие? Ответы на эти и другие «вечные» вопросы, над которыми издревле бьётся человеческое сознание, выдающийся художник и мыслитель оставил в своих произведениях, которые сегодня воспринимаются как пророчество, провозвестие, как дар и задание непрестанного совершенствования.

Апеллируя к «вечной Истине», Достоевский выражает твёрдое убеждение в том, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». В новом тысячелетии современное человечество живёт всё теми же грядущими упованиями. «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час – всё бы сразу устроилось! – утверждает писатель устами героя своего «фантастического рассказа» «Сон смешного человека» (1877). – Главное – люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдёшь, как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» Выраженный в предельно простой и всякому понятной форме христианский идеал, заповеданный в Евангелии, к которому обращается Достоевский, – «возлюби ближнего твоего, как

самого себя» (Мк. 12: 31), – по высоте духовного задания оказывается до сих пор непосильным, недостижимым и непревзойдённым. Новый Завет вечно нов и всё так же принадлежит горизонту нездешнего бытия.

Исследуя духовную природу человека и состояние общества, писатель-пророк в своих открытиях предвосхищал будущее. «По глубине замысла, по широте задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком, – писал о Достоевском М. Е. Салтыков-Щедрин. – Он не только признаёт законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идёт далее, вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдалённых исканий человечества».

«Предвидения» и «предчувствия» писателя подтверждаются движением истории. В. Ф. Переверзев в статье к 100-летию классика «Достоевский и революция» (1921) проводил мысль об острой современности его творчества в тот «момент великого революционного сдвига, в момент катастрофического разрушения отжившего старого мира и постройки нового. <...> Достоевский – всё ещё современный писатель; современность ещё не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя. Говорить о Достоевском для нас всё ещё значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни <...> Читайте Достоевского, и вы многое поймёте». Пережив в очередной раз «катастрофическое разрушение» устоявшегося, мы и сегодня можем с полным основанием присоединиться к этой оценке.

Хаотическое состояние капиталистической России в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и

эле начали мериться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, охарактеризовано в романе «Бесы» (1872): «... точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул». Прочную опору в этом шатком мире писатель обрёл в православной вере, с её идеалами жертвенной любви к Богу и ближнему, «потому что Православие – всё». Эту отточенную формулу заносит Достоевский в свои записные книжки, хранящие столь же заветные мысли: «Нации живут великим чувством и великою, всё освещающей снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля»; «В Европе – выгода, у нас – жертва...»; «Русский народ весь в Православии и идее его». Писатель усматривал в православии не одну только догматику, но главное – живое чувство, живую силу. «Вникните в Православие, – призывал Достоевский, – это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве по-настоящему и мистицизма-то нет вовсе, в нём есть одно человеколюбие, один Христов образ – по крайней мере это главное».

Формально-показная, официозная набожность, во многом принятая в настоящее время, ведёт к тому, что от Бога остаётся «мёртвый образ, которому поклоняются в церквях по праздникам, но которому нет места в жизни». Об этом размышлял писатель в своём последнем романе «Братья Карамазовы» (1881). Герой романа – чистый сердцем и помыслами Алёша Карамазов – старается следовать евангельскому завету «раздай всё и иди за Мной». В отличие от фарисействующих псевдопоследователей Христа, пытающихся с выгодой приспособлять «под себя» Божьи заветы, Алёша стремится к абсолютному идеалу высшей Истины: «Не могу я отдать вместо "всего" два рубля, а вместо "иди за Мной" ходить лишь к обеду».

Идейно-художественная система Достоевского в целом сформировалась на почве его глубоко религиозного мировоззрения. Основы христианского мировидения и нравственного развития личности изначально закладывались

в традициях семейного воспитания. Русская семья имела утраченный ныне статус «малой церкви», где дом – храм; очаг – алтарь; семейный уклад – благочестие; идеал – любовь к Богу и ближнему; дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами. Достоевский вспоминал: «...я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть ли не с первого года». Самые ранние детские переживания религиозного характера писатель хранил всю жизнь. Он запомнил, как около трёх лет от роду он прочёл при гостях молитву: «Всё упование, Господи, на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом своим», – чем привёл всех в состояние радостного умиления; как в церкви мать причащала его, двухлетнего, и как «голубок пролетел из одного окна в другое». Возможно, эти первые сокровенные впечатления, вызванные Светом и Словом (то и другое – имена Бога в Новом Завете), способствовали пробуждению в ребёнке «нового, уже сознающего себя и мир человека».

Детская непосредственная религиозность, примиряющая веру с рассудком, впоследствии укрепилась осознанным убеждением. «Записная книжка» писателя содержит глубоко выстраданное признание: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

В своей собственной семье Достоевский был нежным и заботливым отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской природы. Он делал всё, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, всё, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». «Главная педагогия – родительский дом», – уверен писатель. Основой его воспитательной доктрины явилась религиозно-философская идея о человеке как «венце творения», об уникальности и неповторимой ценности каждой человеческой личности. О своём первенце – дочери Соне – Достоевский писал А. Н. Майкову в мае 1868 года: «Это маленькое трёхмесячное <создание>, такое бед-

ное, такое крошечное – для меня было уже и лицо, и характер». В очерке «Фантастическая речь председателя суда» (1877) читаем: «...у ребёнка, даже у самого малого, есть тоже и уже сформировавшееся человеческое достоинство». Этот тезис получил глубокую психологическую и социально-нравственную разработку в трудах Достоевского задолго до принятия Всеобщей декларации прав человека (1948), где в первой же статье утверждается право каждого на достоинство от рождения: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Указанный декларативный призыв к мировому сообществу до сих пор остаётся нереализованным благим пожеланием. Во многом потому, что во главу угла человеческих взаимосвязей ставятся товарно-денежные отношения, расчёт, эгоистический интерес, что, в свою очередь, влечёт подмену Бога ложными кумирами и бездушными идолами. Служение «золотому тельцу» неизбежно ведёт к звериным установкам типа «глотай других, пока тебя не проглотили», в итоге – к духовно-нравственному одичанию и вырождению.

Современное прочтение романа «Братья Карамазовы» – художественного и духовного завещания писателя – показывает, что его тревожные предчувствия сбываются с поразительной точностью. Вот одно из текстуальных подтверждений: «не исказился ли в нём (мире. – А. Н.-С.) лик Божий и правда Его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: "Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай" <...> И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство,

а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности ещё не указали. <...> куда пойдёт сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумывал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

Ни наука, ни социальные реформы не способны вывести человека и общество из разъедающего состояния всеобщей уединённости. На бессилие рациональных, прагматических подходов, их духовно-нравственную несостоятельность указывал писатель: «Никогда люди никакую наукой и никакую выгодой не сумеют безобидно разделить в собственности своей и в правах своих. Всё будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга». Достоевский предупреждал о том, что поглощённость материальными интересами, рост индивидуализма и катастрофический распад личности при утрате высших идеалов и веры в Бога приведут человечество к антропофагии (людоедству).

Духовное начало, «искра Божья» – первостепенное, что выделяет человека среди других существ. В то же время «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека». Писатель справедливо полагал, что для становления личности одного разума, образованности недостаточно, поскольку «образованный человек – не всегда человек честный и что наука ещё не гарантирует в человеке доблести». Более того – «образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит».

Родителям, наставникам, учителям – всем тем, кому доверено воспитание юных душ, – необходимо постоянно заботиться о самовоспитании и самодисциплине: «...ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих». «Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже, – говорил писатель. – И если мы учим их чему-нибудь, чтобы сделать их лучше, то и они нас делают лучше нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают душу нашу». Отцам семейства,

которые «лишь откупились от долга и от обязанности родительской деньгами, а думали, что уже всё совершили», Достоевский напоминает, что «маленькие детские души требуют непрерывного и неустанного соприкосновения с вашими родительскими душами, требуют, чтобы вы были для них, так сказать, всегда духовно на горе, как предмет любви, великого нелицемерного уважения и прекрасного подражания». В «Братьях Карамазовых» выражена заветная мысль об особенной, «ещё в ангельском чине», природе ребёнка: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой». Всё это обращает к евангельской заповеди «Будьте как дети». Христос говорит ученикам: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18: 3).

Писатель следил за религиозно-нравственным формированием своих детей и указывал на громадное универсально-воспитательное воздействие Священного Писания: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества». На пороге инобытия он читал детям новозаветную притчу о блудном сыне. И умер с Евангелием в руках. Новый Завет, провожая писателя в вечность, открылся на словах Христа: «не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

Современники Достоевского сохранили воспоминания о его отношении не только к собственным, но и к чужим детям. Их судьбы постоянно тревожили сознание и душу: «Дети – странный народ. Они сняты и мерещатся». Христианское воспитательное credo Достоевского получило многообразное воплощение в письмах, дневниках, заметках, публицистике; наиболее глубокую разработку – в художественном творчестве, во всех без исключения произведениях. Можно утверждать, что творчество писателя в целом – своего рода «религиозно-педагогическая поэма».

Так, «Подросток» (1875) – в полной мере «роман воспитания». Главный герой – вступающий в жизнь юноша Аркадий Долгорукий – поработён ложной идеей «стать Ротшильдом». Он считает, что «деньги – это единственный

путь, который приводит на первое место даже ничтожество». В черновиках к «Подростку» охарактеризована ситуация, на почве которой вырастают идеи преступной наживы: «Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и стёрлись определения и границы добра и зла. <...> Нынче честно не проживёшь». В то же время, по убеждению писателя, «основные нравственные сокровища духа, в основной сущности по крайней мере, не зависят от экономической силы». Подросток постепенно освобождается от маниакальной цели обогащения, достигаемого любыми способами. В стремлении к праведной жизни происходит «восстановление падшего человека».

В «Подростке» и «Дневнике писателя» Достоевский исследовал также проблему «разложения семейного начала» и пришёл к выводу, что «случайность современного русского семейства <...> состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. <...> самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи – есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, – но порядка».

С утратой общей идеи и идеалов также изнутри подрывается лад современной семьи. Понятия «супружество», «семья», «отцовство», «материнство», «детство» духовно опустошаются, становятся лишь правовыми категориями и терминами Семейного и Гражданского кодексов. Отношения в семье зачастую строятся не на незыблемом «камне» духовно-нравственного фундамента, а на «песке» формальной юридической связи сторон брачного контракта, гражданско-правового договора, наследственного права и т. п. Если нет глубинной духовной опоры, скрепляющей семейный очаг, то семья неизбежно становится ненадёжной, зыбкой, «случайным семейством» – по определению Достоевского.

«Больные» вопросы: «как и чем и кто виноват», как прекратить детские страдания, как

«сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё» – с особенной силой поставлены в «великом пятикнижии» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Среди основных идей последнего романа – сокровенная мысль: достижение мировой гармонии «не стоит <...> слезинки хотя бы одного только <...> замученного ребёнка».

По воспоминаниям известного русского юриста, литератора и общественного деятеля А. Ф. Кони, Достоевский «безгранично любил детей и старался своим словом и нередко делом ограждать их и от насилия, и от дурного примера. <...> Но с детьми для юриста связан, помимо святой задачи их защиты от насилия и нравственной порчи, ещё один из важнейших и труднейших вопросов <...> – о применении к ним уголовной кары». Знаменитый адвокат настоятельно советовал коллегам-юристам сверяться в своих решениях с Достоевским: «...всякий, кто захочет вдумчиво подвергать детей карательному исправлению, не раз должен будет искать совета, разъяснения, поучения на страницах, написанных их <...> другом и заступником».

Посещая колонию малолетних преступников, Достоевский приходит к выводу о том, что именно «зверски равнодушное» отношение государства и общества к молодому поколению вытравляет в юных душах «всякие следы человечности и гражданственности». Писатель нашёл «недостаточными» имеющиеся в арсенале юридической системы «средства к переделке порочных душ в непорочные».

«Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести», – размышлял Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Свои чаяния он выразил устами «русского инока» старца Зосимы: «... если бы всё общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную

долю. Да и церковь, сомнения нет, понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возвратить отлучённого, предупредить замышляющего и возродить падшего».

Утрата веры в Бога и бессмертие, заглушающая голос совести, ведёт к преступной теории «всё позволено», к власти «элиты» над «муравейником», «слабосильными бунтовщиками», которые под конец «станут послушными». «Покорное стадо» не в силах вынести свободы, а значит – и нравственной ответственности, данной Христом, и принесёт эту свободу к ногам «избранных». В легенде Ивана Карамазова о «великом инквизиторе» этот наследник Римской империи строит свою власть на «чуде, тайне, авторитете» – на всём том, что отверг Христос, преодолевая дьявольские искушения. Инквизитор по-прежнему манит людей идеалом Христа: «...мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твоё. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе». В действительности власть отреклась от Бога и служит силе, противоположно направленной: «Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! <...> мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными».

Именно антихристианское римское право лежит в основе современного российского законодательства. Сегодня вдумчивые учёные констатируют неразработанность в праве аксиологических и антропологических подходов. По справедливому суждению современных правоведов, «в правовой науке мы привыкли заниматься непосредственными "замерами" правовых явлений: преступности, деликатности, знания права населением и т. д. <...> Наше право всё более вырождается в наукообразное законодательство <...> Отечественное право должно измениться. Юриспруденция, построенная на римских <кабальных> формулах, должна обрести новую творческую форму в русском правовом психологизме, выразителем которого был Ф. М. Достоевский». Вопросы, поднятые в

творчестве классика, – «об абсолютном праве, об отношении права к вечным ценностям – к вере, Истине, справедливости» – не могут и не должны оставаться на задворках общественно-правового сознания.

Современная Европа, считает Достоевский, пошла по пути «великого инквизитора»: «...во многих случаях там церковью уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церковей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нём совершенно исчезнуть. Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство». Церкви в государстве отводится «как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, – и это повсеместно в наше время в современных европейских землях». В том же направлении развиваются нынешние российские государственно-церковные отношения.

Путь православной России, по Достоевскому, должен быть иным: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более».

В дискуссии о церкви и государстве старец Зосима, несмотря на скепсис оппонентов («это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далёкого, во втором пришествии. <...> Прекрасная утопическая мечта об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.»), выражает несомненную веру в преображение жизни: «Правда, <...> теперь общество христианское пока ещё само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает всё же незыблемо, в ожидании своего полного преображения из общества как союза почти ещё языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времён и

сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. И что по расчёту человеческого может быть ещё и весьма отдалённо, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях».

Одна из важнейших в системе идей Достоевского – мысль о личной нравственной ответственности каждого за состояние собственной души и за судьбы целого мира: «...всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов <...> И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них Царствие Небесное уже не в мечте, а в самом деле». С точки зрения писателя, заниматься социально-политическими преобразованиями прежде христианского преобразования души человеческой – всё равно что ставить телегу впереди лошади: «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства».

На упрёки в утопизме писатель отвечал, что он лишь «реалист в высшем смысле». Всё сбывается по Достоевскому. Жизнь подтверждает глубокую правоту его заветных идей. Писатель оставил неординарные и нелёгкие для исполнения заветы: не дать «низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию святой и великой»; «войти в борьбу» с «ужасными впечатлениями», «мрачными картинами», «искоренить их и насадить новые» – «чистые, святые и прекрасные». За прошедшее время значимость этих задач нисколько не уменьшилась.

Опыт писателя по религиозно-философскому, социально-психологическому, этическое осмыслению проблем бытия – «жажда правды и права», как формулировал Достоевский, – по-прежнему требует серьёзного освоения и может сыграть неопределимую роль в духовно-нравственном развитии наших соотечественников, если они прекратят уподобляться библейским иудеям, гнавшим «пророков в своём отечестве».

Анастасия НИКОЛЕНКО
(Николь Воскресная)

Рифмовать строчки начала в раннем детстве.

Кандидат политических наук. Принимает активное участие в литературной жизни города и края. Участвовала в Лебковских чтениях – 2014 (г. Партизанск), книжном маркете во Владивостоке (2015), проведении литературного мастер-класса во Всероссийском детском центре «Океан» (июнь 2016 г.), творческих встречах в библиотеках города. Член Союза писателей России с 2017 года.

Публиковалась с 2004 года в коллективных сборниках, журналах, альманахах.

Участник проектов «Чтиво», литературного театра «Белая лошадь», традиционных Мандельштамовских чтений ВГУЭС, творческого объединения «Рыбы».

Лауреат конкурса поэзии и прозы для творческой молодежи Дальнего Востока (литературное агентство «Сириус», 2012). Победитель конкурса «Петроглиф» в номинации «Поэзия» (2022).

С одним кривлом ...

ГОРГОНА

* * *

Окаменел, едва его коснулась, сердцем застыл.
Присылай ещё воинов светлоглазых.
Если ты меня не забыл,
Если хочешь им мстить всем сразу.

Не доплыть до моих островов,
В плоть вопьются острые скалы,
Разжигай сколько хочешь костров,
Их всегда тебе будет мало.

Лишь один, что душою светел,
Этих тайн коснётся руками
И застынет лучом на рассвете,
Провожая звёзды глазами...

Они думают: мы целуемся,
А вообще-то я тебя ем.
Прямо тут, среди этой улицы,
У тебя больше нет проблем.

У тебя больше нет жалоб,
Нету мыслей, и нету идей,
А язык не язык – жало!
Не такой, как у всех людей.

Эта ночь, пожалуй, чудесна,
Меня сводит с ума твой вкус,
Пусть играет ещё эта песня!
Багровеет на шее укус!

* * *

По мне давно плачет погорелый театр
Или дешёвое шапито.
А все эти фразы с привкусом мяты
Не то, совершенно не то.

Смотри, облака как сценарий измятый,
И я замерзаю в твоём пальто.
Ты смотришь устало и виновато
Из отражений, мой глупый Пьеро.

Не плачь, грим течёт, без лица б не остаться,
Почтенная публика ждёт!
Ты правда ведь станешь им улыбаться?
Улыбки включены в счёт...

* * *

Ты – моя февральская революция,
Он – мой октябрьский бунт.
Лики икон сотрутся,
Когда листья совсем опадут.

Ты – не смотрел мне вслед,
Он – не мог рядом дышать,
Белый холодный снег
Станет тебе мешать.

Быть тем, кем раньше был,
Участь его страшней:
Шелест кровавых крыл,
Алые листья огней...

БЕЛОЕ

Обнажившийся город весь в белом,
Неуютном, холодном снегу.
Помоги мне быть, Господи, смелой,
А другой я и быть не смогу.

И распахнутой грудью в небо,
Опрокинувшись на бегу...
Помоги мне быть, Господи, верной –
До конца – моему врагу.

Всё проходит порывами ветра,
Даже то, что забыть не смогу.
Помоги мне быть, Господи, светлой,
Темноту я и так сберегу.

* * *

Оригиналы забыты напрочь –
Я всего лишь копия копий.
Спой мне песню самую страшную на ночь.
Что на завтра в моём гороскопе?

Повторится моё наважденье
Или я про него забуду?
Так тревожно опять пробужденье,
Никакой надежды на чудо.

Всё уже согласовано с планом.
Многоликое «мы» безгранично.
Забывая о самом главном,
Я инкогнито и обезличена.

* * *

Тысячерукая мгла,
Глаз твоих яркий свет.
Оборвать провода,
Остановить свой бег.
Встать и смотреть, как ты
Станешь её рабом.
Помни, у темноты
Только один закон:
Не обернись назад,
Не сомневайся ни в чём,
Не закрывай глаза
Перед разящим мечом.

* * *

Мир, существующий в моей голове,
Умрёт за минуту, за две...

Никогда не будет рождён заново,
Укрытый снегом, как саваном.

Он выпит, стёрт и забыт,
Но тянет в себя, как магнит.

Вода, не текущая вспять.
Не остановить, не понять...

И маска, что без лица,
Дорога оборвана в два конца.

Мой поезд, сошедший с рельс:
Ночной, предпоследний рейс.

* * *

Развиваясь,
я, как лёд, разбиваюсь
на сотни осколков,
из которых потом восстаю,
собирая душу свою,
забывая всё, что люблю,
об огонь обжигаясь,
я таю и осознаю,
что летаю,
пока узнаю, среди прочих,
нежность твою...

* * *

Бледная копия,
Глупая тень.
Что в гороскопах
На завтрашний день?

Это печаль таится
Птицей ночной,
Далью кромешной искрится
Мир под луной.

Голос на старом виниле,
Пой и зови ещё,
О неизведанной силе,
Что затаилась и ждёт.

* * *

Замершая, как перед бурей,
Закрывшаяся, как от боли.
Бог, помоги дуре
Остаться навечно собою!

Душа – с одним крылом бабочка,
Её не сберечь зимой.
Убить легче сразу, не пачкая
Рук ядовитой пылью.

И эту отравную сладость
Не вытерпеть, не пережить,
Такая случайная радость,
Что без толку ворожить...

МАГИЯ КРОВИ

Магия крови боится света,
Вместо чернил выводить ей слова.
И не искать ответа,
Не вспоминать никогда.

Звёздным лучом пронзённой,
Падать в сверкающий снег
И улыбаться так обречённо,
Словно забывшись во сне.

Сладко мне забываться.
Ночи разлитая тушь.
А кукловод изрезал пальцы
Нитями наших душ...

Лариса РАТИЧ

НЕ ВТОРАЯ МИРОВАЯ

Нет, не Вторая мировая,
А та Великая война –
Судьбина наша фронтовая.
И дата наша, и страна.

Не во Вторую мировую
Мой дед «ЗА СТАЛИНА!» кричал.
Свою награду боевую
За ратный подвиг получал.

Не во Вторую мировую
Мой юный дядя был в плену,
А в ту, Великую, Святую,
Отечественную войну!!!

Не во Вторую! – ложь в сторонку! –
А в наши страшные года
Шли извещенья-похоронки
Потоком в сёла, города...

И потому мы помним свято
Тот яростный великий бой.
И подвиг нашего солдата,
Что целый Мир закрыл собой!

УКРАИНА, 22 ИЮНЯ 2021 ГОДА

...Год сорок первый. Век двадцатый.
Июнь. Проклятое число
Осталось самой страшной датой
И вечным шрамом пролегло.

Но – недобитое, чумное –
По схронам вызревало зло.
И вот попёрло диким строем,
Свои кричалки понесло.

И липкой свастикой паучьей
Вросло в доверчивую плоть.
Пристало беленой вонючей,
Которую не прополоть.

Век двадцать первый – век изнанок
Над метастазами идей:
Майдан, забывший про Майданек...
Страна, забывшая людей...

ОНИЖЕДЕТИ

Бывают люди-полуфабрикаты,
Им после – чашу горькую испить...
Как любят галичанские волчата
Кричалки людоедские вопить!

Растут безмозглые ОНИЖЕДЕТИ,
Косноязычно тявкают в ПАСЕ,
Себя считая лучшими на свете,
А свой кровавый строй – «ПОНАД УСЕ».

ОНИЖЕДЕТИ с психикой горбатой
И с признаками злобных дураков –
Из-за угла, толпою вороватой –
Терзают ветеранов-стариков...

Пусть горек привкус тягостной години,
Сквозь времена плетётся правды нить:
ОНИЖЕДЕТИ – были хунвейбины,
Так им себя вовеки не простить.

...Но, к счастью, много разного на свете!
Бывает жизнь прекрасна и чиста.
Совсем другие есть ОНИЖЕДЕТИ:
Они герои. Этим не чета.

За Родину вставая добровольно,
Бронь отвергая, не спросив цены,
ОНИЖЕДЕТИ со скамейки школьной
Шагнули прямо в пламя той войны.

По-юношески так неосторожно,
Не задавая о судьбе вопрос,
Приписывали возраст – сколь возможно...
Поверили бы только, что дорос!!!

Они имели пламенное сердце,
Как будто были выше облаков:
ОНИЖЕДЕТИ – молодогвардейцы.
ОНИЖЕДЕТИ – сыновья полков.

ОНИЖЕДЕТИ – гордость и отрада! –
Прошли невыносимые пути,
Медаль «За оборону Ленинграда»
В пятнадцать лет имея на груди.

С молодых ногтей учились быть в ответе.
И с лучшими из лучших – наравне!
...Пусть будут у страны ОНИЖЕДЕТИ,
Но чтобы стыдно не было стране.

РОССИЯ НЕ НУЖДАЕТСЯ!

Россия не нуждается в поблajках.
Совсем не нужно ей любви от тех,
Кто говорит не «Родина», а «Рашка»,
Равняя с неудачами успех.
Кто мнит себя элитой, пальцы крючит,
Забыв, когда и где наворовал;
Кто «быдлом» называет самых лучших –
А с ними даже рядом не стоял.
Кто покупает звания и кресла,
Чей жемчуг мелок, но огромен счёт;
В ком дедовская слава не воскресла,
А в жилах – муть болотная течёт.
Чьи речи, взгляды злобные, косые –
Как грязное сопревшее бельё...
Россия и без них – всегда Россия!
А кто они, бедняги, без неё?..

К ПОБЕДЕ

...А когда утихают метели
И готов к обновлению край,
Мы идём через марты-апрели
Прямо в солнцем обласканный май.

Каждый день примечая по сводкам,
Будто снова – за дальней чертой,
Мы ликуем девятого: вот он!
Самый главный и самый святой!

Самый горький и самый лучистый.
Самый памятный, самый больной.
Самый тихий и самый речистый.
В наши души внесённый войной...

НАШИ МАДОННЫ

Глубины нашей памяти бездонны,
Но не сжигаем мы своих мостов.
По всей стране прописаны Мадонны
Навек у монументов и крестов.

Роня слёзы в строчки похоронок,
Они стояли крепкою стеной
У рвов, окопов, блиндажей, воронок –
У каждого солдата за спиной!..

Вы посмотрите на плакат знакомый!
Он не устанет нам напоминать:
Сынов на битву позвала Мадонна –
Как Родина, как Женщина, как Мать.

Во всех краях – далёких или близких –
У нас без счёта безутешных Дев.
Склоняются Мадонны к обелискам,
У дорогих могил окаменев...

РОССИИ

...Видно, недругам очень не нравится,
Что отныне – такие дела;
Но взмахнула рукой Русь-красавица –
И планета меняться пошла.
Будет много тяжёлого пройдено,
Да пунктиром наметился мост.
Не сдавайся, не кланяйся, Родина!
Распрямись в свой торжественный рост!
Отступить снова некуда, видишь ли...
За спиною – отечества дым.
Наши предки – ни метра не выдали!
Ну а всё остальное – решим.
Всем сестрам по серьгам – всё отмерится,
Кто там братья-небратья с лица!
...Но за каждое русское деревце
Мы согласны стоять до конца.

«Мистерия XX века» Ильи Глазунова

ЗНАНИЕ ПРОШЛОГО КАК ОРИЕНТИР В НАСТОЯЩЕМ

Инна ДЁМИНА

Инна Владимировна Дёмина, к. п. н., член Союза писателей России, поэт и прозаик, автор десяти литературно-художественных книг. Победитель Поэтического турнира – 2018, дипломант Академии поэзии 2019–2021 гг., дипломант литературно-общественной премии «Родина-мать зовёт» в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне» с вручением медали «Родина-мать зовёт» МГО СП России. Работает в трёх литературных гостиных. Печатается в различных альманахах и журналах.

Жизнь сегодня как математическая задача со многими неизвестными, от решения которой не уйти. 30 августа 2022 года потрясло сообщение – умер Михаил Горбачёв. У меня и сейчас нет чёткого представления о том, кто

же главный архитектор и несёт основную ответственность за развал Советского Союза. Но есть чётко доказанное другими знание, кто сыграл главную-первую скрипку в деле воссоединения двух Германий. Без чего, возможно, не было бы Европейского союза и новой холодной войны, перерастающей в настоящее время в горячую.

С марта 1985 года М. Горбачёв, генеральный секретарь ЦК КПСС, устанавливает личные тёплые отношения с двумя Германиями. До того тёплые, что 9 ноября 1989 года падает Берлинская стена. В феврале 1990 года на совместной конференции блока НАТО и государств Варшавского договора достигнута принципиальная договорённость, согласно которой державы – союзницы по антигитлеровской коалиции отказываются от своих

прав победителей. М. Горбачёв не только не проголосовал против, но даже не воздержался. В июне 1990 года достигнута договорённость между М. Горбачёвым, уже Президентом СССР, и канцлером ФРГ Гельммутом Колем, открывшая путь к завершению переговоров об объединении двух Германий. Согласился. Сыграл первую скрипку! Одновременно президент М. Горбачёв даёт согласие на членство объединённой Германии в Североатлантическом альянсе и на размещение на территории бывшей ГДР сил бундесвера, не интегрированных в НАТО. Ослеп, оглох и обезумел президент! Делегация ФРГ получила согласие Президента СССР на полный государственный суверенитет объединённой Германии. Поклялся, положив руку на германскую конституцию? И 1 июля 1991 года в апогее триумфального шествия горбачёвских деяний был подписан протокол о прекращении действия Варшавского договора как «завершившего» свои функции. НАТО же и сегодня продолжает выполнять свои функции. Таковы фатально-преступные «ошибки» президента.

Щедрые уступки при решении проблемы объединения Германий, упразднение КПСС и целого государства в виде Советского Союза, вывод советских войск из Восточной Европы и другие допущенные им «ошибки», ставшие фатальными для советского государства, – всё это было воспринято Западом как позитив, а роль Президента СССР была признана «ведущей» в мировом процессе. За «безграничную щедрость» в октябре 1990 года М. Горбачёву была присуждена Нобелевская премия мира в размере 4 миллионов шведских крон и 500 миллионов итальянских лир. Как свидетельствуют историки, первый Президент СССР внёс премию в бюджет государства. От этого жеста весы истории с перетянутым минусом его деяний даже не вздрогнули. А оболение Горбачёва Западом продолжалось, набирало обороты и было беспрецедентным. Его перестройкой, которая семимильными шагами приближала достижение цели коллективного Запада – упразднить, расчленивать, уничтожить СССР, – «восхищались».

По мнению русского классика Василия Белова, Запад напирал на «фальшивые образы» свободы, демократии, гуманизма, которые не раз сыграли злую шутку в истории царской России, СССР, на которые попадались не только государственные и политические деятели (М. Горбачёв, Б. Ельцин), но и народные массы, пополнявшие собой пятую колонну. Названия улиц, магазинов, гостиниц, учреждений, фирм – иностранное нашествие. Товары в продовольственных и промтоварных магазинах на английском и др. языках, электроника, машины – иностранное нашествие. И несмотря на это, даже «самая размышляющая» часть русского общества делает вид, что до сих пор не видит нашествия. Зомбированная, она как бы лишилась памяти.

Перестройка М. Горбачёва и её роль в изменении жизни страны, сложение Горбачёвым с себя полномочий президента 25 декабря 1991 года до сих пор продолжают будоражить умы историков и простых людей. После его кончины эмоциональность оценочной полярности им содеянного ещё более активизировалась. «Человек средних способностей, а проблемы гигантские, титанические – не справился» (Д. Журавлёв). «Люди референдумом сказали: хотим жить в СССР – выполнить волю народа не смог» (Г. Бовт)... А мне думается, окрылённость своим авторитетом в отношениях с Германией и одновременная неспособность видеть «на два-три шага вперёд» (А. Вассерман), к чему приведёт перестройка у себя дома, притупили, рассеяли чувство ответственности президента перед народом за судьбоносность своих действий. За объединение Германий заплатить ценою уничтожения своего государства! На объединение Германий льстивого «авторитета», созданного Западом, хватило, а уберечь свою страну от гибели – ума оказалось недостаточно.

Поэтической строкой своё негативное отношение к «деяниям» М. Горбачёва недвусмысленно высказал В. Иванов, советник РАН, член-корреспондент РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России:

*С моей оценкой Горбачёва,
Уверен, согласится наш народ.
Нашёл я ёмкое и правильное слово:
Он абсолютнейший банкрот.
С такими же, как сам, друзьями
Набрался храбрости страной управлять,
А то, что влез в чужие сани,
Так, бедный, и не смог понять.*

И появился Б. Ельцин, который, играя в «друзья» со лъстивыми США, уничтожил то хорошее, что ещё оставалось от великой страны.

Б. ЕЛЬЦИН

*Для мира был непостижим,
Для россиян – капризен и невнятен,
И созданный при нём режим
Имеет слишком много пятен. (В. Иванов)*

Долгое время я была уверена, что Горбачёв, опасаясь народного гнева за содеянное, «убежал» в Германию. Оказалось, что он оставался в Москве. Пандемические годы уже больным провёл в Центральной клинической больнице, где и умер.

Более десяти лет назад как-то в интернете прочла информацию о смерти Горбачёва. Мне подсказали, что подобное сообщение не однажды встречалось в сетях. Потому, когда в «Вестях» 30 августа услышала сообщение о его кончине, подумала, что очередная утка. Нет, на этот раз не утка. Была рада решению Владимира Путина соблюсти в похоронах нужную «дистанцию», не вмешивать государство в ситуацию, отдать проведение погребения М. Горбачёва на «откуп» родственникам и его близким друзьям. Сам В. Путин как человек отдал дань уважения усопшему 1 сентября, положив букет цветов к его ногам в безлюдном морге Центральной клинической больницы, что и показали «Вести».

А температурные градусы горячего двадцать второго нарастали. 20 сентября – очередная сенсация: объявлена частичная мобилизация, поскольку альянс Евросоюза и США к этому времени подготовил и поставил против России огромные финансы и объединённую современную натовскую военную машину на

линии соприкосновения с Россией протяжённостью в 1000 километров, приготовившись воевать с Россией до последнего украинца. 24–27 сентября в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях прошёл референдум о желани населения этих территорий войти в состав России. Подавляющее большинство населения этих территорий сказали «ДА» вхождению в состав РФ. Зарубежные наблюдатели не зафиксировали серьёзных нарушений. 30 сентября в Георгиевском зале Московского Кремля прошла открытая для всего мира трансляция торжественной церемонии подписания исторических документов–договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, Херсонской и Запорожской областями о вхождении их в состав России и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов.

Мобилизация – это молодёжь. Это лакмусовая бумажка, это главный «тест» сегодняшнего дня на «качество» современной молодёжи, выросшей, сформированной и воспитанной окружающим обществом, приоритетами которого являются в основном «свобода» и потребление. Это современная школа, где в образовательном процессе нет гражданской, государственной идеологии, почти отсутствует одинаково значимое с обучением воспитание; митинговая тусовка за право личной свободы, в которой отсутствует понятия обязанности и ответственности; кино, телевизор, соцсети, пропагандирующие, несущие в молодёжную среду идеи и поступки вне понятия Отечества, Родины. Всё это вместе нередко оказывается намного сильнее влияния семьи, в первую очередь отца.

Вспоминаю своё школьное детство. 50–60 годы прошлого века. Александр Матросов, Алексей Маресьев, молодогвардейцы, Павел Корчагин... Беспримерный личностный пласт гражданского духа и совести каждого ученика и жителя села Любавичи Смоленской области, прочно сцементированный книгами писателей того времени.

Александр Фадеев, «Молодая гвардия». Из неё в школе учили наизусть большой отрывок «Руки матери», который до сих пор живёт в

моей памяти. Моей любимой героиней была Любовь Шевцова. Я ещё ученица начальных классов, а моя сестра, старшеклассница, играла Любку Шевцову в спектакле, поставленном Г. М. Липкиной, учителем химии, со старшеклассниками. Я несказанно радовалась за сестру, в сердце благодарила Галину Моисеевну, что она открыла что-то общее в сестре и героине книги, что меня просто окрыляло. Ученик, игравший Олега Кошевого, ходил по школе героем! Прошло время, автора оговорили, роман из школьной программы исключили. Прошло ещё время, читаю в «ЛГ» № 39 за 2022 год: «Выжившие члены "Молодой гвардии" Василий Левашов, Анатолий Лопухов, Радий Юркин на открытии памятника Виктору Третьякевичу. 9 мая 1965 года». И тут же: «Этого пришлось ждать почти 80 лет. 22 сентября Президент России Владимир Путин присвоил звание Героя России члену штаба "Молодой гвардии" Виктору Третьякевичу за героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками». И почти робкий вывод Владимира Сухомлинова: «Может быть, роман "Молодая гвардия" вернётся в школу?» Если человек пера не уверен, чего ждать от остальных? Мне, кандидату педагогических наук, странно и непонятно, что происходит сегодня в педагогической науке, кто вершит учебно-воспитательную политику школы?

Далее Борис Полевой, «Повесть о настоящем человеке». В классе отдельные отрывки из книги читали как учителя, так и кое-кто из учеников. Каждый, кому доводилось прочесть, с сердечным трепетом ждал этого момента! Чувствовал себя счастливым! Однажды очень повезло: в Любавичи привезли фильм «Повесть о настоящем человеке». В селе ещё не было электричества. В клубе с помощью какого-то тарактевшего на улице движка показали частями фильм. До слёз разбередила детское сердце история подвига. Особенно медсестра, которую играла Тамара Макарова, у меня долго хранился её портрет, высокая, статная, с чутким, преданно любящим сердцем! Беру ручку, лист бумаги. Что со мной? БУДУ ПИСАТЬ! БУДУ ПИСАТЬ О ПОДВИГЕ! «В морозном лесу

тишина. Хрустнула ветка, как гром». Дальше в голове пустота, и только сердце колотилось, как тот движок!

Александр Матросов. Я пятиклассница. Из газеты «Пионерская правда» нам в классе зачитали рассказ о том, как Александр Матросов, закрыв своим телом амбразуру дзота, дал возможность воинам овладеть неприступной высотой. С этого момента слова «амбразура», «дзот» навечно пропечатались на моей *tabula rasa*. А эмоциональное воздействие услышанного вылилось в стихи:

*Твой подвиг известен народу,
народ восхваляет тебя,
Любимые наши герои,
что родит родная земля!
Зелёную¹ молодость отдал
за счастье советской страны,
Великие подвиги делал,
чтоб Родину нашу спасти!
За счастье не только один ты,
а вся советская молодёжь,
Которая жизнь не щадила,
а шла всё вперед и вперед.
Простые люди мира
будут ваш прах охранять,
Вечная слава героям,
нашим за Родину-мать!*

Пегас лишь коснулся тогда неведомой струны в моей душе и замолчал, набирая силы. Лишь с рождением третьего ребёнка стихами разразилась звонко.

Николай Островский, «Как закалялась сталь». 1955 год, 9-й класс, две параллели. В школьной библиотеке два экземпляра романа. В нашем классе через неделю открытый урок по этому роману. На класс дали один экземпляр с требованием всем прочесть книгу. В течение трёх дней мы, 15–17 человек, собирались в доме моей подруги и, попеременно меняясь, читали роман вслух. Война, холод, голод, разруха, ничего нет. А возведение Отечества – превыше

¹ Всю последнюю строку и метафору «зелёная молодость» узнала, вычитав их в «Пионерской правде». Они мне очень понравились!

всего! Павка Корчагин – в первых рядах, являя собой сплошной, без усталости трудовой энтузиазм! И мы, читая, напрягались, переживали. Степень напряжения доходила иногда до предела, требовалась эмоциональная разрядка. Потому взорвались хохотом, когда прочли: «...и пошёл, хлопая калошей». Т. е. на одной ноге ботинок, на другой – калоша. И чтение продолжалось. Никто не говорил нам: «Любите свою Родину». Вся жизнь была пропитана и звенела гражданственностью, понятием Родины, что незаметно, как воздух, входило в наши души и сердца, поднимая на трудовой героизм!

В 1989 году, во времена перестройки, нацеленной на отказ от всего советского, роман изъяли из школьной программы как идеологический манифест, славящий КПСС. В реальности же не только и не столько. Это эпическое полотно, написанное сердцем мужественного патриота, на котором сформировалась гражданственная зрелость целого поколения детей войны! Оно, это поколение, из руин и пепла войны подняло порушенную страну до масштабов великой державы! Своим романом Николай Островский дал грядущим поколениям образ героя-ПОБЕДИТЕЛЯ! А сегодня? Кто творит сегодня стратегию и тактику воспитания гражданина своей страны? Ведь у нас есть министерства образования, науки, культуры. Сформулировали они сегодня основы государственной образовательно-воспитательной политики? Нет! Ждут, когда президент сделает за них, сформулирует им одно из основных направлений их деятельности? Потому что они всё ещё не поняли, что без этих основ дальше нельзя. Учитель географии школы № 1811 г. Москвы Андрей Тимофеев понял: «Сегодня, когда на крутом повороте русской истории крикливая кучка "нет войне" с её молчаливой группой поддержки препятствует национальному сплочению, консолидации общества, вносит в нашу жизнь разлад, вызывает всеобщее возмущение».

Но лёд, кажется, трогается! Министерство просвещения ответило на запрос депутата Госдумы Ольги Казаковой о результатах обновлённых требований к освоению учебного предмета «Литература»: «А. А. Фадеев включён

в перечень писателей XX века для изучения на уровне среднего общего образования, а роман "Молодая гвардия" – в перечень обязательных для изучения произведений». Рубим хвост кошки по частям? Вот такое дозирование. В. Сухомлинов задаётся вопросом, и я вместе с ним: почему обойдены Н. Островский и Б. Полевой? А учебный предмет «История»? Когда в нём обретёт своё достойное место объективно изложенная и представленная в учебнике тема «Великая Отечественная война в жизни народов СССР»? Почему так преступно долго созревают депутаты ГД, чтобы своевременно делать запросы, в нашем случае – в Министерство просвещения? Минпрос же ведёт себя так, будто этот вопрос вне его компетенции.

10 октября, после месяца оборонительных действий, российская армия массированно ударила по военной инфраструктуре многих главных украинских городов. То был ответ Генерального штаба России на террористические акты Украины последнего времени: взрыв на Крымском мосту, обстрелы Запорожской атомной электростанции, взрыв на трубопроводе «Северный поток – 2», удары по школам, детским садам...

Московская молодёжь сегодняшнего дня в большинстве своём, как мне представляется, не имеет личностного фундамента гражданственности, не готова выполнять священный долг и обязанность защищать своё Отечество. Потому и «нет войне». В картине мира, что угнездилась в их головах, по афористичному замечанию публициста Татьяны Воеводиной, нет понятия Родины, для них это не поднятая целина. А тест на гражданственную зрелость в связи с ограниченной мобилизацией идёт.

Своими соображениями делится политик, общественный деятель, председатель правления Российского союза ветеранов Афганистана Франц Клинецвич: «Нам противостоят незнакомые с честью и совестью негодяи, которые ни перед чем не остановятся. Самое печальное, что этими негодьями стали наши русские люди, которые называют сегодня себя украинцами. А мы – один народ. Нас, русских, украинцев, белорусов, искусственно разделили, теперь надо воссоединиться ради исторической справедливости».

вости». Нас разделили в годы перестройки и разлома жизни народа своими чудовищными «ошибками» наши слабые правители и неумные политики. Отмена патриотизма, гражданская незрелость, психология потребления «вымели» из страны в связи с частичной мобилизацией часть граждан, укрепив тем самым наши тылы.

17 октября Москва закончила частичную мобилизацию. 18 октября президентом были подписаны указы о создании Координационного совета, о дополнительных полномочиях глав субъектов Федерации применять необходимые меры по повышению безопасности гражданских объектов и объектов жизнеобеспечения. Без введения мер, ограничивающих обычный ритм жизни. Объявлено о введении военного положения трёх категорий: первая – в четырёх новых субъектах Федерации и ближних к ним областях РФ. И далее по степени удалённости от них – вторая и третья категории.

А коллективный военный Запад, проводя в Брюсселе одну за другой встречи контактной группы по «обороне» Украины, заявляет, что поддержка им Украины будет продолжаться (хотя альянс не считает себя стороной конфликта), потому что поддержка, как пишет политический аналитик, исследователь Вероника Крашенинникова, «играет ключевую роль. Всё это слишком важно для него, потому что победа России над Украиной станет ни много ни мало поражением НАТО», чего, по мнению коллективного Запада, допустить никак нельзя.

В настоящее время идёт массивная военная подготовка 300 тыс. мобилизованных к предстоящему ратному труду и подвигу. Как сообщает собственный корреспондент «ЛГ» по Хабаровскому краю Виктор Марьясин, не ожидая повесток и не нуждаясь в объяснениях, что страна в опасности и требуется суровая работа мужского молодого населения, своевременно создано Приамурское ополчение. Мирные граждане – мобилизованные парни – за короткое время превратились в стрелков, гранатомётчиков, снайперов, сапёров, разведчиков, механиков-водителей, артиллеристов, освоивших уже сегодня различные воинские специальности. Ядро созданного полка составляют опытные, некоторые с боевым опытом офицеры. Виктор Марьясин делает вывод: «Совершенно ясно, те, кто сражается на Украине, защищают и наш Дальний Восток. Стронникам Бандеры отправка нынешних приамурских ополченцев не сулит ничего хорошего».

Депутат Госдумы Анатолий Вассерман говорит прямо: «Вопрос встал, повторяем, со всей исторической жёсткостью: "Быть или не быть войне?" Если сейчас гибнут десятки тысяч людей, то – не сделай мы этого шага – масштабы потерь станут просто гигантскими: буквально завтра погибнет полстраны, а остальная половина рухнет в нищету и рабство».

Трудно учиться на прошлых, умышленно запутанных и перепутанных «ошибках», но нужно идти, «дорогу осилит идущий»!

Рис. Илья Пожаров

Марина Струкова
ЛЕТУЧИЙ КОТИК
 рассказы о животных

СКАЗКИ СПАСАЮТ НАС

С творчеством Марины Струковой я знаком давно, и, по моему глубокому убеждению, она является одним из самых незаурядных поэтов и прозаиков нашего времени.

Недавно она выпустила две новые книги для семейного чтения: рассказы о животных «Летучий котик» и «Кот учёный и другие сказки».

В первой книге, содержащей в себе ряд коротких, остроумных, юмористических рассказов, местом действия является русская глубинка. Там, вдали от изысков городской цивилизации, в тереме, отапливаемом углём, живёт деревенская хозяйка с многочисленными домашними питомцами.

«За окном сияет месяц. В печке горит огонь. Но мороз за стенами дома крепчает, и тепла почти не прибавляется. Поэтому перед сном я укрываюсь двумя одеялами, а на ноги

кладу старую дублёнку. Пёс Джим свернулся большим чёрным клубком в кресле. На полу он мёрзнет. Гаснет лампа, минуту царит тишина. Даже слышно, как в подполе скребётся единственная уцелевшая мышь».

Но, как поётся в известном шлягере: «В двадцать два начинается кошмар». Сначала десять пар кошачьих глаз разом загораются, как фары, в темноте, а потом усатые-полосатые добытки сливаются в стаю и устремляются на кухню. Там они опрокидывают миски, роются в пустых кастрюлях, разрывают подвешенный на гвозде пакет с куриной печёнкой. А под конец, чтобы всё было как у людей, коты добираются до напитков покрепче.

И когда представляешь осоловевшие глаза пушистых терапевтов, нализавшихся валерьянки, ясно понимаешь, что кошки искренне

любят нас и для них не важно, какой у них хозяин – красивый или неприглядный, толстый или тонкий, умный или глупый, богатый или бедный – главное, чтобы он был не злой.

Обычно принято сравнивать произведения автора понравившейся книги с какими-нибудь классическими образцами. И я не раз и не два по ходу чтения отмечал для себя такие параллели. Так, например, в рассказе «Двадцать горящих глаз» меня ошеломило обилие живых, ярких и своеобразных по своему темпераменту и причудам котов и кошек. Эта многоликость и многоголосоица бесчинствующих на кухне в уютной тьме братьев наших меньших сразу напомнила мне атмосферу салона Анны Павловны Шерер.

И в дальнейшем повествовании мне встречались забавные аналогии с «русским Гомером». Все мы помним хрестоматийное: «Всё смешалось в доме Облонских». Жена узнала, муж не появлялся, дети в шоке, прислуга переругалась между собой и требовала расчёта. Но и в кошачьем обществе страсти кипят нешуточные.

«Вот у беленькой голубоглазой Зефирчика Волчок украл еду, и она с досады вцепилась обеими лапами ему в щёчки. Дружок вспрыгнул на стол и вместе с куском лёгкого чуть не оттяпал мне палец. Мурзик, старший кот, с урчанием грызёт что-то под кроватью. В это время Шеба, стоя позади всех, с надеждой глядит на меня и тихо тянет: "Мя-ау"».

Но так не бывает на свете, чтобы мир строился на вражде всех против всех. И вот сердобольный котик самоотверженно берёт на себя обязанности блюстителя порядка. Он всегда оказывается в нужное время в нужном месте, завывая, как полицейская сирена: «Ой-ё-ёй!»: «Ой-ё-ёй, больного Дружка обижаешь. Ой, сейчас проучу тебя!», «Ой-ё-ёй, мать родную не уважаешь! Ой, влетит тебе сейчас!»

А кошки-матери налаживают свой быт по уму не хуже Веры Павловны, и им не нужно объяснять, «что делать?».

«Теперь кошки лежали с двух сторон, а котята посередине. Они могли выбирать, чьё молоко пить. И если одна кошка уходила по

делам, вторая оставалась согреть детей».

Особенно удался трогательный образ кошкоматери.

«Она заглянула во все углы и за занавески. На улице обошла соседние палисадники, проверила дворы. Села посреди дороги и отчаянно замяукала. Пропал сын!»

Но материнская любовь не должна быть слепой. И когда незадачливый сын вернулся домой и радостно бросился к Кисандре Котовне, та внимательно осмотрела и обнюхала Мурзика, а потом вlepила ему пощёчину, что означало: «Где ты шлялся? От тебя пахнет чужим домом! Не смей больше исчезать и расстраивать меня!»

Мы тщетно ищем новые миры в космосе, пытаемся объять необъятное, но не хотим видеть и исследовать тысячи миров вокруг себя, до которых рукой подать. И только от «большого ума», скользнув поверхностным взглядом, жизнь в этих мирах мы пренебрежительно называем «мышьиной вознёй». А зря. Потому что великое в малом. И если ещё вооружиться театральным биноклем, то можно увидеть такое, что Шекспир бы локти кусал. Но сначала о «мышьиной возне».

Вот мы видим, как мышь-полуночица пытается сдвинуть с места сухарь, обливаясь потом, а тот не поддается ни в какую. Покумекав и проявив, дай Бог каждому, солдатскую смекалку, мышь обгрызла сухарь с разных сторон и затолкала огрызок в свою нору.

А вот ещё две мышки-норушки не разойдутся на узкой дорожке, сцепившись из-за пряника.

«Они тянули его в разные стороны, отпихивали друг друга. Плюша, она была толще, волокла пряник под печь, но её худенькая конкурентка тянула в другую сторону – оказывается, вторая мышь поселилась под охаткой поленьев в углу. Плюша победила, она втиснула пряник в свою нору».

А теперь ближе к Уильяму нашему Шекспиру. На участке под грудой распиленных вишнёвых стволов поселилась юная ежиха с красивыми мохнатыми ресницами. А поскольку на дворе стояла весна без конца и без краю, то и претендента на лапку и сердце ежихи долго

ждать не пришлось. Большой ёж с коричневыми иголками стал частым гостем у владелицы домика в дровах. Не пёс, а бес четвероногий по кличке Джим как мог выгонял чужака яростным лаем, но тот упорно шёл к своей заветной цели.

«Он пролезал под забором, скрипя иголками о шифер, и прямо направлялся к дровам, откуда выходила его избранница».

И вот ханжа посрамлён, а любовь восторжествовала.

«Примерно через месяц мне на каждом шагу стали попадаться ежата величиной с яблоко. Они ещё не ведали страха перед другими существами и засветло выбирались на дорожки. Когда я носила вёдра с водой для полива, то должна была смотреть под ноги, чтобы не наступить на кого-нибудь маленького и колючего».

Верным признаком того, что книга понравилась, является желание много цитировать её. Но я не буду здесь этим злоупотреблять, а всего лишь позволю себе порекомендовать «Летучего котика» как взрослым, так и юным читателям. Книга раскроет перед вами неповторимую красоту родной природы, а через описание характеров и повадок братьев наших меньших поможет найти ответы на многие, всегда актуальные вопросы. Так же как в зеркале мы видим отражение своего тела, так в рассказах о животных Марины Струковой отражена человеческая натура. Изучаем животных, познаём себя.

Вторую книгу Марины Струковой, «Кот учёный и другие сказки», можно отнести к познавательной и развивающей литературе, причём не только для детей, но и для взрослых.

Так, сказка «Кот учёный» начинается с того, что практичная женщина, возвращаясь с мужем и маленькой дочерью в город после завершения дачного сезона, останавливает машину и оставляет котёнка на трассе: «Кто-нибудь подберёт». На даче у них были мыши, а в городе их нет, стало быть, котёнок больше не нужен. А потом эта женщина оказывается в числе городских «туристов», чуть не устроивших экологическое бедствие в лесу. И опять по той же самой причине, в силу усвоенного «практичного» взгляда на вещи: зачем убирать за собой мусор и тушить костёр, если им здесь не жить.

Или вот беда, приключившаяся с бабой Ягой, которая втемяшивала внуку, чтобы он думал только о себе, потому что так легче и выгоднее жить. Но когда она заболела и ей потребовался уход, внук отказался помочь. И ему нисколько не совестно было ещё и требовать смартфон у больной старухи. Ведь она сама так его учила – думать только о себе и жить только для себя.

Дошкольный и начальный школьный возраст – именно тот важный период в становлении личности, который нельзя упускать из виду, иначе человек может «зачерстветь» на всю оставшуюся жизнь. И тут надёжным помощником может стать хорошая книга, формирующая верное представление о мораль-

Олег РОМЕНКО

Родился в Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Наши современники», «Нева», «Север», «Нижний Новгород», «Южная звезда», «День и ночь», «Ротонда», «Северо-Муйские огни», «Дрон», «Звонница» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времён» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии «Младость».

ных ценностях, очерчивающая границы добра и зла, помогающая понять себя и других людей.

Недавно мне встретилась на улице женщина с трёхлетней девочкой в коляске. Мать устала в телефон, а дочери сунула в руки игрушку Хаги Ваги – жуткого монстра с огромной искажённой пастью, усеянной острыми зубами, и сказала: «Не мешай мне. Поиграй с монстриком». И ничего не понимающий ребёнок прижал к своей шейке «монстрика» с кривым кроваво-красным ртом. Как бы это не аукнулось в будущем и не вырос бы из девочки «монстрик».

Именно этим нынешним реалиям созвучна следующая сказка Марины Струковой, «Морошка спасает болото». На болоте живут кикиморы, которым запрещено умываться и велено всегда ходить грязными. Старик Болотник всячески нахваливал трясину, но похвалы его были фальшивыми, и болото стало пересыхать. Под жалобные стенания одних: «Мы все умрём!» – и озлобленные выкрики других: «Пора валить!» – Морошка отправляется на поиски живительного ручейка, который может спасти её страдающую родину. И когда проточная вода возвращается, то оказывается, что на самом деле болото – это старое русло реки, а Морошка, её мама и сёстры – красавицы русалки.

Это сказка о том, как разного рода заморские и доморощенные пачкуны стараются замарать нас, как чернильные каракатицы. И что без чьей-то помощи мы во зле погрязли, они же нам внушают. Сказка учит, что мы должны в такой ситуации не сгорать от стыда за себя, а вернуться к нашим истокам, тому самому изначальному ручейку, умыться его чистой водой и обрести себя, стать «образом и подобием», а не обезьянами Господа Бога.

Но вернёмся ещё раз к первой сказке. Кот стал учёным, потому что прочёл много книг. Все прислушиваются к нему и уважают за то, что он щедро делится своими познаниями. Он спасает от неминуемой гибели несмышлёную белочку-попрошайку, обосновавшуюся возле летнего кафе, научив её самостоятельному добыванию корма в лесу. Он мирит двух яростно грызущихся за главенство псов, разъясняя им простую истину: каждый заслуживает уваже-

ния, если не ставит себя выше других. Научившись смирять свой нор, ты приобретёшь такого друга, с каким никакие враги не страшны. И, объединившись, Рыжик и Белячок изгоняют матёрого волка из своих владений. Но по-настоящему вокруг Кота учёного мир преобразуется, как в волшебной сказке, когда он «по шучьему велению» загадал желание не для себя, а во благо попавшей в беду шуки.

Кот учёный в сказке Марины Струковой не очень горел желанием учиться. Книжки сами бегали за ним, лезли на глаза и кричали в уши. А в реальной жизни читателю самому предстоит найти время и взять в руки эту замечательную книгу, чтобы вместе с Котом учёным и героями других чудесных сказок, о которых я не буду здесь спойлерить, погрузиться в волшебный мир Лукоморья и не только.

Захватывающая дух атмосферность повествования и яркая, живая, эмоционально окрашенная речь героев сказок помогают Марине Струковой создавать эффект кинематографической наглядности. Возникает ощущение, что ты не читаешь книгу, а смотришь «В гостях у сказки», как в добрые памятные времена, когда семейства собирались перед волшебным «голубым экраном» на привычном каждому месте. И «Летучий котик» и «Кот учёный и другие сказки» Марины Струковой именно об этих вечных традиционных ценностях, которые, несмотря ни на что, идут и будут идти с нами рука об руку из года в год, из века в век.

ПОБЕДА И РАЗРУШЕННЫЙ ХРАМ: ПРОРЫВ ИЗ АДА В РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ПЕЛЕВИНА «ПОКРОВ-17»

Нина ИЩЕНКО

Религиозные идеи в современных обществах XXI века играют всё более заметную роль. В русской культуре традиционно важное место занимает православие, но его место в культурном пространстве меняется. Изменение языка, в том числе языка искусства, с течением времени приводит к тому, что существующие культурные формы, выражающие религиозные идеи (проповеди, гимны, иконопись и так далее), становятся непонятны людям другого времени, воспитания и мировоззрения, не оказывают эстетического воздействия, не вызывают сильных эмоций и не закрепляются в индивидуальной культурной памяти. Для сохранения религиозных идей

они должны воссоздаваться новым языком, в новых формах, понятных представителям конкретных субкультур. С этой точки зрения интересно исследовать роман Александра Пелевина «Покров-17», выражающий несколько важных христианских религиозных идей в жанре научной фантастики и рассчитанный на восприятие современного секулярного читателя научно-фантастической литературы.

Роман «Покров-17» вышел в 2020 году и принёс Александру Пелевину победу в литературной премии «Национальный бестселлер». В ноябре 2020 года роман вошёл в список «Выбор шеф-редактора» на сайте ГодЛитературы РФ. Литературными достоинствами романа обусловлен интерес к его идейному содержанию. Для исследования сюжетного и образного ряда

романа используем концепцию хронотопа Михаила Бахтина.

СИСТЕМА ХРОНОТОПОВ РОМАНА

Система хронотопов романа «Покров-17» сложна и проявляется для читателя постепенно. В романе описаны четыре временных среза и три локации, в которых происходит драматическое действие. Хронологические привязки следующие: 1941 год, 1993-й, 2002-й и 2019 год. В трёх из четырёх точек хронологической оси действие происходит на одной и той же территории в Калужской области, которая стала Покровом-17 в 1981 году. Помимо Покрова-17 в романе описывается Москва 1993 года, где параллельно событиям в Калужской области разворачиваются события штурма Белого дома и захвата власти Борисом Ельциным. Военные события в посёлке Недельное в 1941 году описаны писателем Тихоновым, главным героем хронологической точки 1993 года, в романе «На Калужский большак». Четвёртая точка, наши дни, 2019 год, локализована в Санкт-Петербурге, откуда также родом герой военной книги Тихонова Василий Селиванов. Таким образом, обрамляющей локацией является Санкт-Петербург, основное действие разворачивается в Недельном / Покрове-17, а параллельно к основному действию выступают события в Москве.

Вход читателя в пространство и время романа начинается в 1993 году в Покрове-17. Покров-17 с момента своего появления в 1981 году охватывает город Недельное и три деревни – Светлое, Железное и Колодец, в которых локализованы аномальные явления. Самым важным из них является Чёрный Покров, то есть аномальное поглощение светового потока, в ходе которого на несколько минут или часов всю территорию накрывает абсолютная темнота, любой свет поглощается, зрение к темноте не адаптируется, и психологически человек, попавший в АПСП, ощущает полное исчезновение мира вокруг него. Аномальные явления локализованы только на территории Покрова-17 и не распространяются вовне. Территория оцеплена. Разрушение социальности затронуло и НИИ

аномальных световых явлений, выполняющий административные функции в Покрове-17. НИИ и подвластные ему деревни отлично снабжаются продуктами, поток которых не прерывается, несмотря на разруху России девяностых, и этот момент неоднократно подчёркивается в романе. Покинуть Покров-17 невозможно не только из-за оцепления, но также из-за внутреннего устройства этой локации: само место никого не отпускает, из него невозможно выйти.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ – ПОСТХРИСТИАНСКИЙ АД

Невозможность покинуть место и возможность только попасть туда извне, а также деградация материальных форм и присутствие разного рода демонических существ являются характерными признаками мира мёртвых в архаичных культурах. По этим признакам перед нами пространство смерти, территория умерших, где люди доживают в разрухе и бессмысленности, ничего нового не возникает, аномальные явления обычны, но не являются чудесами, а поток товаров и людей идёт из мира живых в мир мёртвых.

В языческих культурах мир мёртвых структурирован, в частности, социальный статус покойника сохраняется и после смерти. На территории Покрова-17 некоторые социальные связи сохраняются по инерции, социальные институты (НИИ, милиция) держатся только на энтузиазме отдельных лидеров при всё нарастающем равнодушии большинства жителей. Даже та осмысленность мира мёртвых, которая отмечается в архаичных культурах, в Покрове-17 разрушена.

В романном пространстве осью, проходящей через все временные точки, является храм Покрова Пресвятой Богородицы. В локации 1993 года и в важнейшем в сюжетном смысле бою за посёлок Недельное в 1941 году храм стоит разрушенный, служения в нём нет, он давно заброшен. Разрушенный храм означает разрушение связи с Богом, отключение канала коммуникации с трансцендентным. Отсутствие в мире Покрова-17 этой связи выражается в характеристиках самого пространства.

Христианский ад, как он показан в поэме Данте «Божественная комедия», входит в единую систему мироздания, включающую также и рай, наполненный Божественным присутствием. Поэтому ад структурирован, систематизирован, его пространство подчинено принципу греха и наказания, то есть имеет какой-то смысл, направляющий происходящее. Ничего подобного нет в Покрове-17.

Разрушение храма, оторванность от источника всякого смысла превращает Покров-17 в постхристианский ад, лишённый смысла и цели, не встроенный в систему мироздания и просто отключённый от жизни. Однако само существование храма, пусть и полуразрушенного, даёт возможность вновь подключить это пространство к системе смыслов, что и происходит в финале романа. В 2002 и в 2019 годах храм отстроен и действует. Он сохраняет память обезбоженного бытия в предыдущих точках временной оси, однако коммуникация с Богом уже налажена, и смысл вернулся как в Покров-17, так и в судьбы героев.

ТРИКСТЕР – ПРОВОДНИК ПО АДУ

Восприятие Покрова-17 как ада и посмертия выражено явно такими важными персонажами романа, как Капитан и Старик.

Капитан в системе образов романа выполняет функции трикстера, плута, вора, шута, меняющего личины и пересекающего границы. Самым известным трикстером является Гермес Психопомп, Водитель Душ, вор и обманщик, проводящий души из мира живых в мир мёртвых.

Как и Гермес-Психопомп античной мифологии, Капитан является проводником писателя Тихонова в новом для того мире Покрова-17. Кроме того, Капитан не тот, за кого себя выдаёт, легко пересекает границы между общностями, выживающими в Покрове-17, меняет маски, находит выход из любой ситуации и уверенно ведёт к цели того, кому он покровительствует. Обозначая свою роль при первой встрече, Капитан сразу называет себя Вергилием: «Верьте мне и держитесь рядом, – сказал Капитан. – Я ваш Вергилий в этом аду». Тем самым Капитан

отсылает своего слушателя и читателя к поэме Данте «Божественная комедия», где Вергилий ведёт автора, Данте, по аду. Этот образ характеризует не только Капитана, но и писателя Тихонова, что очень важно в Покрове-17.

ПОДРАЖАТЕЛЬ ХРИСТУ В АДУ

О Покрове-17 как об аде говорит также Старик. Старик – руководитель группы «Прорыв», планирующей выход из Покрова-17, вооружённый прорыв сквозь блокпосты. На местной радиоволне Старик каждый день выходит в эфир, призывая людей присоединиться к «Прорыву» и идти на прорыв. В романе приводятся слова Старика: «Я тут подумал, – сказал вдруг Старик, глядя в пол. – А вдруг Покров-17 – посмертие целой страны? Ад, в который попала наша эпоха. И мы в этом аду. И мы сами ад».

В словах Старика Покров-17 описывается как ад, причём его локализация не ограничивается Покровом-17, а выходит за границы территории. Эта реплика Старика соединяет идущие фоном новости из Москвы периода борьбы Ельцина с Верховным Советом и происходящее в основной локации романа. Кровавая борьба в столице символизирует хаос и безвременье во всей России. Покров-17, в свою очередь, связывается с беспорядками в Москве и, таким образом, выступает символом разрухи, аномии и ужаса девяностых в России. Наступившее в девяностые лихолетье оказывается адом на земле.

Итак, Старик хочет вырваться из ада и вывести оттуда людей. В этом планируемом действии он собирается повторить одно из деяний Христа – вывод мёртвых из ада, важнейший элемент одной из страстей Христовых, «сошествия во ад». Сошествие во ад происходит после смерти Христа и перед Его воскресением, оно завершается тем, что Христос выводит из ада мёртвых, там заключённых, и в целом сошествие во ад считается прообразом всеобщего воскресения мёртвых после Страшного Суда.

Постоянные радиозаписи Старика, обращённые ко всем жителям Покрова-17 и призывающие к спасению, по сути, представляют

собой проповеди, с которыми Христос и его ученики обращались и до сих пор обращаются к миру, желая спасти людей от смерти.

Таким образом, Старик оказывается в романе подражателем Христа. Он подражает Христу в Его любви к людям, поскольку зовёт с собой всех, кто его слышит, и подражает Христу в своих попытках победить смерть и выйти из ада. Однако выполнить миссию Христа Старику не удаётся, поскольку это дело, превышающее возможности человека.

ТВОРЕЦ МИРА И ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

Победить смерть человеческими силами невозможно. Хотя различные мифологии полны историями о разных героях, которые смогли выйти из Аида, как Геракл и Орфей у греков, разрушить само место смерти и уничтожить смерть до Христа не пытался никто. Для совершения такого подвига нужна сила Бога. Вот как описывает эту ситуацию православный богослов Владимир Лосский:

«Сын воплощается для того, чтобы восстановить возможность соединения человека с Богом, соединения, не только расторгнутого злом, но без участия самого человека и не восстановимого. Первое препятствие к этому соединению – разлучение двух природ, человеческой и Божественной, – устранено самим фактом воплощения. Остаются два других препятствия, связанных с падшим состоянием человека: грех и смерть. Дело Христа – их победить, изгнать из земного космоса их неизбежность: не безоговорочно их уничтожить – это было бы насилием над породившей их свободой, – но подчинением Самого Бога смерти и аду обезвредить смерть и создать возможность врачевания греха. Так смерть Христова устраняет преграду, воздвигнутую грехом между человеком и Богом, а Его воскресение вырывает у смерти ее "жалю". Бог нисходит в меонические бездны, разверстые в творении грехом Адама, чтобы человек смог восходить к Божеству».

Итак, выход из ада равносителен победе над смертью и грехом. Кроме того, это должен сде-

лать один из Троицы, сотворившей мир. Эти мотивы присутствуют и в романе Пелевина, хотя и в редуцированном виде.

Победа над грехом для персонажей не является целью, она не упоминается в книге. Есть общее ощущение, что и в Покрове-17, и в Москве, где Ельцин рвётся к власти, что-то идёт не так, но оно не конкретизируется. Для персонажей романа выход из Покрова-17 обусловлен победой над Болью, Страхом и Смертью. Это взаимосвязанные явления, скрепляющие Покров-17 в его нынешнем ужасающем состоянии.

Боль в книге вынесена во внешнее по отношению к человеку пространство, в Покрове-17 Боль движется в виде живого существа, с которым герои справляются все вместе чисто физическими средствами. Победа над Страхом отдана Старику, который ничего не боится. Победу над Смертью должен обеспечить главный герой, рассказчик истории, писатель Тихонов. В романе показано, что он смог это сделать, потому что является творцом и создателем Покрова-17. Таким образом, в сюжете романа сохранены два важных элемента религиозной идеи воскресения: выход из ада означает победу над смертью, а победить смерть может только тот, кто создал мир.

В момент встречи с творцом Покрова-17 действия персонажей обретают смысл и завершенность, а аномалии получают своё объяснение: это проявление на материальном уровне таких экзистенциалов человеческого бытия, как боль, страх и смерть. Победа над Болью, Страхом и Смертью уничтожает Покров-17, разрушает ад и воссоединяет разорванное время.

ВЫХОД ИЗ АДА В ПОКРОВЕ-17 И В РОССИИ

Как уже было показано, Покров-17 через связь с беспорядками в Москве символизирует всю Россию. Надо заметить, что на художественном уровне эта символическая связь скорее задекларирована, чем явно выражена. Никаких связей Ельцина с Покровом-17 в романе нет, разруха девяностых в России также ни логически, ни сюжетно не связана

с происходящим в аду романа. Единственная связь – это московские новости по телевизору, которые идут фоном во время пути писателя Тихонова по локации Покров-17.

Таким же образом, через простое помещение в единое пространство текста, а не логическую и сюжетную обоснованность показана и роль христианства в судьбе России. Храм, разрушенный в советский период, остаётся разрушенным и в 1993 году, делая возможными все те ужасы, с которыми герои сталкиваются в Покрове-17. Мы видим, что храм восстановлен в 2002 и 2019 годах, когда и в России, и в судьбах героев произошли позитивные перемены. Только сам этот факт указывает на роль Христа и христианства в русской истории XX века.

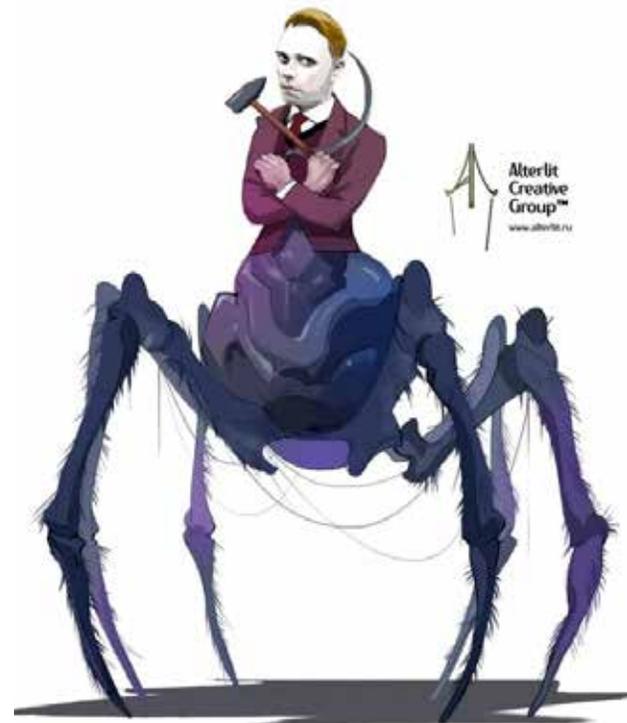
Последний хронотоп, Санкт-Петербург 2019 года, связывает все три предыдущих хронотопа романа. Восстановленный храм в Недельном символизирует прекращение и искупление бедствия, приведшего к разрушению храма накануне 1941 года. В книге показано, что одного военного подвига в 1941 году недостаточно для нормализации жизни в стране. Эта идея не выражается в драматическом действии, а становится ясна после анализа пространства и времени романа, сложной структуры его хронотопов. Нужно заметить, что для современной фантастической литературы это нетривиальная идея. Идея о роли Церкви и Христа в нормализации земной жизни реализована в романе с помощью приёмов литературы постмодерна, что делает её доступной широкому кругу читателей научно-фантастической литературы.

ПОБЕДА И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ

Итак, структурный анализ пространств, описанных в романе, а также анализ времени в системе хронотопов произведения позволил сделать вывод, что Покров-17 обладает всеми характеристиками постхристианского ада, выдернутого из системы мироздания, деградирующего в бессмысленном и обезбоженном бытии. В то же время в книге выход из ада обеспечивается действиями самих персонажей, среди которых важны три героя, пересекающих

границы пространства и времени, – писатель Тихонов, трикстер Капитан и подражатель Христу Старик. Для них выход из ада – это следствие победы над болью, страхом и смертью. Герои не борются с грехом внутри себя, а сражаются с внешними воплощениями душевных состояний. Восстановление смысла, победа над смертью и выход из ада коррелируют с восстановлением храма в посёлке Недельное, который был разрушен ещё до Великой Отечественной войны.

Нужно подчеркнуть, что идея о победе над смертью с помощью творца этого мира центральная в христианской догматике. Выражение этой редкой в современном культурном пространстве идеи художественными средствами научно-фантастической литературы является безусловным успехом автора и небольшим шагом на пути к христианизации интеллектуальной жизни России.

НИНА СТРУЧКОВА:

*«Живи, люби,
молись, трудись!»*

В России живёт немало людей талантливых, ярких, неординарных. К сожалению, далеко не все из них выступают на ТВ, поэтому в лицо мы их знаем не всегда. Среди них – известная поэтесса, член Союза писателей России Нина Николаевна Стручкова. Жительница Лобни, автор нескольких книг стихов и прозы, лауреат престижных литературных премий. На её стихи написано немало лирических песен. С Ниной Николаевной мы знакомы ещё с доперестроечных 80-х.

Год назад Совет по поэзии Союза писателей России подводил итоги Всероссийского конкурса «Лучшая поэтическая книга 2020 года». Определить победителя было непросто, ведь в конкурсе приняли участие более семидесяти самобытных авторов со всей матушки-России. Лауреатом же взыскательное жюри выбрало жительницу Подмосковья Нину Стручкову, представившую книгу «Весна в России». И в этом, я считаю, есть определённая человеческая справедливость. Почитайте эту книгу – и вы всё поймёте.

Минувший год стал для всех нас настоящим испытанием. Наша землячка написала стихи, определившие название и настрой новой книги.

*Солнечным, добрым весенним днём
Трасса затянута синим дымком.*

*Листьев и трав прошлогодних намёк –
Сладостный, тёплый апрельский дымок.*

*Вдоль огородов, садов и домов
Сотни и тысячи светлых дымов.*

*Нет в них тревоги, опасности нет –
Это одна из весенних примет.*

*Мирно шумят вдоль дорог тополя,
Мирно дымится родная земля.*

*В мире воюющем после зимы
Пусть остаются лишь эти дымы!*

В непростой судьбе бывшей деревенской девушки переплелись, перемешались, как и у многих из нас, стихи и проза, шипы и розы...

Нина Николаевна – из послевоенного поколения. Родилась 10 мая 1955 года в деревне Погореловка Тамбовской области. Росла там с младшей сестрой Таней без отца. Так уж случилось, что их мать, крестьянка Анна Николаевна, одна вырастила детей и выпустила в большую жизнь. Во многих сложных жизненных ситуациях дочери проявили себя достойными людьми.

Приехав в поисках работы и личного счастья с Тамбовщины в Подмосковье, девушка трудилась сначала на ткацкой фабрике Ореховского хлопчатобумажного комбината. В свободное время посещала репетиции у главного режиссёра прославленного Орехово-Зуевского народного драматического театра-спутника МХАТ им. Горького Геннадия Каретникова. Заглядывала и на заседания старейшего в области литературного объединения «Основа», которое долгие годы вёл (и сейчас им руково-

Нина Стручкова

Нина Стручкова с супругом
в родной деревне

дит!) писатель-земляк Владислав Бахревский, отметивший в минувшем году своё 85-летие.

В разные годы Нине довелось попробовать разные профессии: поработать продавцом в магазине, потом – в типографии, издательстве, сельском клубе, на турбазе «Клязьма», в кино-театре «Родина»...

*Как раскачали мы планету!
Теперь нигде спасенья нету.
Весь мир клубится и кипит –
Нарушен сон, порушен быт.*

*Иной подводит дебет-кредит,
Бездомный в нашу глушь не едет,
Хоть провоцирует экран
На перемену мест и стран.*

*Нос воротя от нашей пицци,
Голодный лучшей пицци ищет.
Проходит день, проходит ночь...
Кому помочь и как помочь?*

*Мы не пойдём протестным строем.
Мы на земле растим и строим,
И в помощь нам простой девиз:
«Живи, люби, молись, трудись!»*

В 1980-е Стручкова окончила в столице Литературный институт имени А. М. Горького. Считаю, что и тут ей повезло: поэтический семинар вёл легендарный поэт, бывший узник сталинского ГУЛАГа Анатолий Владимирович Жигулин –

праправнук декабриста Владимира Раевского, дружившего с Александром Пушкиным.

В 1947–1949 годах Жигулин с одноклассниками организовали «Коммунистическую партию молодёжи» – подпольную организацию, целью которой стала борьба за возврат советского государства к «ленинским принципам». Об этом подробно рассказано в автобиографической повести А. Жигулина «Чёрные камни». После возвращения с колымской каторги молодого литератора поддержал Александр Твардовский.

Конечно, общение с таким неординарным человеком не могло не отразиться на творчестве и гражданской позиции начинающего автора. Критики отмечали, что «у стихов Нины Стручковой, лишённых манерности, жеманства и довольно распространённых сейчас в "женской" поэзии всякого рода межгалактических туманностей, есть то лёгкое дыхание, которым так гордилась Оля Мещерская из рассказа Ивана Бунина. И ещё есть совесть, постоянная готовность лирической героини извиниться за краткое счастье, за свой негромкий голос, который звучит, однако, чисто, внятно и проникновенно...»

Творческое вдохновение Нина черпала из обычных будней, общаясь с разными людьми, работая в типографии и издательстве «Молодая гвардия», в журналах «Очаг» и «Сельская новь». А с творческими командировками редакций названных журналов она побывала во многих районах российской глубинки, где много интересного и ценного подметила для своих будущих очерков, рассказов, стихов и книг.

Среди друзей и знакомых Нины Стручковой – известные писатели, поэты, артисты, дипломаты из дружественных стран. Почему так? Да, видимо, это всё связано с коммуникабельностью, душевной щедростью и добротой женщины из «глубинки».

Она была знакома в своё время и с Евгением Евтушенко, дружна с большим русским поэтом Николаем Дмитриевым (тоже любившим посещать друзей в Орехово-Зуеве), с ушедшим недавно Василием Казанцевым, которого ценил сам Александр Твардовский.

Работая в столичных журналах, Нина Николаевна всячески старалась помочь напечататься своим талантливым землякам-ореховозуевцам – и ей это удавалось. В лихие 1990-е и в начале 2000-х поэтесса особенно активно участвовала в литературной жизни близкого ей по духу Орехово-Зуева. И личный творческий вклад Нины Стручковой (как и её супруга поэта Виктора Петрова) проявился в том, что недавно на пленуме Союза писателей России Орехово-Зуево единодушно признано «Литературным городом России». Видели бы вы, как радовались этому событию оба супруга!

*Нет, мы не пострадали от войны.
Мы родились спустя десятилетье.
Но, без отцов воспитанные дети,
Не ищем в том родительской вины.*

*А вот солдат, упавший вниз лицом, –
Он мог в живых, наверное, остаться,
И матери моей в мужа достаться,
И был бы замечательным отцом.*

*Душевным ранам долго не зажить,
Болезнь неутрахающей болью.
Неразделённой, горькою любовью
Вскормлённые, мы долго будем жить!*

*Мы, может быть, и были рождены
Из ненависти к тем, кто убивает.
Война – такое зло, что не бывает
Совсем не пострадавших от войны.*

Восемь лет назад Комиссия по присуждению престижной литературной премии «Имперская культура» Союза писателей России, журнала «Новая книга России» и Фонда святителя Иоанна Златоуста подвела итоги на соискание премии от 93 издательств, представивших 837 книг от творческих и общественных организаций. По результатам работы объявлены имена лауреатов.

В номинации «Душеполезное чтение» лауреатом премии стала наша землячка, бывший участник литобъединения «Основа», почётный член Орехово-Зуевского регионального краеведческого объединения «Радуница» Нина Стручкова – за сборник очерков, рассказов и стихов «Хроника Погореловки». Уникальная книга, уже дважды издававшаяся, повествует о судьбах простых тружеников – жителей деревни Погореловка, что на Тамбовщине – малой родине автора. Перед читателем предстаёт жизнь (на протяжении века) маленькой деревни, каких тысячи по России. Есть надежда, что эта книга, полная жизни, событий, впечатлений, красок и голосов, даст деревне шанс сохраниться в памяти её потомков и продолжить замечательные традиции. Считаю, что Погореловке и Тамбовщине повезло: у них появился свой замечательный летописец, краевед и заступник в лице Нины Стручковой. Плюс, конечно, подспорье поэтессы – супруг Виктор. Их творческий дуэт давно восхищает местных жителей.

ДИАЛОГ

– Деревню надобно спасать,
Ей тяжко так, что сердцу больно.
– Но как спасать её? Писать?
О ней написано довольноно.

– Иного здесь решенья нет,
Взывать к спасенью каждой строчкой...
– А хочешь знать один секрет?
В ней надо просто жить! И точка.

Нина Николаевна Стручкова не одно десятилетие живёт в подмосковном городе Лобня вместе с мужем – известным писателем, поэтом, литературоведом, драматургом, кандидатом исторических наук Виктором Михайловичем Петровым, активно публикуется в центральных изданиях, продолжает поддерживать тесные творческие контакты с земляками из Тамбовской области и Орехово-Зуева.

Крестьянскому труду на Тамбовщине писатели-пенсионеры вот уже десять лет посвящают большую часть своей жизни – с марта и до белых мух. А в конце 2020 года супруги приняли решение остаться зимовать в деревне. И сейчас они живут там. И не торопятся окунуться в городскую жизнь. А в целительную и живописную тамбовскую глубинку в начале февраля 2021-го пришла радостная весть о том, что Нина Стручкова стала лауреатом всероссийского конкурса.

Обласкала с лихвою столица,
А покоя по-прежнему нет.
Здесь «друзей» незнакомые лица
Предлагает в сетях интернет.

Но, друзья, вы меня не корите,
Что однажды уеду туда,
Где ещё говорят на санскрите,
Где в колодцах – живая вода.

Там земля оделяет любовью
И народ на радушье богат,
Там такие пласты родословья
Под кладбищенским дёрном лежат!

Помня горечь и счастье былого,
Светит вечности юной звезда.
Это родина – сладкое слово –
Навсегда!

У англичан, как известно, есть поговорка: «Мой дом – моя крепость». А у русских людей, наподобие супругов Нины Стручковой и Виктора Петрова, дом – это место, где всегда распахнуты двери для друзей, где бы ни находился их дом – в Лобне ли, в Погореловке, в Орехово-Зуеве. Бывало, что и просто незнакомые путники в трудный час захаживали в этот гостеприимный дом. И были согреты и накормлены.

По сей день их скромное, но весьма уютное жилище притягивает добрых людей со всей России – поэтов, писателей, учёных, искусствоведов, историков, краеведов, библиотекарей, участников литстудий, студентов, школьников...

Давнее стихотворение Нины Стручковой «Друзьям», не случайно включённое в книгу «Весна в России», как нельзя более точно характеризует дружескую атмосферу общения у творческой пары.

О, как драгоценно ореховских вёсен веселье!
Он длится, наш вечер, которые сутки подряд.
Пьяны мы стихами – у нас не бывает похмелья!
И больше нигде так не пишут и не говорят.

В традиции нашей – застольное чтение по кругу.
Всё так искромётно, и ярко, и жарко, и вдруг!
Когда, устремлён к небесам (но читайте:
друг к другу).

Не уже, а туже и крепче наш певческий круг.

В любви не клянёмся, но день посвящаем
друг другу.

Он прожит уже, но, конечно, ещё не изжит...
Вот стрелки часов – по извечному
движутся кругу,

Но это не значит, что время вперёд не бежит.

Евгений ГОЛОДНОВ,
член Союза журналистов России

*Дорожите своим прошлым!
Помните: мы оттуда!*

ПОЛОВИЧОК

В последнее время в социальных сетях я часто вижу фотографии красивых, в полоску половичков, которые ткали в деревнях. Наверное, люди с тоскующей любовью вспоминают об ушедшей в прошлое неповторимой красоте самобытного искусства и культуры. Эта домотканая радужная полоска вызывает чувство ностальгии о прошлой жизни и хранит в себе огромный пласт исторической семейной памяти.

В моём доме на полу уже много лет лежит небольшой половичок. И всякий раз, когда наступаешь на него, то как будто от этого включается кнопка памяти, и встают перед глазами лица родных, родной дом, наш семейный быт и ещё много-много чего из той далёкой безвозвратной жизни и детства. Но в первую очередь сразу же предстаёт картина создания этого, без преувеличения будет сказано, уникального шедевра культурного наследия русской деревни.

КАК ЭТО БЫЛО

Подходят к концу осенние хлопоты: завершена уборка урожая, убраны в погреба картошка, соленья, сложено в стога сено, заготовлены дрова. Утеплены двойными рамами окна в домах. С наступлением холодов затапливают печи. Тепло от печки, отбеленные выбитые шторы на окнах, разноцветные в полоску половички на полу создают уют и покой на душе, когда за окном уже властвует зима. В это время крестьянин свободен

от полевых, луговых и огородных работ. Наступают продолжительные зимние вечера. Но не будет русский крестьянин всё время лежать на печи. В эти вечера много работы, которую можно делать в доме. Мужчины ремонтировали обувь, подшивали валенки, налаживали хозяйственный инструмент. Женщины собирались у кого-то в доме и занимались вышиванием, вязали кружева, шили одежду, стегали одеяла, пряли шерсть, вязали носки, варежки и ткали половики. В эти вечера можно было услышать много разных песен, рассказов из их жизни. И ведь, как я теперь вспоминаю, пели-то они не просто, а их пение было разноголосое. «Во ку... во кузнице, во ку... во кузнице, во кузнице молодые кузнецы...» В словах тех песен был глубокий смысл, отображающий исторические факты из жизни наших предков. Теперь этот наш местный фольклор навсегда утрачен.

В эти же вечера и обсуждался вопрос, кому нужно было ткать половики. У кого-то половики были ещё не так давно сотканы, а у кого-то уже поизносились. Договаривались, в чьём доме будут устанавливать ткацкий станок. Ткать определялись на два, а то и на три двора.

Настало время заготовки материала на половики. Женщины, которые собирались ткать, обращались: «Бабы, посмотритя по своим углам, у кого там валяются ненужные тряпки, а то уж надо рвать чечки (чечки – это полоски, на которые рвали ненужные, уже поношенные предметы одежды). Знакомые, соседи, родственники приносили

старые вещи, которые теперь назывались тряпками. Долгими осенними вечерами также собирались женщины в одном доме, в котором намечалось ткать, рвали или резали ножницами на узкие полоски тряпки и сматывали их в клубки. Если тряпки были цветными, то сразу же и превращали их в клубки, а если тряпки были однотонные или некрасивые по цвету, то их необходимо было красить. Тогда в больших чугунах кипятили воду, сыпали в неё красящий порошок нужного цвета, закладывали тряпки и долго кипятили. Затем просушивали и резали на полоски, сматывая их в клубки. Когда это происходило в нашем доме, то и нам, детям, доставалось поучаствовать в этом. Мама нарезала целый ворох этих разноцветных тряпичных полосок, а мы сматывали их в клубки. Таких клубков набиралось очень много, целые корзины стояли, наполненные ими.

Вот наконец закончена заготовка материала (клубков). Мама в магазине покупала много-много ниток № 10 в катушках.

– Бабы, надыть становить стан и сновать. Приходитя завтра, кто смогёт.

Сновать – это значит собирать станок и натягивать нити – основу. Делать основу не каждый мог, в этом деле нужен знающий человек. И такая женщина приходила на помощь. На эту кропотливую работу уходил целый день. После этого освобождалось множество деревянных катушек от ниток. Для нас, детей, эти катушки были невероятным подарком для игры. Из них можно было делать бусы или колёсики для самодельных машинок.

Ткацкий станок на всю округу был всего один, и принадлежал он Фунтятовым. Каждый двор в селе назывался не по фамилии, а по двору. Наша фамилия Чербаевы, а в селе назывались Федоскины (моего деда звали Федос), а Фунтятовы по фамилии были Обидины. За время моего детства я помню, как ткацкий станок устанавливали в нашем доме. Станок в разобранном виде по деталям переносили от Фунтятовых. Нам, ребятишкам, тоже приходилось переносить детали, которые полегче.

Станок имел внушительные размеры и занимал значительную часть в доме. Все детали станка изготовлены были из дерева. Некоторые его детали держались на верёвках, концы которых

цеплялись за гвозди, вбитые в потолок. Посередине станка натягивались нити во множество рядов, как струны на арфе, и проходили они через бёрдо, похожее на частый деревянный гребешок. Ткали целыми днями и те, кому нужны были половики, и другие женщины приходили помогать. Интересно было наблюдать, как ложились между нитями полоски, из разных клубочков превращаясь в красивое полотно. Полотно наматывалось на деревянный барабан. В те моменты, когда станок был свободен, мы, дети, садились за него и тоже ткали. Нажмёшь на левую педаль – нити раздвигаются, вложишь между ними полоску и прижимаешь бёрдом (гребнем), затем нажмёшь на правую педаль, и зажимается эта полоска нитями крепко-накрепко. Только меняй разные полоски, и перед глазами появляется красивое полосатое полотно. Времени на изготовление половиков уходило много. Когда работа заканчивалась, полотно разрезалось на половики нужной длины. Станок разбирали, относили хозяевам, и после этого в доме становилось необычно просторно. На этом изготовление половиков заканчивалось.

Готовые половики хранили до Пасхи. С наступлением Пасхи в доме наводили порядок: выставляли двойные рамы из окон, мыли потолки и окна, белили стены, по необходимости красили пол, на окна вешали свежие занавески и стелили на пол новенькие, необыкновенной красоты половики.

Шло время. Менялись вкусы и нравы. На смелую экологически чистым половичкам пришли искусственные ковры и паласы, склеенные вредным для здоровья клеем. Следуя вредным влияниям моды, люди «набросились» на ковры и паласы, выбросив половички в лучшем случае на порог, а то и на свалку. Так прекратило своё существование исконно русское ремесло по изготовлению половичков. Да и людей теперь тех нет, которые могли бы это делать. И станки вряд ли уцелели.

Сейчас, понимая ценность старинных половичков, многие бы хотели приобрести их. Но где же их взять?!

Лежит в моём доме такой коротенький половичок, и хранит он в себе память о семье и огромный пласт деревенского быта и богатой культуры нашего народа.

Николай ЧЕРБАЕВ,
Сосновка

Дарья СВЕТИЧНАЯ

СТАРАЯ ГРУША

Старая груша во мху,
Выпростав ветки, стоит.
Листьями машет дождю.
С каплями неба дрожит.
Щёлкнув, срывается плод
Жёлтым пятном на финал.
Дождь гаммою нот
В дымке рассвета мечтал.
Локти хрупких ветвей.
Хрустальные капли стекают.
Рассвет всё сильней.
Плоды грусти не знают.
В мире всё повторилось.
Груша в спирали времени.
Жизни торжество явилось.
Вздригнуло старое дерево.
Ветки, как сгустки надежды,
Пульсируют под сводами сада.
Груши старой одежда.
Былых минут услада.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег ложится, землю согревая.
Белый шёлк струится, веку доверяя.
Опускаясь тихо в сквере и у дома,
Лебедем кружится он с листом знакомым.
Белые снега – ледяных струн реки.
От прикосновенья снег застыл навеки.
И постиг он тайну вод объединенья.
Всё оно смывает, и слова прощенья.
Осени тоску разметаёт вьюга.
Сердце защемит от любви друг друга.
Ледяных шаров видно озаренье.
В фонарях блестит каждое мгновенье.
Снег судьбой летит в мою дверь, окошко.
По земле мерцает он хрустальной крошкой.

МОРЕ

Шумит волна под розовым рассветом,
Подошву гор лаская на бегу.
Простор морской, соединяясь с светом,
Окинет взглядом камни на берегу.
И жизнь как дар. Мелькают мысли где-то.
И соль проступит, как твоя судьба.
А жизнь как свет. Храня в душе ответы,
Нам кинолентой вечности – мольба.
И зачерпнув воды, проникну в жизни суть,
Увидев благостный надежды путь.

В ОБЛАКАХ

В облаках зелёных дерева
Дымкою салатовой окутаны.
Расцвела апрельская трава,
И цветы в блистанье перламутровом.
Край зелёный дружно зашумел.
И дожди весенние – в излучины.
В голубом рассвете их удел.
У сирени – лист, воронкой скрученный.
И весна растворена в окне.
Держит часть земля, свою шестую.
В глубине природы растворясь,
Власть имея надо всем святую.

ОСЕННЕЕ

Завязь осени там, где роса
И золотой листвы голоса.
Там туманы тканью невесомой
Путались в верхушке еловой.
И цветы запоздало тянутся.
Купола отражает Талица.
Осень в кончиках лепестков,
Вязью – скрутка немых листков.
Дышит холодом в окна нам.
Небо бьётся по крыше в храм.
Осень втянет в воронку времени,
И прогнётся старое дерево.
Фуэте запоздалых цветов.
Волны катят невиданных снов.
Хризантемы лилового цвета.
Мне ещё прилетит стрела лета.

Умирал нейрон. В свой последний час,
Умирая, он отдавал наказ...
Смотрит мозг в окно сквозь обскуру глаз,
И своё кино крутится у нас...

БОГ ВСЕЛЕННОЙ БЕЛЫХ ПЯТЕН

Внутри себя я прячу целый мир,
Он так огромен, нов и безграничен.
И только сотворённый мной кумир
К моей мультивселенной безразличен.

От ада в голове не убежишь,
А рая на земле тебе не надо.
Ты только сам себе принадлежишь,
А для меня ты – лучшая награда.

Внутри себя я прячу целый мир,
Он как моря – красив и необъятен.
Но только мной придуманный кумир –
Мой бог вселенной белых пятен.

Внутри меня – вселенная моя,
Я ей с тобой готова поделиться.
Ты просто будь. И просто буду я.
Ведь в новой жизни нам не повториться.

Внутри себя я прячу целый мир,
Но без тебя он мне одной не нужен,
Вот только сотворённый мной кумир
К моей мультивселенной равнодушен.

ЗА СИНЕЙ ДВЕРЬЮ

Мы стоим за синей дверью:
Я внутри, а ты снаружи.
Я люблю и свято верю,
Что и ты обезоружен.

Безысходность понимая,
Обливая сердце кровью,
Мыслью плечи обнимаю.
Отвечаю: «Не открою!»

Искушаешь. Вся как зверь я:
Там любовь, за синей дверью.

И сквозь дверь меня схватили
Руки твои сильные.
Я молитвою просила:
«Милый, отпусти меня!»

На колени опустилась
И глаза вниз опустила.
Я с тобою не простилась,
И себя я не простила.

Я с надеждою рассталась.
Где сейчас ты? Где теперь я?
Может, это я осталась
Ждать тебя за синей дверью?

ЗИМА

Ко мне пришла сама зима,
Присела на кровать.
Она свела меня с ума,
Велела не вставать.

Зима смотрела мне в глаза,
Грозилла кулаком.
И не давала мне сказать,
Забивши в горло ком.

Февраль колотил меня иглой,
Как будто доктор злой.
Посыпал голову золой
И скрылся с глаз долой.

Я пролежала до весны
В поту, в бреду, в аду.
Я видела плохие сны
И думала, уйду...

И все три месяца зимы
С болезнью билась мы.
Я будто вовсе не жила,
Пока метель мела...

ВСЁ ИДЁТ ПО ПЛАНУ

Сегодня год, как тебя нет,
И всё идёт по плану.
Ты пропустил парад планет
И сбор марихуаны.

Сегодня год я не была,
Оправдывать себя не стану,
Там, где земля тебя взяла, –
И всё пошло по плану.

Как море мёртвое Арал,
Теряя к жизни соучастье,
Ты постепенно умирал,
Надежду потеряв на счастье.

В коробке с белым потолком
Остановилось сердце робко
Ещё не знавшего о том,
Что вся вселенная – коробка,

В которой год уже гниёт
Его простая оболочка,
И только мать, как прежде, ждёт
Прихода своего сыночка.

Задуло свечку на ветру.
Залечит время раны.
И я когда-нибудь к утру
Умру – ведь всё идёт по плану...

ТАЛЬКОВ

О чём-то плачут ивы,
Склонившись у реки.
На небо сиротливо
Взирают васильки.

Письмо моё с приветом
Давно уже в пути
И вместе с бабьим летом,
Как бабочка, летит

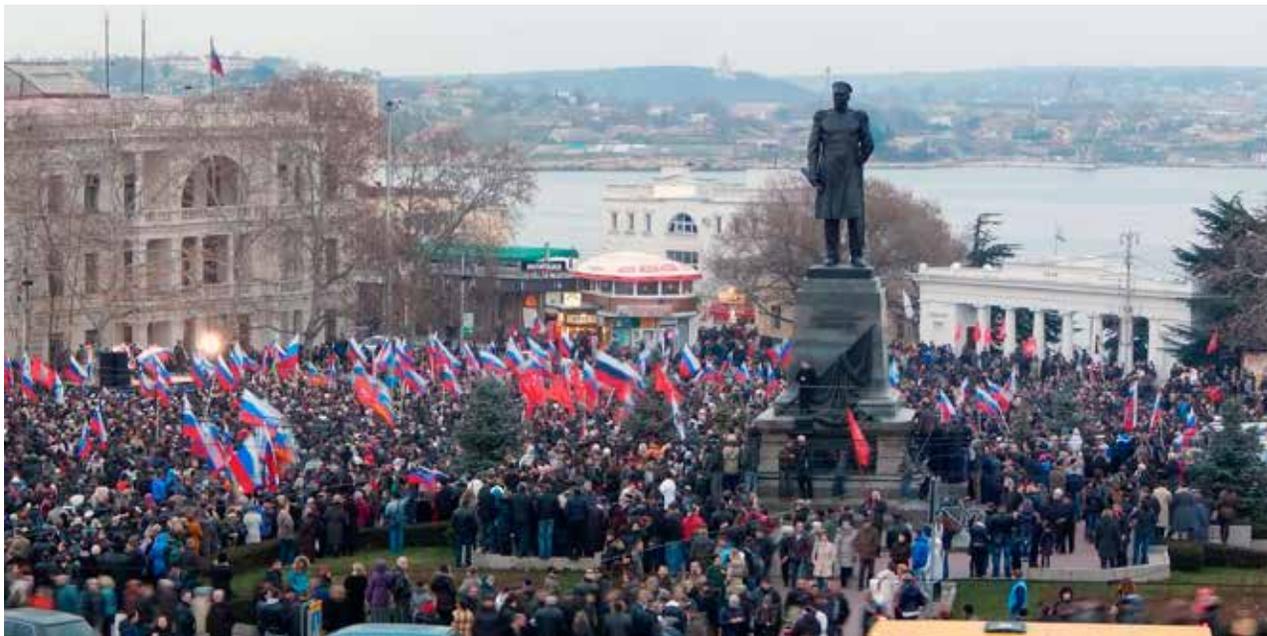
Туда, где ещё живы
Беззубые бойцы.
Текут непостижимым
Путём потоки Ци.

Мне не узнать свой город:
Обрушившийся град
Обвешал его короб
Наградами оград.

Пока ещё не тронул
Снаряд короны крон,
Я к пню иду как к трону –
Пересчитать ворон.

Воронок стало больше
И больше воронок.
Я понимаю: Боже,
Таков закон оков!

Так в бой же, пой же, вой же,
Тальков!

ВИЗИТ ДЕЛЕГАЦИИ

Ирина ОБУХОВА,
член СП России, Симферополь

Мелькали заголовки газет и телепрограмм: «Аннексия! Аннексия! Россия аннексировала полуостров!», «Путин оттяпал Крым!», «Вежливые люди вернули Крым России!». Эти фразы облетели все страны мира, в том числе и Англию, откуда постоянно звонили друзья, предлагали срочно покинуть страну.

Но Катя не слушала их, она слушала своё сердце.

Через год Хелен стала готовиться к поездке и сообщила, что в сентябре собирается в Крым, именно в Севастополе отметить свой день рождения.

...Перед приездом подруги Катя, несмотря на выраженную враждебность Запада после присоединения Крыма, планировала, какие интересные и красивые места Крыма они будут смотреть в этот раз. Правда, у неё мелькали в голове мысли и вопросы: «А всё-таки она настоящая!» или «Станный интерес к стране всё-таки!» и «Почему именно я?».

Но именно этот визит Хелен развеял все её сомнения.

Несмотря на начало бархатного сезона, на берегу было весело, а в домике, снятом Катей и Хелен на пять дней, – спокойно, пахло виноградом, персиками, морским ветерком.

Позвонила гидесса Валентина:

– Одна популярная телекомпания ищет героя для программы об иностранцах в Крыму, не хотите поучаствовать?

В тот же день с телевидения им тоже позвонили:

– Добрый день, Екатерина, – сказал приятный мужской голос в трубке. – Вас беспокоят с известного телеканала, ваш телефон нам дала гид-переводчик Валентина. Можем ли мы попросить вас помочь нам организовать съёмку интервью с вашей подругой?.. Нет, не надо приезжать в Симферополь, оставайтесь там, где вы отдыхаете.

Перед приездом телеоператоров Катя спросила Хелен, в чём она собирается сниматься.

– В новой футболке, – ответила Хелен, указывая на лежащую на кровати футболку с принтом – портретом Президента России.

Телевизионщики приехали прямо в «испанскую деревню» мини-гостиниц, где обычно Хелен с Катей отдыхали: там лучший в Крыму, самый широкий песчаный пляж и тёплое бирюзовое море.

Из-за хорошей погоды никто и не заметил, что интервью было долгим – около полутора-двух часов, но после того как отснятое почистят и смонтируют, материал сократится до нескольких минут.

В течение всей съёмки отдыхающие на пляже смотрели на них и видели необычную картину: на белоснежных шезлонгах, занятые своим делом, сидят несколько мужчин в джинсах и рубашках с профессиональными камерами и микрофоном в руках и снимают какую-то маленькую женщину в светлой футболке! Задача операторов была непростой, потому что надо было снимать Хелен на фоне беспокойного моря.

А Катя сидела неподалёку, смотрела на подругу и удивлялась её уверенности перед камерой.

Отсняв всё, что необходимо, очень любезные мужчины с камерами попили пива в пляжном кафе и уехали.

...Море красиво волнуется белыми вативатыми наконечниками, солнце тёплое, сентябрьский бриз ласково треплет волосы, и Хелен идёт к морю. Ветер обнажил её высокий лоб, и взгляд открылся солнцу и волнам.

Она шла с чувством выполненного долга, так как сказала то, что думает. События слишком накаляются, информация переполняет душу, её свободолюбивая натура противится опубликованным статьям. Нет, она не смогла молчать ни о том, что несколько раз приезжала в Крым, ни о том, что никакие санкции не запретят ей приезжать сюда снова, ведь она обрела здесь друзей.

Улыбаясь сверкающему морю, Хелен вспоминала: ещё до поездки она наметила купить футболку с изображением президента Путина, и буквально вчера долгожданная вещь была приобретена.

Но то, как она ей пригодится, Хелен даже не представляла, и в этом была удача: с такой футболкой всё интервью для очень важного

телеканала, о котором она и не мечтала, будет смотреться совершенно иначе!

Волны уже окатывали ноги Хелен, когда она вспомнила, как три дня назад они с Катей и гидессой Валентиной приехали на машине к заброшенным виноградникам, где стоял памятник британским солдатам.

Ей предложили посетить его потому лишь, что английская делегация не приехала на памятную дату – 160-летие окончания Крымской войны, той кровавой, жестокой войны, где погибли лучшие представители обеих сторон – и русского морского офицерства, и цвета аристократии Англии.

Колючки цеплялись к её брюкам, сухой чернозём попадал в её сандалии, но они с Катей и Валентиной, откуда-то знавшей точное расположение памятника, всё шли и шли. Ветер посвистывал в ушах.

И вот наконец перед ними – высокая белая стела, огороженная чёрным низким забором. Держа красные гвоздики, Хелен склонила голову, чтобы прочесть на постаменте леденящую душу надпись на английском: «Здесь покоятся...»

Она помнила, что Валентина включила запись, а Хелен встала по стойке смирно и начала декламировать стихи:

*Half a league, half a league,
Half a league onwards,
All in the valley of Death
Rode the six hundred.
'Forward the Light Brigade!
Charge for the guns!' he said.
Into the valley of Death
Rode the six hundred.*

*Cannon to the right of them,
Cannon to the left of them,
Cannon in front of them
Volleyed and thundered;
Stormed at with shot and shell,
Boldly they rode and well,
Into the jaws of Death,
Into the mouth of Hell
Rode the six hundred¹.*

¹ А. Теннисон «Атака лёгкой кавалерии».

Потом она положила цветы, а по дороге к машине рассказывала Валентине:

– Как-то весной принесли утром почту, и я открыла газету. Сообщалось, что в Севастополе ходят люди с оружием, на улицах Крыма – танки, и я, негодуя, позвонила Кате. К своему приятному удивлению, я услышала, что всё хорошо и они просто счастливы своему воссоединению с Россией. Тогда я подошла к столу, включила компьютер и написала письмо премьер-министру с вопросом: почему наши СМИ вводят население в заблуждение? Почему газеты пестрят дезинформацией о Крыме, где я лично не раз была у своей подруги? Она вот сейчас по «Скайпу» показала мне, как выглядят их улицы на самом деле.

Позже она получила ответ. Представитель премьер-министра написал, что у каждого есть право думать, как он желает. Однако у неё – одна, а у них – другая информация.

...Хелен вышла из прохладной, освежающей воды постоять у кромки моря. Катя, наблюдая за ней издали, вдруг увидела её крупные коленные суставы: «Совсем такие же, как у моей мамы Таиси!» – и снова подумала об их внешнем сходстве.

Катя вспоминала, глядя на жёлтую футболку с портретом Путина, как неделю назад они узнавали из новостей о том, какие именно мемориалы собираются посетить делегации, приехавшие на 160-летие окончания Крымской войны, ведь бои тогда шли и в Инкермане, и на Чёрной речке, и при Альме, но максимально разрушенным был несдающийся Севастополь. И Валентина, приехавшая из Ялты, таинственно прищурившись, а потом открыто глядя в глаза Кате, сказала:

– Вот если бы приехали британцы, я бы отвела их к одному памятнику, который малоизвестен и который был поставлен в память только их солдатам. Но они не приедут, видимо: обстановка сейчас – не очень. Хотя чего им бояться и что своим неприбытием показывать?

– А моя подруга собирается... – ответила Катя.

– Вот молодец, да? – удивилась Валентина. – Давайте съездим вместе, снимем небольшой фильм.

– И это будет восполнением недостающего – английской делегации, – добавляет

Катя. – От четырёх стран-участниц приехали только три делегации, и Хелен возложит цветы за своих дипломатов, за страну как народный дипломат! Честь и уважение!

Она вспоминала, как Валентина вела их по полю с заброшенным виноградником, под Севастополем, на Федюхиных высотах, и как Хелен у памятника британским солдатам читала стихи лорда Теннисона о славе шестисот павших в атаке английской лёгкой кавалерии:

*...Метёт от редута свинцовой метелью,
Редует бригада под русской шрапнелью,
Но первый рассеян оплот:
Казаки, солдаты, покинув куртины,
Бегут, обратив к неприятелю спины, –
Они, а не эти шестьсот!
Теперь уж и фланги огнём полыхают.
Чугунные чудища не отдыхают –
Из каждого хлещет жерла.
Никто не замешкался, не обернулся,
Никто из атаки живым не вернулся:
Смерть челюсти сыто свела.
Но вышли из левиафановой пасти
Шестьсот кавалеров возвышенной страсти –
Затем, чтоб остаться в веках.
Утихло сраженье, долина дымится,
Но слава героев вовек не затмится,
Вовек не рассеется в прах.*

Эта сцена у всех троих навсегда осталась в памяти, слёзы невозможно было сдержать – они застилали глаза, мороз шёл по коже от слов и голоса. И неважно, чьи фамилии были выбиты на пьедестале памятника, важно было, что эта женщина не хотела войны, не хотела, чтобы люди погибали...

...Хелен шла от моря и останавливалась, чтобы рассмотреть песок и камешки, а перед Катей проносились события прошлого, 2014 года, когда она перестала звонить своей английской подруге.

16 марта прошёл исторический референдум, и Запад воспринял его «в штыхы». Самый честный выбор почти стопроцентного мнения двухмиллионного населения полуострова почему-то там не хотели признавать и наложили

санкции! На улицах Крыма тогда царила радость, что жители спасены от националистов и вернулись в родное лоно России. И вдруг... Европа назвала это незаконным?! Катя отнесла к таковым и англичанку Хелен – филолога, режиссёра чеховских пьес, большого знатока русской истории и музыки.

И вспоминала о том, как ещё в феврале, во время майдановского шабаша, ей позвонили из Русской общины:

– Катя, ты вчера видела митинг на площади Нахимова? Да, как все «Легендарный Севастополь» пели, да. Ну вот, нам всем нужно будет завтра, двадцать шестого февраля, к тринадцати ноль-ноль прийти на наш митинг, а предварительно – получи сумку с красным крестом. Нужно будет, при необходимости, обрабатывать раны. Да, там будет три разных диаспоры, мало ли... Нет, это не опасно...

На следующий день Катя волновалась: и митинг пропустить нельзя – это почти приказ коммуны, и с работы надо «сбежать» незаметно. Как вдруг позвонил начальник и попросил срочно подготовить и принести ему отчёт!!! Редчайшее стечение обстоятельств – ведь Кате так хотелось пойти на митинг! Пришлось звонить в общину с извинениями. Но когда она печатала отчёт, в коридоре смотрели по телевизору, как оказалось, прямую трансляцию того митинга, и комментарии были слышны на весь вестибюль холла:

– Смотри-смотри: во-он какая большая группа с украинскими флагами! А у татар – какие-то длинные острые флагштоки! – говорила одна техничка.

– Ого, сколько народу – туча! А где же русской общины флаги? Да-а, видно, не дали им, заранее заняли всё пространство, как раз у входа в здание, – отвечала другая.

«Друзья! Коллеги! Обещаю, что всё будет хорошо, давайте завтра придём для разговора, а сегодня заседание отложим!» – говорил с микрофон с экрана высокий человек с седыми волосами на висках, но его не было слышно митингующим.

– А кто это такой? Стоит рядом с этим, как его... Смотри! Ой-ой-ой, что это? Кому-то плохо, смотрите! Во-он «Скорую» не пропуска-

ют! – вдруг все услышали голос кастелянши, тыкающей пальцем в экран.

Экран выхватил вид сверху: страшная, тёмная толпа гудела, шевелилась и становилась всё чернее, никого не пускала к дверям Госсовета. И люди стояли невероятно плотно друг к другу. И тут подостпели новые участники и надавили с краёв, а первым беззащитным фалангам некуда было деться, и, очевидно, они оказались сдавлены...

...Англичанка медленно возвращалась, наслаждаясь бархатным песком пляжа, который лечил её суставы – просто так, без особых хлопот, – прилипая к её ногам. А у Кати всё ещё звучали в ушах слова с экрана:

– Коллеги, прошу вас, разойдёмся для «Скорой», человеку плохо! Давайте завтра мирно, без суеты решим, обещаю, друзья, всем будет работа, ваш бизнес сохранится, и всё будет хорошо, просто сейчас надо разойтись для «Скорой помощи!» – говорил в рупор человек с седыми висками.

И все расступились для проезда машины и потом стали уходить с митинга...

Проведя тогда бессонную ночь, Катя утром включила ТВ – она не верила своим глазам: показывали развевающийся над Госсоветом российский флаг.

Ура!!! Теперь ей не придётся коверкать свой язык, это – Россия!

А через неделю она узнала о трёх жертвах митинга: умерших позже от ран и задавленных. Жаль, что счастье, разливающееся по всему Крыму после митинга и референдума, было столь недолгим.

...Влажная от морских брызг Хелен подошла и взяла полотенце, чтобы обсушиться.

Глядя с улыбкой ей в глаза, Катя думала: «И как жаль, что лишь спустя время единицы людей, таких же высокообразованных, как Хелен, смогли понять суть этого исторического события!»

И разумеется, после всего, что случилось, – после её письма с вопросом к премьер-министру Великобритании, её возложения цветов, её интервью в футболке с портретом Президента РФ Владимира Путина – Катя оценила её знание истории России и прониклась глубоким уважением к англичанке Хелен, отбросив все свои сомнения!

Женская линия семейных историй

О МАМЕ

Моя мама, Клавдия Фёдоровна Бегун (Стрижак), родилась 8 марта 1941 года. Дитя войны. Железная леди и мечтательный романтик. Руководитель крупного предприятия и заботливая жена и мама. Хрупкая и нежная, сама желающая поддержки и опоры, но всегда лидер, берущая на себя ответственность за дело и коллектив, вдохновляющая и дающая личный пример для подражания.

Мама Клавдия Стрижак. Керчь, 1971 г.

В мамином военном детстве был такой инцидент. Клавдии было два года, когда во двор после дождя въехал автомобиль, разбрызгивая грязь. Дитя, которое ещё и на ножках некрепко держалось, схватило комок грязи и бросило прямо в окно машины с возгласом: «Гитлер капут!» Озверевший фашист подскочил и, схватив девчужку за волосы, поднял над землёй, тряся её изо всей силы. Бабушка кинулась к ним, но тут вышел немецкий офицер и приказал прекратить издевательство. Ребёнка изверг отпустил без клока волос. А она всё кричала: «Гитлер капут!»

С детства упорная и целеустремлённая. Окончила сельскую школу, до которой самостоятельно с первого класса преодолевала два километра пешком в любую погоду по пустынной дороге. Затем – торговая школа, Донецкий институт советской торговли, высшие курсы руководителей, многочисленные повышения квалификации – и вот она директор керченского торгового объединения «Рубин», в её ведении 26 магазинов.

До этого пройдено несколько руководящих должностей, на которые её ставили тогда, когда дело тормозилось и нужен был «прорыв», так как знали незаурядные лидерские качества руководителя.

Мне запомнились поездки на выездную торговлю в сельские местности. Мало кому из продавцов хотелось отбирать, считать и пересчитывать товар, упаковывать его, грузить и ехать с ним в будке грузовика, «глотающая пыль» просёлочных дорог. Но мама всегда могла убедить своих девчат, как это здорово, что их ждут на селе с такими нужными там вещами, и они их доставят. И могла организовать поездку так, что она превращалась в увлекательное приключе-

Директор торгового объединения К. Ф. Стрижак с коллективом. 1980-е гг.

чение. Возвращались поздно ночью, чумазые от пыли, голодные, но радостные и весёлые от полученных благодарностей сельчан и сознания полезности совершённого дела.

На моих глазах в Эльтигене строился и облагораживался пансионат «Дружба», принадлежащий керченскому горпротторгу. И здесь мама – активный участник и вдохновитель. Строили его своими руками. Но в памяти больше осталось, как ровняли песок. (А почему его надо было ровнять, тогда не поинтересовалась.) Это было нелегко: длинную доску надо было тащить за привязанную к концам верёвку, такой себе живой бульдозер. Мама придумала, что мы бурлаки и тащим корабль. Всем стало интересно попробовать себя в роли бурлака, и дело пошло.

А в 70-х в городе появились прекрасные новые здания – двухэтажные кафе «Пингвин» и универмаг «Детский мир «Дельфин». Мама стала директором в «Детском мире». В универмаге установили полностью стеклянные двери – невидаль по тем временам и гордость. Но закрывать их и сдавать на автоматическую сигнализацию было сущей проблемой – не

всегда автоматика срабатывала. Поэтому не раз персоналу во главе с мамой приходилось оставаться в универмаге на ночь – сторожить двери, у которых тут же и устраивалось лежбище. Потом даже дежурства пришлось устанавливать на случай следующего такого аврала. А мы с папой готовили ужин на всех и относили уже поздно вечером для подкрепления сил доблестных охранников.

Я ревновала свою маму к своим же подружкам, которые секретничали с ней наедине, доверяя все свои девчачьи тайны. Бегали к ней за советом и получали его. Да, советчик она была замечательный. Она ни в чём не видела проблем, решение любой трудности было только делом времени, часто очень скорого. С ней было не страшно.

Сейчас мало кого встретишь из маминых сотрудников и подруг, но встречая, неизменно слышу: «Твоя мама была необыкновенная и очень красивая». Спрашиваю: почему необыкновенная? Как это? Ответ не менее странный: «Вот все обыкновенные, а она – необыкновенная!»

О БАБУШКЕ

Бабушка была модисткой – шила на заказ, а дедушка работал камнерезом в Аджимушкских каменоломнях, таких каменотёсов называли «скаляне».

Поженились они по большой любви, иначе браку бы не состояться: Евдокия – потомственная кубанская козачка¹, а Флор – с Одесчины, на Кубани же принято семьи создавать козачьи, из своих. Но Флор тоже считал себя козаком, потому что он им и был. Однако козак козаку рознь, если козак «не тутэшний» – так считалось у кубанцов. Часто моему деду приходилось отстаивать свое звание козака, и это неизменно заканчивалось дракой, часто кровопролитной. Одолеть Флора не удавалось – могучий молодец. Но однажды силы были неравные, и Евдокия также вступила в драку со сковородкой в руках. Деда повалили на стол и стали душить (обычное дело!), тут Дуся и применила холодное оружие, огрев одного сковородой по голове, отчего тот отскочил от Флора. Другой же не отступал, и бабушка, схватив его за уши, стала оттаскивать от деда. Одно ухо осталось в руке – оторвала напроочь. Драке конец, а дед кинулся спасать противника, друг всё-таки ему был. Ухо – в полотенце, безухого – на велосипед, и помчался в больницу. (Старотитаровская станица – и сейчас велосипедная столица!) Ухо пришили. И что интересно, оно приросло.

Бабушка решила этим разборкам положить конец, поэтому с Кубани они переехали в Керчь.

Жили в городе возле консервного завода, снимали пристройку у пожилой четы.

Здесь у них родилась дочь Клавдия – моя мама. Осенью подошли немцы, дед рвался на фронт, записали его в стрелковую дивизию. Пришёл домой попрощаться. Жене сказал: «Отдай скалянам всё добро и беги на Кубань к родителям, пока можно пробраться». Бабушка ответила, что будет дожидаться его в Керчи. Зашила ему в гимнастёрку молитву и проводила до пункта сбора. Всю дорогу дед сам нёс свою дочурку.

Евдокии в 1941-м было всего 20 лет, когда она, солдатка, осталась одна с младенцем на руках. Шила, помогала вести хозяйство старикам, у которых они с бабушкой снимали жильё. Но однажды во время бомбёжки в их дом попала бомба, крыша упала, стены завалились. Пристройка чудом не рухнула. Когда «мессеры» улетели, бабушка и соседи кинулись разбирать завал, чтобы вытащить стариков, но они не выжили. Вытаскивали их из-под железной кровати, под которую они спрятались от бомбёжки.

Скоро за бабушкой приехал её папа, мой прадед Пётр Степанович, и забрал их в станицу, в отчий дом. Позже станицу оккупировали немцы с румынами. В плавнях во время оккупации прятались партизаны, совершая свои диверсионные вылазки. Прадед собирал кошёлки с провиантом и вручал бабушке, она должна была относить их в условленное место. Бабушка шла на задание с ребёнком, чтобы не так подозрительно было.

Четыре раза через Керчь проходила линия фронта, город освобождали дважды. И каж-

Евдокия Петровна Затяжчук (1-й ряд) с сестрой Валентиной и братом Иваном. 1956 г.

¹ «Козаки» – это правильное произношение, казаки – это наёмные силы. Хотя нам привычнее говорить «казаки».

дый раз сразу после освобождения бабушка со своей сестрой Валентиной добиралась до Керчи с продуктами для знакомых, которые голодали, оставаясь в городе. В пригородах иногда удавалось раздобыть рыбы у рыбаков, которые тут же возобновляли промысел для горожан и Красной армии.

Однажды при нас, детях и внуках, страшными воспоминаниями делились между собой сёстры Евдокия, Мария и Валентина. Мы плакали, слушая, как в родном городе текла красная от крови вода в нашей речке Мелек-Чесме. Сколько трупов было везде разбросано, и не только трупов, но и частей тела. Этим была забросана и речка, по которой плыли даже человеческие внутренности. Не поднимается рука описывать те подробности, что мы тогда услышали...

Дедушка прошёл всю войну, вернулся только в 1946-м – восстанавливал Вену. Руки у него золотые – строитель, плотник, бондарь. Получил орден Славы.

Бабушка его верно ждала, читая и перечитывая редкие письма-треугольнички.

Дед вернулся, построил дом для своей семьи по ул. Коммунистической, 3. И ещё много домов в станице построил, до сих пор стоят.

Евдокия Петровна и Флор Наумович Зятяжчуки воспитали и меня.

Но разговоры про войну в семье – табу. Никто не любил вспоминать те грозные годы. Я часто спрашивала у своего дедушки-фронтовика о войне, но дед ничего не рассказывал, отделяясь общей фразой: «Деточка, ничего там хорошего не было, не стоит ворошить». И это несмотря на то, что дошёл до Берлина и рассказать было о чём.

А однажды на базаре бабушку встретил один из тех партизан, которым в плавни она еду носила. Встрече обрадовались. На другой день он пришёл к ним домой с корреспондентом районной газеты. Но бабушка от интервью отказалась и только повторяла, что стыдно будет, если про неё напишут в газете, а она ведь ничего особенного и не сделала.

Бабушка Евдокия Петровна Зятяжчук (Бордюг), добрая и мудрая, широкой души,

Бабушка Е. П. Зятяжчук. 1981 г.

учила меня шить, читать и путешествовать.

С бабушкой я с самого раннего детства путешествовала по Кубани, Кавказу и Крыму, летала на самолёте-кукурузнике с аэродрома станицы Старотитаровской в аэропорт Керчи, первая моя переправа на пароме через Керченский пролив тоже была с бабушкой Дусей, я ездила с ней на настоящем паровозе и даже в теплушке. А на ночь она читала мне стихи Тараса Григорьевича Шевченко из «Кобзаря» и сказки Александра Сергеевича Пушкина, которых знала множество наизусть.

О ПРАБАБУШКЕ

Прабабушка Наталия Спиридоновна Бордюг – настоящий образец всепрощения, доброты и безропотной терпимости перед всеми превратностями судьбы. Её семейная жизнь с прадедушкой Петром Степановичем для всех была образцом для подражания: взаимоуважение, забота, поддержка друг друга во всём.

Прадедушку я не знала, а прабабушка Наташа запомнилась тихой, госте-

*Прадедушка Пётр Степанович Бордюг,
прабабушка Наталия Спиридоновна. Начало XX в.*

приимной, трудолюбивой до глубокой старости. Когда бы ни приехала к ней, она на огороде, то что-то сажает, то урожай собирает. Для гостя в кованом сундуке всегда найдётся гостинец – конфетки, шоколадка или совсем уж экзотика – мандарин!

Прабабушка – человек из XIX века, несовременная по нашим детско-юношеским понятиям, и всё нам казалось смешным: и эти ситцевые длинные юбки, и обязательный платок на голове, который почему-то называли «печальник». И то, как бабушка, посплюнявив пальчик, поправляла бровки, когда кто-нибудь звал её у калитки.

Бабушка легко позволяла нам подтрунивать над собой, да ещё, бывало, и сама расскажет что-нибудь смешное о себе. Например, как поехали они с подругой проведать своих мужей, служивших в козачьих войсках на персидской границе. Добирались долго, на перекладных. Когда совсем уже почти добрались до цели, надо было преодолеть небольшое расстояние на теплушке. Ехали они на ней три дня и всё удивлялись, что на стоянках через определённое время один и тот же человек мусульманского вида продавал пирожки. «Наверное, он с нами в этом поезде едет», – решили подружки.

А потом выяснилось, что уже третий день они по кругу ездят – маршрут у поезда был кольцевой, а пирожник продавал свои пироги на одной и той же станции. «Ох, и тёмные же мы были», – качала головой бабуля.

До сих пор в нашей семье вспоминаем курьёзный случай, когда в станицу пришло электричество во второй половине 60-х. Дом прабабушки Наташи стоял на одной из центральных улиц, поэтому и электричество провели к нему одному из первых. Электромонтёр на стены прибил на равных расстояниях фарфоровые изо-

ляторы-катушки, похожие на шахматные пешки. На них укрепил витые провода, которые довёл до середины потолка, а дальше с полметра оставил свободно свисающими, на конце прикрепил патрон для лампочки. И всё, никаких выключателей и розеток. В розетку всё равно вставлять нечего: пылесосов и фенов нет, а утюг – чугунный для разогрева на печи. Выключатели в те времена считались излишеством, да и не было их.

Мы пришли к бабушке ранним вечером, чтобы успеть увидеть электросвет, зная, что спать она ложится рано – «с курами», ведь подъём всегда до рассвета, да и керосин лишний жечь незачем. В общем, видим ярко освещённые окна, заходим, а бабуля стоит на табуретке посреди комнаты и изо всей силы дует на лампочку, потушить старается. Мы с братом, что называется, упали со смеху и долго не могли остановиться. Недоумевающей бабуле было невдомёк, что лампочку надо было чуть выкрутить из патрона, никто не сказал. Дальше смеялись все вместе.

Такие вот вспомнились женские семейные истории.

Людмила ШИШЛО (СТРИЖАК)

БАЖОВСКИМИ ТРОПАМИ

В ДЕТСТВЕ В НАШЕЙ СЕМЬЕ ХРАНИЛАСЬ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ КНИГА «МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА», ТОГДА ДЛЯ МЕНЯ ГЕРОИНЯ СКАЗОВ ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ БЫЛА ОЧЕНЬ ЗАГАДОЧНЫМ ПЕРСОНАЖЕМ.

МОЙ РОДНОЙ КРАЙ – УРАЛ. В КНИГЕ ОПИСЫВАЕТСЯ ЖИЗНЬ МАСТЕРОВЫХ, РАБОЧИХ, ГОРНЯКОВ ИЗ ПОСЁЛКОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. И ПОЭТОМУ Я РЕШИЛА ПОСВЯТИТЬ СВОЙ КОРОТКИЙ ОЧЕРК ИЗВЕСТНОМУ УРАЛЬСКОМУ ПИСАТЕЛЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ БАЖОВУ.

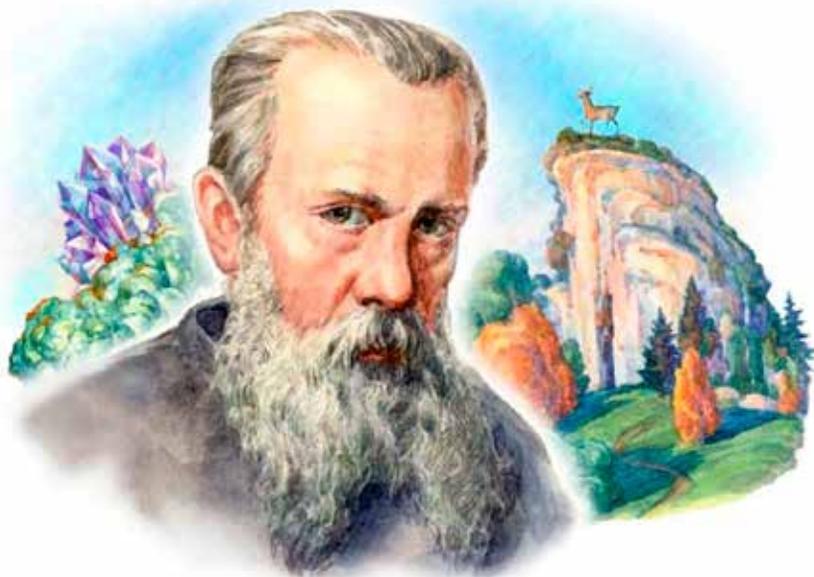
Павел Петрович Бажов – выдающийся уральский писатель. Мы знакомимся с его творчеством ещё в детстве, читая повести «Зелёная кобылка», «Дальнее – близкое». Но самая знаменитая книга Бажова – «Малахитовая шкатулка» («Уральские сказы»). Это особенные произведения, представляющие собой быль с элементами сказки, волшебства, переданную прекрасным народным языком. Сказы из «Малахитовой шкатулки», как и остальные книги автора, не только занимательные истории, но и глубоко нравственные произведения, пронизанные народной мудростью. В книге поражало всё: неповторимый язык, рассказывающий о красоте Урала и его богатствах, вкрапление волшебства в обыденное повествование. Короткие уральские легенды в пересказе Бажова великолепны, это маленькие шедевры гениального автора. Их с большим удовольствием читали и читают взрослые и дети.

Писатель Павел Петрович Бажов родился в Сысерти 15 января 1879 года. Его отец, Пётр

Васильевич, был горным мастером, работал в пудлингово-сварочном цехе. Его фамилия была Бажев, впоследствии из-за ошибки в документах у неё изменилось окончание. Несмотря на высокий профессионализм отца, семья жила в постоянной нужде. Пётр Васильевич страдал от алкогольной зависимости, был неуживчивым, часто оставался без работы. В тяжёлые периоды семейство выручала мама, она была отличной рукодельницей, умела зарабатывать этим деньги.

Детские годы будущий писатель провёл в Сысерти и в Полевском Заводе. Три года он учился в Сысертском земском училище, где был в числе лучших учеников. С 10 до 14 лет способный подросток обучался в Екатеринбургском духовном училище. Родителям трудно было платить за него, поэтому они перевели Павла в Пермскую духовную семинарию, где обучение было дешевле.

Но становиться священником юноша не собирался, его привлекала педагогическая дея-

тельность. Молодой учитель словесности долгое время преподавал в сельской школе, затем устроился учителем русского языка в Екатеринбургское епархиальное женское училище. Здесь он проработал шесть лет. Ученицы Павла Петровича очень любили молодого педагога. В училище была интересная традиция – во время литературных вечеров награждать чтецов цветными бантиками. Бажов всегда получал самое большое количество этих милых призов. В период летних каникул Павел Петрович путешествовал по окрестным деревням, собирал диалектизмы, фольклор, пословицы и поговорки. Некоторое время Бажов был преподавателем духовного училища в Камышлове.

Павел Петрович был ярким революционером. Было время, когда он состоял в партии эсеров, но затем примкнул к большевикам. Во время Гражданской войны вёл активную деятельность, устремлял советскую власть в России, в Казахстане. Он был организатором подполья в Усть-Каменогорске, готовил своих товарищей к подпольной деятельности на случай перехода населённого пункта под власть белогвардейцев. Когда город захватили белые повстанцы, Бажов в течение полугода бездействовал, чтобы сохранить свою жизнь. Впоследствии его много упрекали за это, но сил подпольщиков в конце 1918 года было недостаточно для вооружённого восстания, и Бажов это прекрасно понимал. Через шесть месяцев он возобновил деятельность, объединил несколько партизанских отрядов в единую ударную силу.

После восстановления советской власти в Усть-Каменогорске стал организатором нового Совдепа. При его непосредственном участии было подавлено готовившееся восстание белогвардейцев, предводителем которых был Козырь. Во второй половине 1920 года Бажов был главой продовольственного отряда, особым уполномоченным уездного продовольственного комитета, заведующим комитетом народного образования. На последнем посту Бажов стал организатором учительских

курсов и ликбеза. Он занимался восстановлением Риддерского рудника, решал другие важные вопросы, связанные с работой народного хозяйства. В этот период на Бажова стали поступать доносы, его обвиняли в долгом бездействии во время переворота в Усть-Каменогорске. Павел Петрович возвратился на Урал. Доносы преследовали его на протяжении 15 лет, Бажова дважды исключали из партии, но оба раза восстанавливали уже через год. Его обвиняли и «за приписывание партийного стажа». В Камышлове Бажов занимался литературной деятельностью, работал в «Уральской областной крестьянской газете». Он был главой редакторского комитета по написанию книг, посвящённых строительству Краснокамского бумажного комбината, истории Камышловского полка. Произведения не были опубликованы, их герои попали под репрессию.

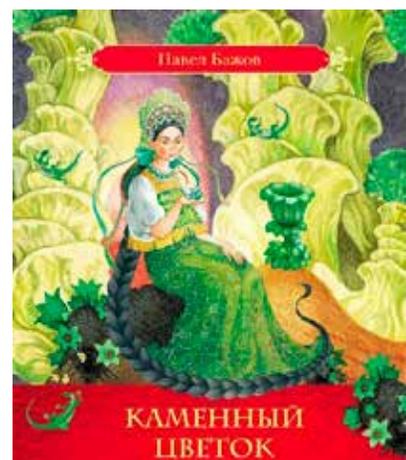
Книга Бажова «Уральские были» увидела свет в 1924 году. Через 12 лет писатель опубликовал первый сказ – «Девку Азовку». В начале 30-х годов прошлого века советские фольклористы получили важное задание, им нужно было собирать «колхозно-пролетарский» фольклор. Историк Владимир Бирюков был в затруднении, он не нашёл на Урале рабочего фольклора. Историка выручил Бажов, написавший специально для него три сказа, которые рассказывал ему в детстве дедушка Слышко. Однако никакого дедушки Слышко не существовало, сказы придумал сам

Бажов. Но эти прекрасные уральские легенды были столь достоверны и хороши, что их напечатали уже в 1939 году. Так советские люди познакомились с книгой «Малахитовая шкатулка». Через четыре года писатель за свой труд получил Сталинскую премию 2-й степени.

В книге поражало всё – неповторимый язык, рассказывающий о красоте Урала и его богатствах, вкрапление волшебства в обыденное повествование. Мастерские люди в сказках Бажова выглядят настоящими русскими богатырями, могучими, гордыми, мудрыми. В своих произведениях писатель охватывает большой отрезок времени – от крепостничества до современности. При написании сказов Бажов руководствовался определёнными установками, в ряде случаев отступая от исторических фактов. Советский исследователь Р. Р. Гельгардт установил, что П. П. Бажов при написании сказов изучал исторические документы, но если в исторических исследованиях по какому-то вопросу было разногласие, то писатель «отвергал всё, что было не в пользу России, Урала, не в интересах простого народа».

Из уральского фольклора в сказы Бажова пришёл персонаж Великий Полоз – хозяин земных сокровищ, огромный змей с короной на голове. «Сила ему такая дана: золото, какое он пожелает, к себе в землю притягивать», – говорилось в сказе «Золотой волос». Встречаются в сказках писателя и другие персонажи народных преданий, например девка Азовка, которая охраняет клады горы Азов. Она упоминается в сказе «Дорогое имячко». Бажов вспоминал, что об Азовке рассказывали по всему Уралу. По одной версии, её считали духом татарской царевны, по другой – пленницей, которую прокляли после смерти и превратили в духа-сторожа.

Дом-музей П. П. Бажова в Сысерти, здесь в 1879 г. родился Павел Бажов

Произведения о Хозяйке Медной горы, Даниле-мастере и других персонажах вошли в сборник «Малахитовая шкатулка». В этих историях Бажов соединял сказочные сюжеты с описанием реального быта горняков, который был знаком ему с детства. Один из главных сказочных образов в творчестве писателя – Хозяйка Медной горы, или Малахитница, Каменная девка. В цикл о ней входят десять сказов, в том числе «Каменный цветок», «Горный мастер», «Травяная западенка», «Малахитовая шкатулка». Эта героиня – дух Уральских гор, хранительница ценных минералов. В сказах она появлялась перед рабочими как прекрасная девушка в нарядном платье: «А одёжа и верно такая, что другой на свете не найдёшь. Из шёлкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шёлк, хоть рукой погладить». Волосы её Бажов описывает так: «Коса ссиза-чёрная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зелёные. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь». Малахитница могла показаться в виде ящерицы с короной, а иногда слышали только её голос.

Сказы из «Малахитовой шкатулки» были переведены на многие языки мира. Переводчикам было непросто, своеобразный язык сказов многих из них приводил в замешательство. Они отмечали, что эти короткие произведения практически непереводимы из-за их культурных и лингвистических особенностей. С 2013 года сказы Бажова были включены в перечень 100 книг, рекомендованных российским школьникам для самостоятельного чтения.

Всего он написал 56 сказов, называя их то «горными сказами», то рассказами, то сказами. Сначала автором своих сказов писатель называл Хмелинина, но позже он убрал эту фамилию из всех черновигов. Больше всего сказов литератор написал в самое трудное для своей семьи время – когда его в очередной раз исключили из партии и отказывались принимать на работу.

Все свои произведения он создал в доме, стоящем на углу улиц Чапаева и Большакова. Он и раньше жил на улице Болотной (Большакова), но старое здание погибло в пожарище. Дом на улице Чапаева, 11, писатель стал возводить в 1911 году.

До отъезда в Камышлов семья литератора жила в нём в течение трёх лет. После возвращения из Казахстана Бажов вновь поселился в своём доме и жил здесь до самой кончины.

В доме четыре комнаты, кабинет писателя одновременно служил спальней для супружеской четы. Одна сторона дома смотрит в сад, посаженный руками Бажовых. В нём растут яблони, вишня, рябина, черёмуха, берёзы и липы. Писатель особенно любил скамейку под рябиной, где он часто отдыхал в летнюю жару. Сохранился и столик под липой, где он работал.

Павел Бажов и его жена Валентина Александровна – счастливая супружеская пара, они вырастили трёх дочерей, всего же детей было семь, четверо из них умерли во младенчестве. В браке супруги прожили почти 40 лет.

Уральский писатель скончался от рака лёгких в начале зимы 1950 года. Он очень любил свой Урал, не собирался покидать его, но умер в Кремлёвской больнице. Прах знаменитого литератора погребён на Ивановском кладбище в Свердловске. Через одиннадцать лет там был установлен памятник великому автору сказов и собирателю уральского фольклора. В 1967 году в Екатеринбурге, в доме, в котором он жил, основан музей П. П. Бажова.

В честь Павла Петровича Бажова назван посёлок городского типа Бажово. Во многих городах и посёлках Урала, России, Украины и Казахстана его именем названы улицы. Образы из сказов П. П. Бажова – Каменный цветок и Хозяйка Медной горы (в виде коронованной ящерицы) – изображены на гербе города Полевского. Полевской называют родиной бажовских сказов, сердцем «бажовского Урала». Павел Бажов жил в Полевском в 1892–1895 годах. Монументы П. П. Бажову также открыты в городах Полевском, Сысерти и Копейске. К 120-летию писателя в 1999 году учреждена Премия имени П. П. Бажова, ежегодно вручаемая в Екатеринбурге. Имя писателя носит ежегодный Бажовский фестиваль народного творчества в Челябинской области. Также в честь писателя названы пермский теплоход и станция Екатеринбургского метро.

Нина МАХНЕВА,
учитель-логопед высшей
квалификационной категории

ОТРАЖЕНИЕ СИРИУСА

**Наталья ЯРОСЛАВЦЕВА,
Галина ЗАХВАТОВА**

ПРОЛОГ

– Всё плохо. Всё против меня, – ковырляла свои встрёпанные мысли Алька. Дорога из школы домой всегда была похожа на растянутый сюжет скучного фильма. Сменяющие друг друга картинки двигались заторможенно и монотонно.

Девчонка, шмыгая подошвами грубых ботинок, шла по гулкому мокрому асфальту. Она носила тёмное и серое, стараясь не выделяться среди сверстников. Косая отросшая чёлка слипшимися русыми прядями закрывала лоб, а заодно и подростковые метки, отравившие жизнь не одному тинейджеру. Сдвинутые брови и сжатые губы, круги под глазами, чуть широковатый нос – Алька была похожа на нахохлившегося «гадкого утёнка», который приготовился к привычным нападкам со стороны других.

Всё вокруг выглядело враждебным, тусклым и чужим. Мокрые чёрные стволы деревьев, пожухлая безжизненная трава и полное отсутствие людей на улице. Алька ощущала себя совершенно одинокой.

– И даже библиотекарь, Светлана Ивановна, обычно такая ласковая, сегодня не в духе, – вздыхала она и грызла нижнюю губу. – Я всех только раздражаю.

Алька снова вспомнила, как накричала на неё утром мама, когда у неё из рук выскользнула чашка с горячим чаем. А в классе она нелепо споткнулась о ножку парты и шлёпнулась в проход, вызвав взрыв смеха противных одноклассников. Натянув невозмутимое лицо «крутой» девчонки, Алька внутри окаменела, потому что показать свои чувства было сродни проявлению слабости.

«Нельзя! Они меня тут же загрызут!» – думала она, стиснув до боли зубы, чтобы не заплакать.

В утешение себе она пошла после уроков в любимую библиотеку возле школы. Практи-

чески единственное место, где ей всегда были рады. Но и отсюда Аля выскочила, хлопнув дверью, обиженная и непонятая.

Светлана Ивановна давно заметила перемены в характере и поведении Альки. Внутренний конфликт эмоций разрывал девочку. Она изо всех сил сдерживала себя. В этот день девочка пришла совсем не в духе. Резкий тон, срывающийся голос, бледное лицо. Попросила выдать ей что-то о боли и бессмысленности жизни.

Слишком внимательно посмотрела на посетительницу Светлана Ивановна, хотела что-то сказать, но сдержалась и только устало вздохнула. Алька получила на руки небольшую книгу в скромной обложке.

Девочка с досадой запрятала невзрачную книжку в школьный рюкзачок.

– И что она мне дала?! – выходя из библиотеки, пробормотала Алька. Она передёрнула плечами, поправляя лямки. – Явно какую-то чепуху, чтобы отделаться от меня... Рюкзак и без того тянет спину.

Ещё из-за поворота на Ленинский проспект она заметила, что лазурно-голубой автобус номер 144 уже подъехал к остановке и открыл двери. Алька ускорила шаг и уронила наушники себе под ноги. Пока она наклонялась, двери автобуса безжалостно закрылись. На глаза навернулись слёзы.

На остановке она примостилась на лавочку, минут пять смотрела в одну точку. Затем всё же достала сердито засунутую в рюкзак книжку и открыла.

1. ГОСПОДИН ВСЕЛЕННОЙ В ЯРОСТИ

Давно так не сотрясало Юпитер. Жуткие бури и ураганы, непрекращающиеся торнадо изводили атмосферу планеты. Ветер разгонялся до тысячи километров в час. Конечно, лёгкая газообразная поверхность Юпитера сразу реагировала на такие колебания. Рикошетом начинали хаотичное движение облака из паров аммиака и серы, сталкиваясь, пронизывали толщу газа мощнейшими молниями. Уже более года ужасающее ненастье прожигало Юпитер. Его разрушительная сила только нарастала.

Страшный гнев царя Солнца Алатэра на всё живое был тому причиной. Без того вспыльчивый нрав Алатэра, верховного правителя всех планет во Вселенной, растравило мрачное известие. Его теперь уже бывший друг и соратник по наведению всемирного порядка, царь Юпитера Луцетий, был провидцем. Его вещий сон предрёк гибель звезды через миллиард лет. Предсказание было отдалённым и неопределённым, но уже сама дерзость появления такой возможности вывела Алатэра из равновесия. Достоинство принять такую новость правитель Солнца не пожелал.

Сдвинутые в ярости брови, сжатые губы и скулы, как будто высеченные из гранита, – все черты лица Алатэра были острые и колючие. Внешность Господина Вселенной отражала его сухой и жёсткий характер. Он жил один, никого и никогда не подпускал к себе. Золотая мантия и сияющая солнечная корона довершали облик царствующей персоны, привыкшей к исполнению абсолютно всех своих приказов.

– Если мне суждено погаснуть, то и никого не останется в живых! – бушевал царь Солнца и клялся уничтожить всё живое в Солнечной системе.

С тех пор настроение Алатэра становилось всё более скверным и тревожным, ему везде мерещились заговоры и предательства. Гнев могущественного правителя вызывал сильнейшие магнитные бури на поверхности Солнца. Возмущённые вихри солнечной энергии сметали всё на своём пути. Резонансом реагировало и мощное электромагнитное поле Юпитера, выделяя мириады радиоактивных волн в космическое пространство. Гигантские потоки солнечного ветра с невероятной скоростью разносились по всей Вселенной, губили всё живое, затягивали малые планеты в чёрные дыры, где они навсегда исчезали.

Бури на Юпитере – дело совершенно обычное, жители давно научились к ним приспосабливаться. Их тела были менее плотными, чем у землян, поэтому они легко могли планировать через толщи облаков и спирали ураганного ветра. Жилища их располагались ближе к твёрдому металлическому ядру планеты.

Те, кто желал более тихого местечка вдали от суеты крупного мегаполиса, переезжали на Каллисто. Многие вывозили туда своих детей на каникулы.

Но влияние Амаэтэра становилось всё более агрессивным. Пояс астероидов оказался сильно подвержен влиянию солнечного ветра. Астероиды разного калибра пришли в движение и, находясь «между двух огней» – вихрями солнечного ветра и гравитационным полем Юпитера, – стали метаться с невероятной силой и скоростью. До самой планеты они добраться не могли, защитное поле отстреливало их прочь, но вот жилые области на Каллисто оказались под чудовищной бомбардировкой.

В тот печальный день Луцетий с семьёй выехал в свою резиденцию на Каллисто. Время, проводимое там, было для них самым прекрасным. Ведь в это время года погода очаровательна, можно прогуливаться в тени скалистых холмов, наблюдая за бесконечным копошением муравьеподобных животных. Они были дружелюбны к юпитерианцам и давно приручены, их держали в качестве домашних питомцев. Догуры – так их называли жители Юпитера – встречались чёрные и коричневые, их нежная мохнатая шёрстка была похожа на шкурку шиншиллы. В остальном они напоминали муравьёв размером с кошку. А здесь, на Каллисто, был заповедник догуров.

Царь Луцетий с любимой женой Юноной наслаждались своим уединением вдали от правительственных дел и негативных новостных сводок. Луцетий в отличие от Амаэтэра умел ценить общение с близкими. Он с упоением созерцал изящество и красоту Юноны, любовался тем, как она проявляет заботу к нему и сыновьям. Луцетий считал себя счастливейшим во Вселенной.

Всё семейство отличалось высоким ростом и атлетическим телосложением. Со спины они казались баскетбольной командой в туниках и мантиях. Сходство с человеческой расой было, но лишь внешнее. Само тело было неплотное, будто состояло из светящегося тумана. Их тело не нуждалось в сохранении тепла, поэтому одежда служила лишь для защиты от ультрафиолетового излучения.

Лица были невозмутимые и спокойные. Вытянутые черты лица, крупные миндалевидные глаза и свободно спадавшие на плечи волосы выдавали их семейное сходство и принадлежность к царскому роду.

Старшие братья, темноволосые и широкоплечие Статор и Феретрий, находили занятия себе по душе. Они упражнялись в спортивных и военных искусствах на огромном стадионе. Они метали титановые копья, имитации электромагнитных гранат, стреляли в тире из лазерного бластера и даже осваивали в фотонном симуляторе поездки на другие планеты, лавируя на космическом корабле между астероидами и метеорами в открытом космосе.

Младший сын правителя, Лусар, был юношей совершенно иным, романтичным и мечтательным. Его мысли всегда занимали другие миры. Больше всего ему нравилась планета Земля. Голубой цвет этой планеты рисовал в его воображении вечный праздник жизни. Он мечтал побывать на Земле. Оранжевый шар Юпитера навечно погряз в звёздных войнах с красным Марсом и огненным Солнцем. А юноша горячо желал мира и добра. В такие мгновения его сердце начинало стучать по-особенному.

А сердце его было непростым, оно вырабатывало особую энергию, энергию созидания. Ту великую космическую энергию, которая создала в космосе жизнь! Энергия сердца Лусара была способна зажечь несколько новых мощных звёзд, чего так не хватало стареющему Амаэтэру.

Царь Солнца чувствовал, как уходят его силы, гаснет его ядро.

– Я должен завладеть сердцем сына Луцетия! – коварно рассуждал властелин. – В нём моё бессмертие и могущество!

Отец Лусара давно знал, какая судьба уготована его сыну, и всячески оберегал его, не раскрывая секрета. Спутник Юпитера Каллисто считался самым безопасным местом. Но не в этот день...

Лусар проснулся совсем рано, что-то внутри будоражило его и звало.

– Пройдусь немного! Это поможет мне разобраться в своих ощущениях, – решил он.

Выходя из своей комнаты, он встретил мать. Юнона промаялась всю ночь в тягостном беспокойстве, ей захотелось увидеть Лусара. Она с нежностью взглянула в его глубокие синие глаза, на его курчавые волосы золотисто-рыжего цвета. Обняв любимого сына, она успокоилась и, взяв его за руку, пошла с ним.

Проходя мимо гигантской горы известняковой породы, Лусар мирно беседовал с Юноной, рассказывал о том, как томится его душа в ожидании чего-то неизведанного, манящего и сладостного. Юнона слушала и улыбалась: «Какое счастье видеть его столь сияющим!»

На звук их голосов из нор, испещряющих гору со всех сторон, высунули мордочки догурь. Они пыхтели, высунув язычки, и нюхали воздух.

Внезапно и совершенно беззвучно сверху стали сыпаться осколки метеоритов и льда. Ударяясь о поверхность, отскакивали в разные стороны. Один из кусков попал в «муравейник» догуров, размозжив его и оставив лишь глубокий кратер на его месте. Юнону и Лусара отбросило в сторону. Неожиданно долетела и звуковая волна, диким рёвом оглашая всю окрестность. Резкий ветер начал хлестать, поднимая мелкие и средние комья почвы и камни, и раскидывать их, как сеятель бросает в ниву семена. Гул нарастал, приближалось торнадо. Юнона попыталась прикрыть Лусара своим телом, но очередной метеоритный обстрел пригвоздил её к скале. Глаза её с непередаваемой тоской и отчаянием ещё смотрели на сына. Она попыталась перекричать ураганный гул, но, слабея, лишь прошептала: «Берегись, сынок!»

Последним, что увидела Юнона, было уносимое смерчем светящееся тело Лусара.

II. НА КРЫЛЬЯХ АРКТУРА

Слабого и беззащитного юношу нёс в космическое пространство неуправляемый поток солнечного ветра. Пронзительно-оранжевой искоркой мелькнул в вечной темноте младший сын царя Юпитера, завернутый в защитный тонкий плащ, всё дальше и дальше увлекаемый

от родной планеты. Неистовый ветер переворачивал и швырял мальчишку то в одну, то в другую сторону, совсем как это бывает с газетным листом в ветреную погоду у нас, на Земле.

Постепенно сила ветра иссякла. Бездыханное полупрозрачное тело юноши невесомо плавало в вакууме. И лишь его сердце посылало слабый сигнал жизни.

Жить ему оставалось недолго. Космос не любил слабых. В безвоздушном пространстве, в условиях высокой радиации и отсутствия гравитационного поля даже такой сильный организм, приспособившийся для жизни на Юпитере, не мог существовать. Юноша свободно парил, уносимый в сторону голубой планеты. Ему всё яснее казалось, что его мечта скоро осуществится. Он был в забытьи, и вспышки его сознания рисовали фантастические картины. Всполохи на ярко расцвеченном небе, дни и ночи, закаты и рассветы ускоренно сменяли друг друга, видимые только с Земли. Природные пейзажи бескрайних полей и степей, то укутанных снегом, то зеленеющих озимыми, то играющих пестротой цветущих трав. Леса, густые и дремучие, зелёные и горящие багрянцем и золотом. Водные глади озёр и синева морей, бурлящие горные реки и широкие потоки. Лусар блаженно внимал своим видениям, погружаясь всё глубже в дивную мечту.

Но не так и далеки были его грёзы от реальности. По мере приближения к Земле он уже чётко видел очертания морей, гор манящей его планеты.

Планета Земля была уникальна тем, что на ней всё было живое. Горы, моря, реки, леса, поля, живые существа и люди, населяющие эту планету, имели душу и сердце. Умели любить!

Планета Земля сумела защитить себя от агрессии царя Солнца. Озоновый слой создавал заслон от пагубного ультрафиолетового излучения. Её окружали плотные слои атмосферы, через которые не проникал солнечный ветер. Всё, что подлетало к Земле, полностью или частично сгорало в атмосфере.

Тело юноши неумолимо двигалось к опасной черте. Так бы и погиб наш герой, если бы его не заметили ангелы. Они приняли его за

одного из своих братьев. Тонкие и нежные черты прозрачного лица Лусара напоминали добрых посланников с планеты Земля. Заботливые ангелы подхватили Лусара за полы его плаща и понесли в безопасное место.

Слабый пульс сердца показывал, что юпитерианец ещё жив. Именно этот импульс и услышали ангелы – два родных брата, Фариз и Радбос. По ангельским меркам братья были слишком молоды и не понимали, что, выбираясь в открытый космос, за пределы атмосферных слоёв Земли, они попадали во владения царя Амаэтра и подвергали себя серьёзной опасности. Их полувоздушные крылья не могли выдержать жгучий солнечный ветер.

Но братья-ангелы, почувствовав пульсацию ещё живого сердца, не смогли равнодушно наблюдать гибель молодого юноши.

– Если мы ему не поможем, то какие мы тогда ангелы? – вскричал Фариз.

К счастью, Земля в своём ежедневном ритме вращения была повернута к Солнцу другим полушарием. Излучение было менее интенсивным. Два отчаянных ангела приложили все силы, чтобы как можно быстрее перенести юношу через узкий коридор в атмосфере в свой мир.

Юные земные ангелы жили в школе-интернате. Эта школа располагалась на высшей точке горы Лазурит. Вершина горы была всегда отделена облаками от поверхности Земли. Школа ангелов была, пожалуй, самым укромным местом на планете. Люди, построившие деревеньки у подножия горы, едва ли догадывались, в каком особенном месте они поселились. Они вели свою обычную жизнь, пасли коз и овец на горных пастбищах и долинах, набирали из горных ручьёв воду для своих нужд, собирали ягоды и коренья. По вечерам пели песни, а по праздникам водили хороводы и устраивали пиры с плясками. Это был очень счастливый народ. И неудивительно: ангельская благодать распространялась на всё вокруг. Люди всегда были в прекрасном настроении и добром здравье.

Школа для ангелов – и дом, и учебное заведение. Чистые души умерших землян и жителей других высокоразвитых цивилизаций прилетали сюда, чтобы пройти обучение.

Издали школа могла иметь очертания то величественного готического храма, то узорчатого дворца, то высотной башни-вышки, то замка с крышами-пагодами и даже невероятных космических кораблей и станций со всей галактики. Вблизи всё было неосвязаемо. Энергия здесь была лёгкая, словно из облаков. Мысли приближавшегося существа превращались в зрительные образы, в воздушные картины из невесомого эфира, – так работала эта живая энергия. Изображение служило ориентиром для всех органов чувств ангела.

Попадая в школу, души обучающихся и уже действующие ангелы могли вновь по своему желанию обрести любой человеческий образ и ходить пешком. Длительность обучения для каждого оказывалась своей. Главными предметами в школе были «Устройство жизни людей», «Безопасность и исцеление человека», «Добро и зло», «Умение любить» и «Свод нерушимых ангельских правил». Служить людям отпускали лишь тех, кто полностью закончил изучение базовых наук и прошёл все испытания. Воспитанные в строгости к себе и любви к людям, ангелы являлись на Землю в виде стражников от всех разновидностей зла.

К каждому жителю Земли старались приставить такого ангела, задачей которого было одно – оберегать человека от несчастий. Людям не дано видеть своих ангелов-хранителей. Но вера в них укрепляла связь между ними. Человечу, не верившему в их присутствие, ангелы помогали «руками» других людей, животных, направляли при помощи знаков.

Фариз и Радбос были ещё совсем юными ангелами, не завершившими полный курс обучения. Их мальчишеские лица радостно сияли, а в ярко-синих глазах прыгали шаловливые искорки задора. Они жаждали действовать, всегда рвались на самые опасные операции, ничего не боялись.

Два неразлучных близнеца прибыли с планеты Арктур созвездия Волопаса, воздушным змеем раскинувшегося на просторах Вселенной. Их дом прежде был прекрасен, города и деревни парили на дисковидных платформах над серебристым безбрежным океаном, что на

закате переливался разноцветными красками. Ничего этого не осталось. Близнецы не успели родиться. Их мать, находясь в положении, погибла под развалинами разрушенного города.

Космические столкновения неизбежно случались во всей Вселенной. Действия правительств не нравились и вызывали протест. Несогласные жители стремились показать, что они настроены серьёзно и готовы к революционным поступкам. Они устраивали взрывы и поджоги. Часто гибло мирное население. После таких бедствий Высшие силы находили чистые души, которые особенно ярко светили, и переносили их в тихий мирный уголок, в школу ангелов на вершину горы Лазурит.

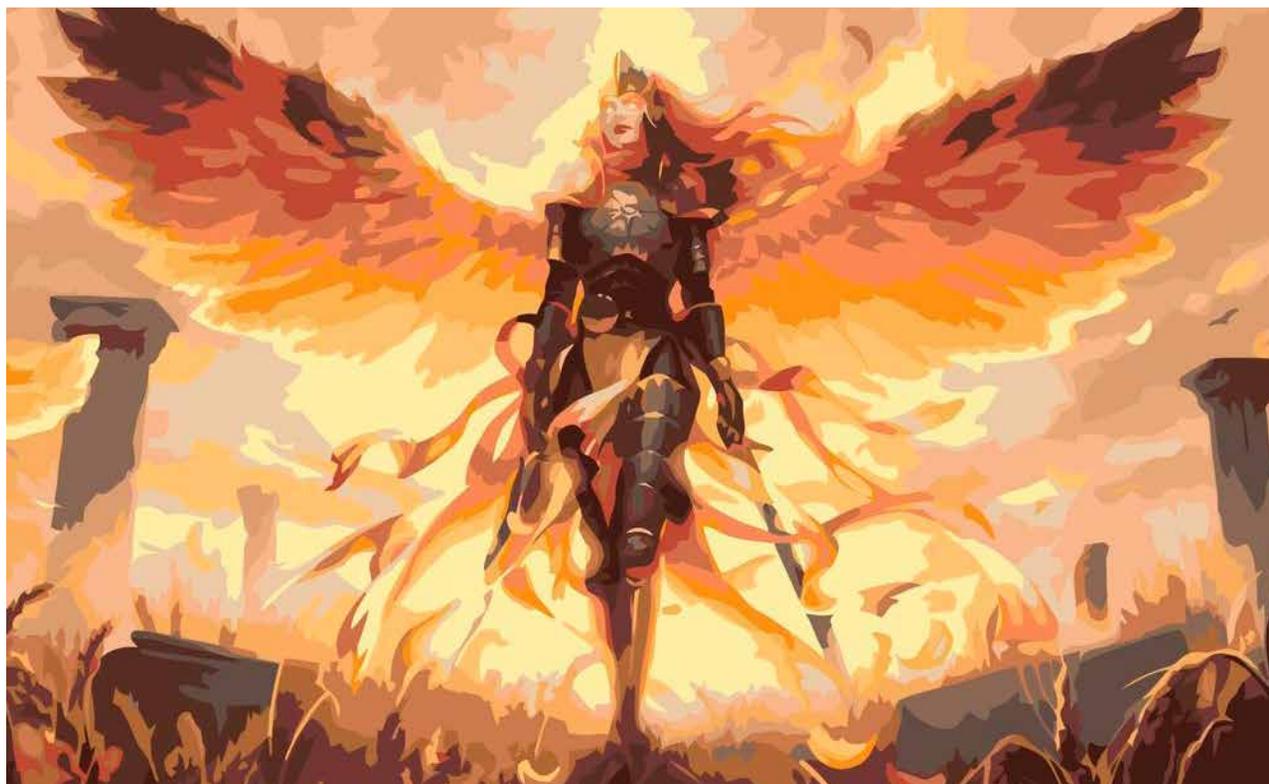
Спокойная обстановка, мудрое воспитание и чистая энергия Арктура вырастили из близнецов необычайно добрых созданий. Но чрезмерное бесстрашие братьев вызывало тревогу у верховного наставника школы, Абалима. Фариз и Радбос постоянно нарушали закон ангелов – «не выходить в открытый космос!». Огромный риск не оправдывал себя, к тому же привлекал внимание агрессивно настроенных существ. Каждый ангел был чрезвычайно важен в общем балансе добра и зла. Потеря собрата ранила бы всех ангелов и ослабила бы создаваемую ими всеми световую защиту.

И в этот раз учитель уже стоял в смотровой беседке-ротонде и вглядывался в небеса. Силуэт

верховного ангела был окружён белым свечением, более интенсивным, чем у обычных ангелов. Длинная белая борода золотилась в солнечном свете. Могучие крылья были сложены за спиной, а руки скрещены на груди. Его взгляд стал холоднее, когда он увидел спускавшихся к нему с неба по неосязаемой облачной лестнице Фариза и Радбоса. Выражение лица Абалима не предвещало ничего хорошего братьям. Суровая беседа и далее общая проповедь с примерами того, что может произойти с ангелами, которые нарушат Правила, были крайне неприятны чувствительным душам учеников.

От взгляда Абалима не укрылось, что Фариз и Радбос прикрывают что-то своими широкими крыльями. Верховный ангел мгновенно оказался рядом и взмахом руки приказал разойтись и показать свою находку. Он сам взял на руки обессиленное тело Лусара и перенёс его в лазарет. Едва проведя ладонью над телом юноши, Абалим понял, что перед ним житель Юпитера. Его аристократические черты лица, высокий лоб, удлинённый нос, тонкие губы выдавали в нём существо весьма высокого рода. По прожжённому плащу было видно, каким страданиям его подверг солнечный ветер.

Ангелам-близнецам, спасшим измученного юношу, на сей раз повезло: наставник был полностью сосредоточен на спасении жизни Лусара. Наказание отложили.

ТОПОТУШКИ- ХЛОПОТУШКИ

В норке под могучим дубом, как обычно, с самого утра кружила суета. Трое крысят-близняшек – две девочки и мальчик – носились кто с тряпкой, кто с веником, кто с посудой. Такие они, каникулы в лесу у бабушки Шуршумы!

Она была, не в пример другим крысам, большая аккуратистка. Всё у неё в хозяйстве спорилось. Тут вам и тарелочка к тарелочке, и салфетки накрахмаленные, и вкусняшки на всякий час припасены.

Вот и опять чем свет поднялись эти неугомонные топотушки-хлопотушки, как называла их почтенная крыса.

Ясно, ребятам возиться с хозяйством казалось пресным делом. Гораздо веселее в лесу, где можно вдоволь резвиться, играя с соседскими мышатами, бельчатами и ежатами. Но не тут-то было! Строгий взгляд из-под круглых очков гасил любую искру озорства. Всякий в семье, говаривала бабушка, должен оправдывать свой хлеб – по мере сил. А малыши – замечательные помощники взрослых.

– Топотушки-хлопотушки, – нет-нет да и подмигивала шалунам бабушка.

У неё – не зевай! Кажется, она видит малейший промах: кому велит штаны подтянуть, кому шнурки завязать, кому волоски пригладить. А у самой, как говорится, всё в руках горит. Пока на плите подходит бульон, она ловко режет овощи: капусту, лук, морковь. Да не забывает тесто обмять, чтоб не подглядывало из-под крышки.

Но этот день выдался особенным: он принёс детворе целое открытие! Дело было так. Одна из внучек, худышка с розовым бантом на густом чубчике, позабыв обо всех заботах, засмотрелась на бабушку. Проворность, с ко-

торой славная умелица Шуршума начиняла повидлом пирожки, показалась ей не хуже, чем у жонглёра в городском цирке, который подбрасывает и ловит аппетитные яблоки. Заметив это, братишка, сердитый на весь свет, проворчал:

– Ты, бабушка, наверно, уже в своей колыбельке уборку делала!

– Вы что же, – рассмеялась та, подбоченившись, – думаете, что бабушка родилась в очах, в платке и с метёлкой в руках? Нет. И я была дитяйкой, и я была лентяйкой. Только исправилась.

– Как это? – подроспела к ним пухляшка со сбитой косынкой на голове.

– Расскажи! – в один голос пропищали внуки.

Бабушка окинула любопытных крысят умильным взором и объявила:

– Вот закончим топотушки-хлопотушки – так и за рассказы.

Её слово было крепкое. Крысята ни спорить, ни уговаривать не стали, а принялись за свои участки. Один с космической скоростью дочистил полы, другая домыла и расставила по местам посуду, третья наконец натёрла последнее зеркало до блеска. Подгоняло ребятню нетерпение...

– Ну, теперь можно и за сказочку, за былиночку, – с удовольствием оглядевшись, кивнула бабушка.

Она достала корзину с пряжей, села в мягкое кресло, чинно пригладила усики. Внуки окружили старую Шуршуму, доверчиво подняв на неё чёрные блестящие глазёнки. Казалось, всё вокруг замерло во внимании. Спицы начали выводить петельки, а бабушка – давнюю былё.

Говорила она размеренно, пересыпая рассказ ходовыми задорными словечками:

– Наша братия, крысы, конечно, народ вольный. Другие, увы и ах, считают нас существами грязными. По правде говоря, за многими это водится, многие живут день за день, прозябая на городских помойках. Но всегда можно вырваться из сетей привычки – лишь бы желание было. Впрочем, на одном желании тоже далеко не уедешь – важно подкреплять его делами. Постоянно! Тогда только и будет прок.

Помнится, супротив нашей норки на окраине городского парка, больше похожего на лес, жила хомячиха. Хома её звали. И была она чистюля, каких свет не видывал. И фартучек-то на ней накрахмаленный, и в доме-то ни пылинки, и в закромах всего полно. А уж готовила – пальчики оближешь да добавки потребуешь. У меня, наоборот, платье в пятнах, в дырках, в норе – паутина комьями, разные огрызки, клочки по углам. Подумаешь – и так сойдёт. Зато свобода: хочешь – поскребышь стену, хочешь – пошебуришь в бумаге. Только брюхо иной раз от голода сводит – хоть на луну вой, не хуже волка. Тощая я была, что твой чипс. Женихи наши, уж кажется, непривередливы, а и те от меня нос воротили: одно слово – замухрышка. Порой лежишь себе мечтаешь: вот бы и у меня так – подзоры на белых простынях, половики полосатые, ватрушки-пряники разные.

Раз так замечталась, что уснула на пустой желудок. Ночью поднялась – в норе ни крошки, всё родня подъела. Чем завтра сыты будем – Бог весть.

Почесала я за ухом. А голод, он злой. Припирает, заставляет думать, метаться в поисках. Каждый день. Не то у Хома. Она и не знает, что такое голод, потому что заранее заботится о будущих днях. Кумекаю себе: дело ли прозябать от крошки до крошки? Пойду-ка попрошу Хому научить меня хозяйствовать. Порешила так и наутро впрямь перешла через улицу – к Хоме постучалась.

Та удивилась моей просьбе, но в помощи не отказала. Добрая была душа. Даже перекусить дала, чтоб мне сил набраться.

Пошли мы в мою мрачную конуру, пока все остальные на охоте. Хома как увидела тарарам – только жалобно-прежалобно пискнула. А мне до того стыдно стало, хоть провались. Хома заметила это и утешила: «Не горюй, соседка. Намерение выкарабкаться из грязи делает тебе честь. Уж коль начала, будь терпелива, доведи до конца». Видите как – она и говорить умела складно, потому что много умных книг читала.

Нанесла она всяких щётки-метёлки от себя. Ну и начали. Перво-наперво Хома за уборку взялась. «Топотушки-хлопотушки», – весело хлопнула в ладоши и давай хлопотать. Только и слышно быструю дробь: топ-топ-топ-топ, топ-топ-топ-топ. Сама паутину смахивает, а мне пол мести назначила. Я машу-машу веником, усердно машу – пыль столбом. А Хома поучает: осторожнее надо быть, не размахиваться, не то пыль на полках осядет. Уж премудрости! Я мела-мела, притомилась. Села. Хома только лапками короткими всплеснула: в углах-то кучи мусора. Я приобиделась: там всё равно никто не ходит, даже не заглядывает. Но скрепя сердце сделала. Вроде лучше глядится. Ох, правда – тяжела уборка. В другой раз, думаю, не свяжусь.

Следом стирку учительница моя затеяла. Я поболтала в тазу платица-штанишки – готово. Хома тут как тут с лупой. Там пятно, сям дырка. И показала – как надо. Лучше сначала замочить, чтоб первая грязь отошла. Потом в другой воде с порошочком потереть самые замусоленные места, пока не очистятся, и пожмыхать одежду. И наконец, прополоскать в чистой воде. А там, само собой, на верёвку повесить – сушиться. Ой, думаю, это так-то?! Ещё хуже, чем уборка. Нет, поглотай скорлупки! С меня хватит!

«Не робей, душенька, – подбодрила на тот случай мудрая Хома. – Любишь ты мечтать, говоришь, так и мечтай себе за делом или пещенку затай. Не заметишь, как время пролетит, а вокруг – порядок, рядом – стол сладок».

Заговорили о еде – животики подвело. Взяли корзинки – да в лес. Хома чернику в лукошко кладёт, жёлуди в карманы суёт, зёрнышки за щёки набивает. Шустро бегаёт от дерева к дереву, от куста к кусту, топотыжка эдакая.

Ну а я согнулась-разогнулась, согнулась-разогнулась, раз на десятый и вовсе умаялась. Наелась черники – и нужны мне эти пироги да запасы. Лучше по лесу погулять, полюбоваться. Хома увидела – присела, даже усики у неё задрожали. От досады, наверное. Мне опять неловко сделалось: я Хому просила помочь, она старалась, а я, бездельница, в ус не дую.

«Я сейчас, – говорю, – замешкалась».

И давай валить в кучу и грибы, и ягоды, и семена, и траву – что наскоро подвернётся.

«Долго, мало, да ещё всё вперемешку, – покачала головой соседка. – Дома придётся перебирать».

И перебирала. А Хома времени даром не теряла – книжку читала вслух. Рецепты супа, компота и шарлотки.

Напоследок принялись за это наиважнейшее дело – ужин готовить. Мне задание – жёлуди перетирать в муку, чтоб из неё потом какую-то диковинную шарлотку испечь. Хома взялась за суп грибной и за компот.

Крутила я каменную мельницу до боли в спине, до слёз даже. Вот где терпенье надо, какого нет у меня! Готовить мне тоже не по сердцу, значит. А Хома всё заладила: мало и мало. Целую горку наворотила – тогда только эту неумную хозяйку устроило.

Шарлотку уж вместе делали. Вернее, Хома и тесто месила, и украшала верх ягодами, и в печь ставила. Я только наблюдала, позёвывая.

Наконец всё было сделано. Порядок наведён, стол накрыт. Хома с удовольствием огляделась по сторонам и провозгласила:

«Теперь можно и поблаженствовать. Прощу к столу, сударыня». – «Уж какая сударыня, – отмахнулась я. – Неумёха чернорабочая». – «Сама себе служанка, зато сама и госпожа. Разве плохо?»

Неплохо – согласилась я, хлебнув ароматного супчика. Очень неплохо – подтвердила, откусив сладкой шарлотки. Даже отлично – решила наконец, глотнув освежающего компота. В самом деле, ради покоя, ради того, чтоб всегда всё было, стоит и потрудиться.

Напоследок поклонилась я Хоме от души. А она мне поварскую книгу подарила – сама

ведь она все рецепты уж наизусть вызубрила.

Поздно вечером пришло моё семейство. Удивились очень. Ужин вместе с припасами как ураганом унесло. Похвалили, конечно, и, как водилось, наследили.

На другой день опять надо бы уборку, да стирку, да готовку. А я – за старое. Пока есть не хочется, лежу, пальчиками перебираю и думками богатею. Вроде не по мне все эти топотушки-хлопотушки. Пусть всё останется так, как Хома сделала.

Глянула – скорлупа белеет под столом. Вид портит! С горем пополам встала, убрала. Кофты в углу замызганные – постирала. Уж время обеда. В животе урчит. «Всё равно, – кумекаю, – промышлять по чужим дворам за отбросами. Лучше пойду-ка в лес». Собирала всякий плод через силу. А там по книжке сносного варева сделала. Да ещё в зеркало погляделась, навела лоск. Как принялась щеголять опрятностью, так и женихи стали заглядываться. Дуэли даже устраивали. Ещё выбирать пришлось – вашего дедушку. Так-то!

– Значит, с тех пор ты полюбила топотушки-хлопотушки? – спросил розовый бантик.

– Вы все удивитесь, но удовольствия мне от них мало. Гулять бы на свежем воздухе, песенки перебирать, книжечки почитать... Но как раз на то и хозяйство, чтобы жить припеваючи. Пусть поработаю до упада, зато у меня всё в полной готовности. Хочешь – в платье наряжайся, хочешь – мёдом лакопись, хочешь – страничками шелести. Теперь и вас я заранее приучаю к порядку. Потому что знаю: порядок – это хорошо!

– Получается, ты сама себя заставляешь работать? – засмеялся внук.

– Хоть и нехотя, но делать – это всё-таки лучше, чем складывать лапки. Открою секрет: есть один пруттик, который меня погоняет. Как мне лень, вспоминаю Хому с её забавной поговоркой – «топотушки-хлопотушки». Сразу улыбнусь, задор и появляется. Шлёпну в ладоши, потру друг о друга – и ну хлопотать-топотать. Потому что как потопашь, так и полопашь.

Александра МИХАЙЛОВА

«АЛЕКСАНДРЪ» В ГОРОДЕ НЕВЕСТ

28 января 2023 года в Центральной универсальной научной библиотеке Ивановской области состоялась презентация январского (2023 г.) выпуска ежемесячного литературно-исторического журнала «Александръ», издающегося под эгидой Союза писателей России. Этот выпуск практически целиком посвящён творчеству литераторов Ивановского регионального отделения Союза писателей России, что особенно знаменательно в преддверии 90-летия творческой организации. На страницах представлены произведения 23 современных ивановских авторов.

Открыл встречу председатель Ивановского отделения Союза писателей России Юрий Орлов. Представил журнал главный редактор, секретарь правления Союза писателей России, профессор, доктор экономических наук, прозаик, публицист Анатолий Сергеевич Труба. Он рассказал об истории возникновения журнала и его названия, о том, что первоначальная идея журнала – дать возможность русским авторам высказаться, проявить свои творческие способности, прославляя русское слово.

Журнал «Александръ» издаётся с октября 2016 года. За это время много сделано, границы распространения журнала расширяются, его недавние презентации прошли на литературных форумах и фестивалях в Болгарии, Белоруссии, на Урале, в Пятигорске и др. Стало уже традиционным в начале года публиковать в выпуске подборку произведений писателей какого-либо региона, что даёт своеобразный вектор движению журнала к читателю. В своём выступлении Анатолий Сергеевич затронул также проблемы региональных писательских организаций, Союза писателей России в связи со сложившейся международной ситуацией и

предстоящим съездом Союза писателей России, ответил на вопросы зрителей.

С приветственным словом в записи с экрана выступил член редколлегии и иллюстратор журнала, заслуженный художник РФ Никас Сафронов. Он пожелал ивановским литераторам оптимизма, благодарности читателей, замечательных издателей и удачи в творчестве.

Свои стихи читали авторы, вошедшие в «ивановский» номер журнала «Александръ»: Юрий Орлов, Виктор Соколов, Лариса Щасная, Нина Матвеева, Елена Макарова, Александр Шестунин. Подборку произведений поэтов-фронтовиков: Михаила Дудина, Владимира Жукова, Владимира Догадаева, а также известного российского поэта Геннадия Серебрякова, на кого и сегодня равняются авторы, – представил Юрий Орлов.

Ивановские прозаики Алексей Федотов, Владимир Зимин, Игорь Безрук, Светлана Олексенко, Наталья Менендес и Сергей Иткулов рассказали о своих произведениях в вышедшем номере издания, истории их возникновения и создания, затронули вопросы творчества в целом. Каждый из литераторов получил свой авторский экземпляр журнала. Презентация прошла в атмосфере вдохновения.

В своём заключительном слове главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Сергеевич Труба ещё раз подчеркнул, что ему «посчастливилось открыть для себя "ивановское" литературное слово – вроде бы простое, незамысловатое, но в то же время искреннее, идущее от самого сердца, от которого не устаёшь, а воспринимаешь его как само собой разумеющееся, чисто русское».

Игорь БЕЗРУК,
г. Иваново

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru